

ГРАНДИОЗНЫЙ МИР

FM

Конфуцианство

ГРАНДИОЗНЫЙ МИР

CONFUCIANISM

A SHORT INTRODUCTION

JOHN H. AND EVELYN NAGAI BERTHRONG

ONEWORLD
Oxford

ДЖОН И ЭВЕЛИН БЕРТРОНГ

КОНФУЦИАНСТВО

Москва
2004

ИЗДАТЕЛЬСКО
ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГРАНД **Ф**air
пресс

УДК 221.7
ББК 86.33 (4Вел)
Б52

Бертронг Д. и Э.

Б52 Конфуцианство / Джон и Эвелин Бертронг. —
Пер. с англ. О. Перфильева. — М.: ФАИР-ПРЕСС,
2004. — 304 с.: ил. — (Грандиозный мир).

ISBN 5-8183-0770-0 (рус.)
ISBN 1-85168-236-8 (англ.)

Конфуцианство — одно из главных этико-религиозных учений Востока и древнейшая философская система. В этой книге феномен конфуцианства исследуется с разных точек зрения: как образ жизни последователей учения, как живая традиция, как образовательная и государственная система. Рассказывая о философских и мировоззренческих аспектах конфуцианства, авторы дают исторический очерк его возникновения, развития и распространения в странах Востока и всего мира.

Для широкого круга читателей.

УДК 221.7
ББК 86.33 (4Вел)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

- © John H. Berthrong and Evelyn Nagai Berthrong, 2000.
All rights reserved.
Foto: Evelyn Berthrong.
Published by arrangement with
Oneworld Publications, Oxford, England
- © Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ФАИР-ПРЕСС, 2004

ISBN 5-8183-0770-0 (рус.)
ISBN 1-85168-236-8 (англ.)

Глава 1

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

КОНФУЦИАНСТВО И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Конфуцианство всегда, как и в наши дни, представляло собой обширную взаимосвязанную систему философии, идеологии, ритуалов и обычаев, оказывавшую влияние на повседневную жизнь многочисленного населения Восточной Азии. Сейчас оно проникло и в другие части света. Хотя на Западе конфуцианство чаще всего воспринимают только как философское учение, все же правильнее видеть в нем всю совокупность духовной жизни многих поколений жителей Восточной Азии. Всевозможные сферы человеческой деятельности испытали на себе воздействие конфуцианства. В различные времена и в различных государствах конфуцианство оставалось основным религиозным способом осмысления и практики; философским исследованием окружающего мира; этической теорией; образовательной программой; комплексом семейных и обще-

ственных ритуалов; эстетической теорией; философией истории; основой экономических построений; интеллектуальной питательной средой поэтов и художников; а также многим другим. К примеру, именно конфуцианству мы обязаны самыми обширными историческими записями в истории человечества — от самых первых цивилизаций до современности. Ученые-конфуцианцы занимались разработками в областях медицины и гидравлики, искусством выращивания карликовых растений и чудесных садов.

В Китае, Корее, Японии и Вьетнаме конфуцианство, развиваясь в ходе истории, сформировало мировоззрение, образ жизни, культурные традиции, которые живы и до сих пор. Конфуцианство уделяло внимание искусству, морали, религии, семейной жизни, науке, философии, управлению государством и экономике. Говоря кратко, конфуцианские ученые занимались всеми аспектами духовной и интеллектуальной жизни. Более того, конфуцианцы сыграли определенную роль и в распространении новых идей и изобретений. Их деятельность образует как бы каркас, на котором строятся все достижения цивилизации. Последователи Конфуция всегда обладали комплексным, целостным и органичным взглядом на общество, природу, человеческий характер, мысли и образ жизни. Очень интересно следить за тем, как одинаково конфуцианцы воспринимали свою «культуру», или Дао (Путь), на протяжении столетий, находясь на значительном удалении друг от друга.

Для нашей книги мы придумали идеальную конфуцианскую пару — мужа и жену. Ученый господин Ли и его супруга проживают в прекрасном, прославленном

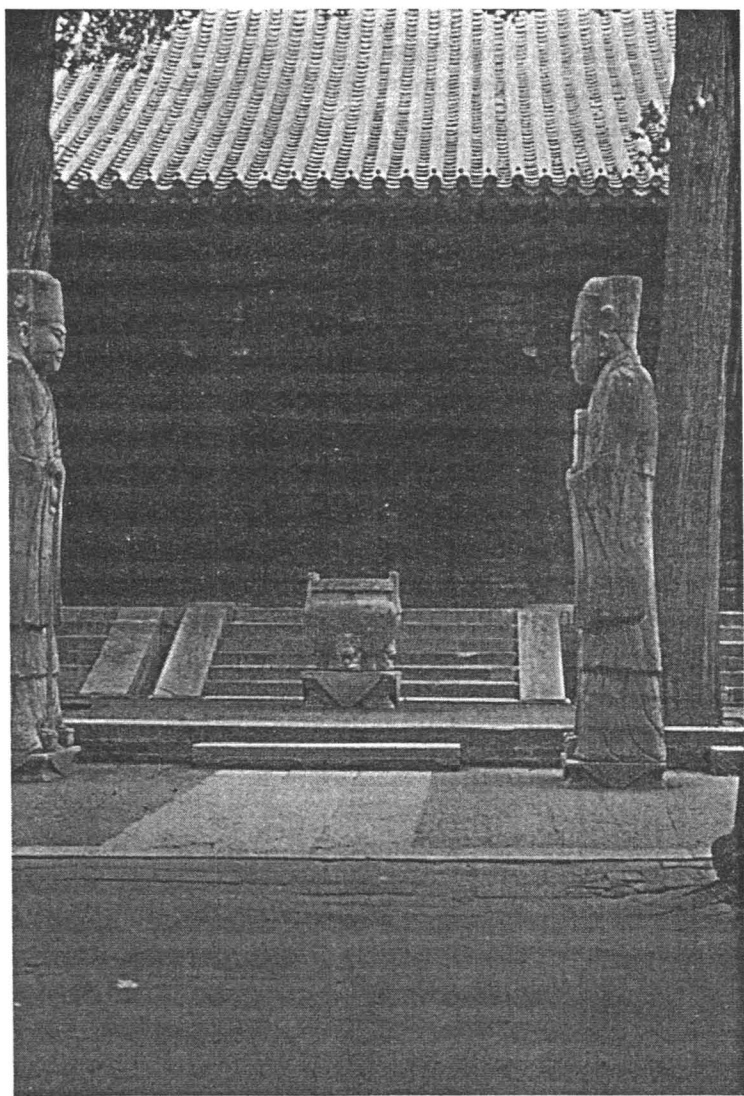
своими культурными традициями городе Сучжоу (расположенном в Центральном Китае, к югу от великой реки Янцзы). Действие происходит в 1685 году. Супруги Ли представляют собой, что называется, «идеальный тип», или архетип, то есть обобщенный портрет супругов того времени, живших в согласии с конфуцианскими традициями. Мы использовали этот прием, чтобы показать, что конфуцианство во все времена было чем-то бóльшим, нежели просто теория. Конфуцианство давало образец поведения, которому стремились следовать самые разные люди. При этом все они понимали конфуцианство исходя из собственного социального положения: так, супруги Ли могли полностью осознавать все правила и постулаты этого учения, тогда как представители крестьянского семейства на юго-востоке Китая имели лишь смутное представление о том, что такое конфуцианство. Однако, как мы увидим, конфуцианство оказывало влияние на образ жизни всех обитателей Восточной Азии. Конечно, в наибольшей степени его влияние на китайское общество проявлялось именно в ту эпоху, когда жили выдуманные нами супруги Ли, то есть в конце XVII века. В последние эпохи императорского Китая это учение переживало небывалый подъем, поэтому мы и решили прибегнуть к данному приему.

Выбрав 1685 год, мы можем рассмотреть конфуцианское общество в один из периодов его расцвета. В то время правил великий император Канси (1662—1723), который, хотя и происходил из благородного манчжурского рода, то есть родился за пределами собственно Китая, стал одним из самых замечательных правителей в истории этого государства. Его буквально оча-

ровывал окружающий мир, и он стремился подчинить все благородным и гармоничным целям расширения своей империи. Какими бы ни были его идеалы и способности их достижения, достоверно известно, что Канси обладал весьма обширными познаниями в традиционной конфуцианской культуре. Приверженность Канси конфуцианству наглядно подтверждает тот факт, что конфуцианство к тому времени стало международным и межкультурным явлением. Вместе с тем в самом конфуцианстве происходили последние из больших философских перемен — в основном благодаря развитию прославленной школы «конкретного учения», или «учения о естестве». Представители этой школы критиковали своих предшественников эпох Хань, Сун, Юань и Мин; им удалось поднять основополагающие принципы конфуцианства на новую высоту.

Само слово «конфуцианство» — западный термин, но все признают, что основателем этого учения был Конфуций (551–479 до н. э.), по имени которого оно и названо. Учитель Кун, если называть его китайским титулом и именем, весьма удивился бы этому. Учитель Кун свято верил, что он восстанавливает учение древних мудрецов, а не основывает какое-то новое учение. Однако, как это часто случается в истории великих религий и культурных реформ, когда люди стремятся восстановить прошлое, они волей-неволей создают нечто новое. Так получилось и у Учителя Куна.

Учитель Кун столкнулся с большой проблемой. К его времени династия Чжоу явно пришла в упадок. И хотя эпоха Сражающихся Царств началась только после смерти Учителя Куна, он спрашивал себя,

Скульптуры охранников при входе в храм в «Лесу Конфуция» — традиционном месте погребения членов рода Кун. Предполагается, что под одной из насыпей находятся останки самого Конфуция

каким образом можно восстановить былые порядки. Ответ казался простым: нужно изучать историю великих основателей династии Чжоу и, опираясь на их принципы, восстановить и спасти китайский мир.

МИР КОНФУЦИАНСТВА

Если вернуться во времена супругов Ли, то к 1685 году в Китае (и других государствах Восточной Азии) конфуцианское учение доминировало уже на протяжении столетий. К примеру, в 1313 году монгольское правительство утвердило одну из форм конфуцианства, а именно учение Чжу Си (1130–1200), как официальную идеологию при сдаче имперских экзаменов. Все местные, провинциальные и общенациональные экзамены проводились на основе конфуцианских классических сочинений, которые в поздние эпохи Мин и Цин приобретали все большую популярность. Больше того: наряду с формальным образованием конфуцианство оказывало все большее влияние на изобразительное искусство, поэзию, семейную жизнь и местное управление.

Имперский Китай поздних эпох можно назвать конфуцианским обществом в том смысле, что все интеллектуальные устремления, моральные правила, система образования, семейные ритуалы и политическая идеология несли на себе печать конфуцианской мысли и образа жизни. Конфуцианство проникло во все слои китайской жизни. Даже среди социальных классов, не приобщенных к формальному образованию, бытовало стойкое убеждение, что только благо-

даря конфуцианству можно подняться по социальной лестнице и достичь успеха. Конечно, были и несогласные с официальной доктриной, особенно среди даосов и буддистов, хотя многие образованные представители этих двух альтернативных идеологий наряду со своими текстами также хорошо знали конфуцианские сочинения. Конфуцианство в той или иной мере проникло в жизнь большинства китайцев.

Хорошо это или плохо? На такой вопрос невозможно ответить однозначно «да» или «нет». Большинству конфуцианцев такое положение, конечно же, казалось благом, но иногда самые лучшие представители этой традиции высказывали свои сомнения. Не утратило ли конфуцианство своей этической остроты? Не закоснело ли оно в своих правилах? Не слишком ли оно срослось с аппаратом государственного управления? Многие современные последователи конфуцианства в Китае, Корее, Японии и Вьетнаме, а также западные исследователи критикуют конфуцианство поздней эпохи за то, что оно как бы остановило развитие культуры Восточной Азии во имя Первого Мудреца. Конфуцианский мир окаменел, стал ориентироваться только на прошлое. Но так ли это на самом деле? На этот вопрос тоже нет простого ответа. С точки зрения исследователей 1920-х годов, то есть периода самого большого упадка в развитии культуры современного Китая, критика конфуцианства казалась более чем оправданной. Ведь падение традиционной китайской культуры пришлось как раз на момент наибольшего распространения этой идеологической системы. Для спасения Китая и Восточной Азии вообще действительно требовалось нечто новое.

Однако в наше время наблюдается возрождение конфуцианства изнутри; экономические достижения стран Восточной Азии напрямую связывают с прошедшими через все испытания традиционными конфуцианскими ценностями — стремлением получить образование, уважением к семье, трудолюбием и желанием достичь благосостояния посредством гармоничного сосуществования с окружающими, а не благодаря индивидуальным усилиям и конкуренции. Еще один трудный вопрос — определить, что именно в китайской культуре является конфуцианским, поскольку этим словом определяют слишком много различных явлений. Тем не менее можно без преувеличения сказать, что конфуцианство — основная форма китайского восприятия окружающего мира. Конфуцианский Путь продолжает существовать во многих проявлениях современной жизни Восточной Азии и среди восточноазиатской диаспоры. Как будет развиваться дальше эта великая культурная традиция, покажет только время.

КОНФУЦИАНСТВО В РАЗНЫХ СТРАНАХ И КУЛЬТУРАХ

К сожалению, из-за ограниченного объема книги мы не можем подробно рассмотреть роль конфуцианства во всех странах Восточной Азии. Хотя на Западе конфуцианство обычно воспринимают как исключительно китайский феномен, это скорее международное религиозное и философское движение. Из Китая оно распространилось в Корею, Японию и

Вьетнам. С течением столетий из традиционно китайского типа поведения оно превратилось в неотъемлемую часть повседневного образа жизни населения всех этих стран. При этом в каждом культурном окружении оно развивалось по-своему.

Каждая из стран Восточной Азии восприняла конфуцианство как часть общего китайского культурного багажа. Особенно показателен в этом отношении пример Кореи. По мере становления корейского государства конфуцианство занимало все более прочное место в корейской культуре. К концу XIV века пережившая столетия династия Чосон (1392–1910) объявила конфуцианство официальной философией и религией Кореи. В ходе последующих веков корейские ученые заимствовали и переработали многие положения неоконфуцианства. Лучшие философские работы в Восточной Азии XVI века принадлежат корейцам, никто так не развил синтетическое учение Чжу Си, как они. Для того чтобы привести повседневные обычаи в соответствие с требованиями конфуцианства, корейцы даже изменили свои семейные отношения, в том числе и свадебный ритуал. Корейцы с полным основанием могут утверждать, что к XVIII веку их страна была самой конфуцианской во всей Восточной Азии.

В Японию конфуцианство проникло после того, как оно распространилось в Корею. В ранний период японской истории его преподавали в буддийских монастырях как часть образовательной программы для представителей знати. Со времени китайской династии Тан (618—907) в Японию все больше стали проникать самые разнообразные культурные традиции Китая, хотя

в духовном и культурном плане предпочтение всегда отдавалось буддизму. Однако в эпоху сёгуната Токугава (1600–1868) в японской культуре наметилось упрочение позиций конфуцианства. Сёгуны воспользовались административным потенциалом этого учения, а японские интеллектуалы, как и их собратья в Корее, были покорены философскими и историческими тонкостями конфуцианской мысли. И так же, как в Корее, к XVII—XVIII столетиям японские ученые принялись развивать учение в своем направлении. В конце периода Токугава многих молодых реформаторов, совершивших великие реформы Мэйдзи (1868), вдохновляли именно конфуцианские деятельные представления о морали. В уникальном смещении вероучений, характерном для японской культуры, конфуцианство четко прослеживается и сегодня.

О роли конфуцианства во Вьетнаме нам известно гораздо меньше; мы знаем, что цари и ученые, перенимая культурное наследие Китая, восприняли многие конфуцианские тексты. В современной жизни Вьетнама конфуцианство также играет определенную роль, хотя и меньшую, чем в Корее или Японии.

Но Южная Корея и Япония — вызывающие восхищение своими достижениями государства; они индустриально развиты и современны в том же смысле, что и другие ведущие государства мира. Это динамично развивающиеся демократические общества; в них быстро меняется роль женщины, однако конфуцианство по-прежнему оказывает очень большое влияние на повседневную жизнь. Приведем пример, ярко демонстрирующий, насколько могут измениться положения конфуцианства. В традиционном китайском об-

шествие наследование шло по мужской линии и совершать ритуалы почитания предков должны были сыновья. Однако сейчас семьи уменьшаются и часто бывает так, что родители имеют только дочь — тогда многие ритуальные обязанности выполняет именно она. Времена меняются, но конфуцианский взгляд на мир продолжает оказывать влияние на образ жизни и мысли обитателей Восточной Азии.

К истории конфуцианской мысли мы вернемся в главе, в которой господин Ли читает лекцию по истории конфуцианства, и в главе о том, как осуществлялось преподавание. Однако темы этих глав разные. Глава о преподавании посвящена этической истории, тогда как лекция господина Ли посвящена так называемой «эмической» стороне. Термины «этика» и «эмика» заимствованы из антропологии, первый относится к внешним проявлениям, второй — к внутренним. Мы попытались составить лекцию господина Ли в эмическом духе, то есть в том стиле, в котором ее написал бы конфуцианец эпохи Цин. Господин Ли читает лекцию серьезным молодым людям, которые изучали конфуцианство на протяжении двадцати лет, прежде чем поступить в академию. Этическое же повествование касается тех сторон, которые могут быть опущены, так как для серьезного ученого они являются сами собой разумеющимися. Ценность есть в обоих повествованиях, а противопоставление этического и эмического подходов поможет новой аудитории лучше представить контуры конфуцианского Пути.

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

Важно понять, что конфуцианство — это живая религия и культурная система, ее религиозный аспект дополняют философия, ритуальная практика, исторические исследования, поэтическое и изобразительное искусство, каллиграфия, а также политическая идеология. Все это входит в понятие «конфуцианский Путь». Конфуцианский Путь — это образ жизни в восточноазиатском обществе. Поэтому жители Восточной Азии на некоторое время задумываются, когда их спрашивают об их «религии». Они понимают, что от них требуют ответа, приверженцем какой специфической религиозной традиции они себя осознают, как иные считают себя приверженцами иудаизма, христианства или ислама. Поскольку конфуцианство организовано по-другому и воспринимается иначе, чем великие религии Запада и Средней Азии, многие жители Восточной Азии медлят с ответом, а затем утверждают, что у них нет религии, потому что конфуцианство никогда не было религией со строго организованным членством (то есть не существует никаких обрядов или ритуалов посвящения, подобных тем, что распространены в западных религиях). Но задайте им второй вопрос (который столь проницательно предложил Джордан Пейпер): «Кому вы приносите жертвы?» Ответ будет совершенно иным. Семейный ритуал и культ предков, как мы увидим, сразу же обнажает суть религиозного измерения конфуцианского Пути.

Конфуцианство всегда было связано с классическим образованием, а образование в традиционном

Китае являлось знаком принадлежности к элите. Следовательно, конфуцианство имело непосредственное отношение к культурной, экономической и политической элите. И опять же это верно лишь до некоторой степени. Из-за своей ведущей роли в китайском обществе конфуцианство казалось все более привлекательным для всех слоев постоянно расширявшегося мира китайской культуры. Согласно одному из наших положений, это сложная проблема, и успех конфуцианства всегда измерялся присущим ему внутренним импульсом. Из истории Китая можно вывести урок, что ни один, даже самый могущественный император, такой, как основатель первого объединенного государства Цинь Шихуанди, не мог навязать обществу своей идеологии, если люди не принимали ее всем разумом и всем сердцем. Конфуцианская мысль и практика пропитали все уровни китайской жизни во всех исторических эпохах, а позже определили образ жизни в Корее, Японии и Вьетнаме.

Подобно другим доктринам и идеологиям Китая, конфуцианство покоится на фундаментальных основах китайского мира. Оно является одним из основных проявлений китайского образа мысли. Современные исследователи предполагают, что влияние конфуцианства на китайскую культуру можно разделить на три различных направления. Прежде всего, конфуцианство было особой формой общекитайской мысли и практики; фактически оно стало образцом китайской культуры. Мы называем это популярным конфуцианством. Другое направление связано с использованием различными китайскими династиями конфуцианства для управления страной

и создания государственной идеологии, опиравшейся на конфуцианство. Это имперское, политическое или идеологическое конфуцианство. Третье направление можно назвать реформистским конфуцианством. Это конфуцианство интеллектуалов, глубоко проникшихся учением и стремившихся реформировать или обновить китайский культурный мир. Все три направления конфуцианства тесно взаимодействовали между собой, и нередко провести между ними четкие границы очень трудно.

КОНФУЦИАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Если просто описывать интеллектуальную историю конфуцианства, что, с конфуцианской точки зрения, является занятием весьма достойным, то многое касающееся жизни рядовых и выдающихся последователей этого учения будет упущено. С помощью академического подхода не описать мира людей, живущих в конфуцианской среде. Для этого нам понадобилась бы смесь истории искусства, этики, теории религии, философии, науки, политологии и экономики. В этом нам помогут выдуманнные нами супруги Ли.

Супруги Ли среднего возраста; ему сорок с небольшим, а ей немного за тридцать. Доктор Ли находится на официальной службе династии Цин и проживает в прекрасном городе Сучжоу. Госпожа Ли — его первая жена и мать четырех детей, двух мальчиков и двух девочек. Она также признанный поэт, творящий в классических жанрах китайской поэзии. Немецкий социолог Макс Вебер назвал бы нашу вымышленную

чету «идеальным типом». Используя терминологию современной теории метафор, их можно назвать архетипом. Согласно теории метафор и прототипов, у всех нас имеются предпочтительные культурные и лингвистические модели: к примеру, малиновка является идеальным образом птицы вообще для тех, кто говорит на английском языке.

Выдумывая супругов Ли, мы старались подобрать для них самые разные черты, чтобы подчеркнуть различные аспекты конфуцианского образа жизни. А для этого наряду с образом мужчины необходим и образ женщины. Как мы увидим, госпожа Ли играет важную роль не только внутри семьи, но и в более обширном культурном мире поздней эпохи императорского Китая. Образованные женщины, что очень важно, были первыми учителями своих детей; они также принимали определенное участие в праздниках и ритуалах, отмечавших различные периоды года и всего жизненного цикла.

Даже краткое описание супругов Ли многое раскрывает в их социальных ролях. Так, нам известно, что они принадлежат к правящей элите Китая, представителей которой часто называли образованным классом. Поскольку господин Ли занимает официальную должность, есть основания считать, что он прошел три суровых экзамена — местный, провинциальный и общенациональный, — которые были необходимы для того, чтобы кандидата приняли на службу. Изящные стихи в духе классической поэзии говорят о том, что госпожа Ли также происходит из элитной семьи; или, как сказали бы сами китайцы, из семьи ученых и чиновников.

Господин и госпожа Ли относятся к обязанности поддерживать и распространять конфуцианское учение очень серьезно. Доктор Ли не только государственный чиновник, он еще и страж того, что Конфуций называл «нашей культурой». Таким образом господин Ли вовлечен в большой мир политики, образования, экономики, законотворчества и даже военных действий. Он служит своему императору, но вместе с тем не забывает о традициях, с точки зрения которых и оценивает деятельность современной ему династии. Его никак нельзя считать просто карьеристом, желающим получать большое жалование. Мир госпожи Ли в основном ограничен внутренними покоями дома; она управляет домашним хозяйством так же, как доктор Ли управляет общественными делами. Она несет ответственность за функционирование резиденции государственного чиновника. Кроме того, госпожа Ли прекрасно осознает, что, будучи образованной женщиной, она должна воспитывать детей и преподавать им основы конфуцианского самосовершенствования.

В описываемую нами эпоху город Сучжоу представлял собой поистине жемчужину в самом центре ранней Цинской культуры. Китайская поговорка гласит: «Небо наверху, Сучжоу и Ханьчжоу внизу». Это средоточие интеллектуального мира Китая; некоторые называли его также «восточной Венецией». Критики могут заметить, что мы нарисовали слишком уж благостную картину и преувеличили положительные стороны конфуцианского образа жизни. В чем-то это верно, но мы не забудем и об обратной стороне медали. Например, госпожа Ли, как и ее дочери, страдает от того, что ей приходится ковылять на забинтован-

ных ножках, а также испытывает недостаток общения за пределами своего дома.

Мы специально выбрали время и место, когда традиция достигла пика своего развития. Сравнительные исследования различных культур часто имеют один и тот же недостаток: самые лучшие и благородные идеалы одной культуры сравниваются с самыми худшими проявлениями другой. Мы же стремимся показать конфуцианство в его лучших проявлениях, чтобы можно было объективно сравнить его с идеалами нашей культуры. Конечно, ни одна культура никогда не следует всем своим идеалам неукоснительно. И супруги Ли прекрасно это понимают.

КОНФУЦИАНСТВО КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Конфуцианство — это образ жизни. Это идеология, ритуалы, правила поведения, образовательная программа, духовное наследие и основа философских размышлений. В нем были как хорошие, так и плохие стороны. Лучшие его приверженцы стремились делать добро и исправлять зло, совершенное его именем. Исследователям религий прекрасно известно, что любая религия подчеркивает лучшее и худшее в природе человека. Нет людей беспощаднее и ужаснее, чем те, кто уверен, будто Бог (или Дао) стоят исключительно на их стороне. Но, с другой стороны, ничто так успешно не сдерживает первобытные страсти, как религиозные требования уважать других людей и любить ближнего своего. В этом отно-

шении конфуцианство похоже на другие религии и системы мировоззрения.

Сами конфуцианцы считали себя наивысшим воплощением китайской учености и культуры. Как представители правящей элиты, они довольно терпимо относились к другим традициям, но это не значит, что они не имели представления о разделявшей их пропасти. Основное, что отличало конфуцианство от других религий и философских систем, — это стойкое чувство реальности мира. Конфуцианцы всегда были реалистами. Они защищали свою культуру как настоящую, прочную традицию. Этим они хотели сказать, что весь наблюдаемый мир предметов и явлений существует независимо от нашего сознания и от наших желаний. Даже величайшие мистики в русле этой традиции, такие, как Ван Янмин (1472–1529), не отрицали объективности мира. Здесь конфуцианство представляет разительный контраст с учением даосизма о пустоте или учением буддизма о несуществовании. Представляя собой образованный класс, конфуцианцы часто пренебрежительно и снисходительно относились к простонародным верованиям. Конфуцианцы не стремились их подавлять (если только эти верования, по их мнению, не представляли опасности для государства), но все же пытались просвещать народ, чтобы он воспринял более реалистичный взгляд на мир.

В социальном плане конфуцианцы утверждали, что их традиция основана на извечных семейных ценностях. Их учение и являлось настоящим прежде всего потому, что опиралось на социальную структуру общества, сопровождало образованного человека на

протяжении всего его жизненного пути от колыбели до могилы. Конфуцианцы считали себя хозяевами этого мира. Если бы их спросили, какие миры существуют помимо этого, они бы ответили, что никаких «других» миров нет, или, по крайней мере, о них ничего не известно. Какие бы чудеса ни сулила даосская алхимия, какое бы блаженство ни обещала буддийская медитация, всем нам приходится растить детей и хоронить родителей. Все остальное — искусство.

С другой стороны, у даосов и буддистов не было особого повода порицать конфуцианство. Конфуцианцы вели себя крайне благопристойно, и поэтому самое худшее, что можно было придумать, это высмеять их как зануд и педантов. Даосскому учителю Чжуан-цзы (IV—III вв. до н. э.) особенно забавно удавалось высмеять конфуцианцев, используя множество разнообразных притчей и шуток. Конфуцианцы всегда стремились преобразовать себя и окружающий мир, и очень часто это заканчивалось неудачей. Но в этом стремлении проглядывает нечто благородное. Как они сами говорили, должен же кто-то приглядывать за лавкой мира. Не могут же все люди стать отшельниками или безумными поэтами, распивающими вино в осеннем лесу. Кому-то нужно изготавливать это вино, грузить его на корабль, взимать налоги, следить за качеством и тому подобное. Все это — повседневные заботы, но еще сам Конфуций утверждал, что кто-то обязательно должен заниматься мирскими делами. При этом его последователи зачастую подозревали, что в повседневном есть доля благородства, а в мирском есть доля божественного.

Почему учению Конфуция был уготован такой успех? Для Запада Греция и Рим давно стали воспомина-

нием, хотя античное наследие до сих пор заметно в классической литературе и искусстве. Средние века пролетели, сменившись совсем другими эпохами. Но культура Китая все это время оставалась однородной, начиная с династии Шан и заканчивая современным индустриально развитым обществом. В этом постоянстве немалую роль сыграло и конфуцианство. Во все времена преобладал дух традиции. Всегда ли это было хорошо? Нет, не всегда. Но было ли это плохо? Едва ли. Как мы увидим, это был великий эксперимент по выявлению неизменных человеческих ценностей.

Классический период развития традиции начался с Конфуция, который отнюдь не считал себя провозвестником нового движения. Как и многие другие основатели духовных систем (Моисей, Иисус Христос, Мухаммед, Будда), Конфуций полагал, что только оживляет древние истины. С точки зрения самого Конфуция, он учил тому, чему учили мудрецы и благородные мужи былых эпох. В частности, Конфуций почитал основателей династии Чжоу — царя Вэня, царя У и князя Чжоу. Для него они были основными культурными образцами.

Конфуций (Кун-цзы, или Учитель Кун) считал, что истинное учение возникло задолго до него и сохранилось в записях мудрых царей. Царей начала эпохи Чжоу он выбрал потому, что их учение подтверждалось достоверными историческими свидетельствами. Сами же основатели династии Чжоу и мудрецы того времени строили свое учение на основе учения царей и мудрецов более раннего времени. Таким образом, в эпоху Чжоу оформилось представление о том, какой должна быть истинная культура. Поступки и мораль-

ные принципы правителей Чжоу стали образцом для тех, кто стремился к добродетели. В этом отношении Конфуций смело мог утверждать, что он всего лишь передает традицию, а не своевольно придумывает нечто невиданное.

Конфуций поставил себе целью обучать современников мудрости древних и вместе с тем преобразовать общество в согласии с их принципами. Преобразование это должно было основываться на одной важной идее. Из всех постулатов учения Конфуция главным было понятие «жэнь», или «человечность». Ранее «жэнь» было доблестью аристократов, но Конфуций придал этому термину новое значение. Прежде «жэнь» понимали как нечто присущее человеку благородного происхождения, то есть крупному землевладельцу, заботившемуся о своих вассалах. Конфуций же, сознательно или нет, распространил это понятие на всех людей. Он заявил, что развить в себе это качество может любой. Человечность отныне зависела не от рождения, а от стремления воспитать в себе это качество.

Вместе с принципами сострадания и взаимопомощи Конфуций утвердил принцип человечности как всеобщий, то есть в равной степени относящийся и к простолюдинам, и к знати. Некоторые из его студентов были выходцами из благородных семей, другие, в том числе и его любимый ученик Янь Хуэй, не могли похвастаться знатным происхождением. Это одно из самых важных преобразований, какие когда-либо осуществили Конфуций и его последователи. Они сделали образование, по крайней мере теоретически, доступным для всех, кто желал учиться. Когда Учителя спросили, мудрец он или достойный муж, он ответил,

что он ни мудрец, ни достойный и вообще не встречал в жизни мудрецов и достойных людей. Он сказал только, что не видел никого, кто любил бы учение древних сильнее, чем он. Он не утверждал, что знает больше кого бы то ни было или что старается больше других, он просто любил учиться, и для него это было одним из главных качеств на пути к добродетели. Согласно его высказыванию, если узнать Дао (Путь) утром, то можно спокойно умереть тем же вечером. Этим он хотел сказать, что если узнать все о том, чему учили древние мудрецы и достойные мужи, то желать в жизни больше нечего.

Мы никогда не сможем ответить на вопрос, был ли Конфуций консерватором или радикальным реформатором, но ясно одно — он вдохновил «жу», или знатоков ритуалов того времени, на пропаганду учения. После его смерти его ученики продолжали преподавать, и вскоре возникли разные школы, каждая из которых подчеркивала какой-то один из аспектов его учения. В некоторых случаях последователи доходили до того, что целиком порывали с традицией «жу».

Вторым из великих учителей был Мэн-цзы (ок. IV в. до н. э.), которого иногда так и называют Вторым Мудрецом. В его время интеллектуальный мир стал более сложным. Наряду с конфуцианской возникли другие школы мысли, наперебой предлагавшие свой товар на рынке идей. Войны, которые в конечном счете привели к объединению Китая, становились все более жестокими. Большие и мощные государства завоевывали небольшие и слабые княжества. Правители того времени искали себе советников из круга философов, которые помогли бы им выжить в трудные времена. Фак-

тически основным вопросом того времени стал вопрос о поведении отдельного человека или местного правительства. Предлагалось множество решений.

Мэн-цзы из всех возможных вариантов выбрал следование конфуцианскому Пути. Противников у Мэн-цзы было множество, и все они настаивали на своем мнении. На одном из полюсов мысли находилась школа «легистов», советовавшая прежде всего стремиться к власти, а не к добродетели. Они утверждали, что государство может процветать только благодаря силе, хорошо организованной чиновничьей машине и очень строгим законам. Добродетель — только трата времени; по-настоящему на людей воздействует только боль или наслаждение, поэтому государство должно контролировать их поступки соответствующими законами. На другом конце спектра находились даосы, учившие, что все неприятности можно разрешить ничегонеделанием, самоустранением из борьбы за власть. Даосы проповедовали такой образ жизни, который выходил за рамки социального интереса конфуцианцев. Посередине располагались мыслители вроде Ян Чжу, который отрицал политику и ратовал за образ жизни, направленный исключительно на выживание. Кроме того, были, конечно, Мо-цзы и его последователи, которые стремились к социальным реформам и мирному обществу, проповедуя утилитаризм и пацифизм.

Мэн-цзы заявил, что все эти люди заблуждаются. Они не понимали путь мудрецов и достойных. Только учение конфуцианской школы достаточно уравновешено и предлагает надежную философско-политическую программу реформ. Как и другие философы того времени, Мэн-цзы зарабатывал себе на жизнь, давая советы пра-

вителям. В своих советах он сначала опирался на учение Конфуция, а затем дополнил его рядом своих разработок. Например, ему хорошо удалось показать, как можно реформировать государство посредством анализа человеческой природы и воспитания человека. Он утверждал, что во всех людях есть так называемые «семена добродетели». Люди должны проращивать эти семена, улучшая свой разум-сердце. Не исключение здесь и правитель. Если правитель сумеет воспитать в себе конфуцианские добродетели, то своим примером он может привлечь на свою сторону других людей и улучшить систему управления государством.

Споры продолжились и после смерти Мэн-цзы, только стали более сложными. Перед окончательным объединением государств под эгидой первого императора Цинь в защиту своей идеологии выступил еще один конфуцианский ученый. Это был Сюнь-цзы (ок. IV—III вв. до н. э.). В каком-то отношении он фигура противоречивая, поскольку опровергал утверждения Мэн-цзы о человеческой природе. Мэн-цзы заявлял, что человек по природе добр. Сюнь-цзы не согласился с этим и заявил, что человеческая природа зла или искажена. Но тогда почему же Сюнь-цзы считается конфуцианцем? Потому что он верил, что улучшить человеческую природу можно путем строгого самовоспитания. На этом его противоречия с Мэн-цзы заканчивались. Сюнь-цзы полагал, что Мэн-цзы слишком полагался на разум-сердце и не мог предложить основательную систему самосовершенствования. Сам же Сюнь-цзы разработал иную систему образования, основанную на конфуцианском понимании ритуала. Он подчеркивал, что

люди могут преобразовать себя, но для этого им необходимо образование на основе классических сочинений мудрецов и ученых.

Сюнь-цзы также прославился как автор основательного и подробного философского трактата. Ему удавалось защищать конфуцианство во многом благодаря тому, что он прекрасно владел философской аргументацией. Он терпеливо обосновывал свою точку зрения и показывал, в чем ошибались представители других школ. Сюнь-цзы утверждал, что другие философы допускали ошибки из-за того, что их подход был слишком односторонним. Согласно Сюнь-цзы, великий даос Чжуан-цзы многое знал о таинственных свойствах вселенского Дао, но не разбирался в повседневной жизни. Легисты превосходно разбирались в законах, но не понимали роли ритуала и обычаев как регуляторов общественного порядка. И хотя Сюнь-цзы создал некоторую путаницу, обвинив Мэн-цзы в заблуждениях по поводу человеческой природы, он восхищался конфуцианским философским мировоззрением своего предшественника и ясностью его мысли.

Вторым великим периодом расцвета конфуцианства считается эпоха династии Хань. Перед ханьскими философами стояла непростая задача. Во-первых, в то время уже было невозможно состязаться на равных с тремя величайшими предшественниками — Конфуцием, Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Они по большей части и не пытались этого делать, избрав другую стратегию. Во-вторых, они появились на исторической сцене после величайших потрясений эпохи Цинь и гражданских войн, конец которым положили правители династии Хань. Циньские правители очень жестоко

расправлялись с неудобными им книгами и идеями. Помимо всего прочего они запретили конфуцианство и постарались уничтожить все конфуцианские сочинения. Многие труды были утеряны безвозвратно.

В начале II века до н. э. Китай объединили ханьские правители, которые со временем признали конфуцианство официальной философией государства. Такому повороту есть несколько объяснений. Конфуцианцы вновь вернулись к тезису, который защищал Сюнь-цзы, а именно, что они предлагают наиболее уравновешенную социальную теорию. Легисты к тому времени полностью потеряли влияние, тогда как конфуцианство вобрало много элементов других школ, создав всестороннюю картину семьи, государства и мира. Великому учителю Дун Чжуншу (II в. до н. э.) удалось привить космологические и философские теории к здоровому стволу конфуцианства, которое прежде всего было озабочено проблемами общественной и личной этики. Дун Чжуншу и другие конфуцианцы ханьской эпохи создали ту синтетическую форму, которая с тех пор преобладала в китайском мире вплоть до конца эпохи императорского Китая.

Другой важной задачей конфуцианцев ханьской эпохи было спасение текстов. Хотя восстановить удалось далеко не все книги, ученые проделали серьезную работу по восстановлению и переписке книг эпохи Сражающихся Царств. Все, что мы сейчас читаем, за исключением археологических находок, прошло через руки ханьских редакторов. Китайская культура своим развитием в немалой степени обязана именно этим трудолюбивым ученым и переписчикам. Кроме правки текстов, они занимались со-

ставлением комментариев. Философские труды окончательно приобрели форму комментариев к уже написанным книгам. В этом отношении ученые ханьской эпохи в чем-то напоминают иудейских, христианских и мусульманских теологов, которые также излагали свои взгляды, комментируя священные и классические тексты. Впоследствии жанр комментария стал основным жанром ученых, желавших внести свой вклад в конфуцианскую традицию.

Эпоха Хань знаменита также своими историками. Конфуцианство всегда уделяло особое внимание истории, потому что благодаря ей сохранялись воспоминания о делах мудрецов и благочестивых людей. Исторические сочинения существовали и до ханьского времени, но именно ханьские историки оформили историческую традицию, дошедшую до нашего времени. Величайшими из всех историков считаются Сыма Тань и его сын Сыма Цянь (писали между 140 и 100 гг. до н. э.). Вместе они создали «Исторические записки» — обстоятельное изложение китайской истории от мифических времен до эпохи династии Хань. Позже Бань Гу и его сестра Бань Чжао написали историю ранней династии Хань, создав образец описания истории династий, которым пользуются и поныне. Вместе с философами-конфуцианцами историки оформили представление о том, что мы сейчас называем классическим периодом истории Китая.

К концу ханьской эпохи оформились и все элементы конфуцианского Пути, по крайней мере его основы. Творения великих учителей вдохновили последующие поколения ученых. Труды Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы были дополнены такими текстами, как «Книга о

сыновней почтительности», «Срединный путь» и «Великое учение». Но всех их превзошла знаменитая «Книга Перемен», послужившая своеобразным хранилищем наиболее ценных идей древних мудрецов.

Одним из главных убеждений ханьских философов была уверенность в единстве всего сущего. Они утверждали, что между землей, небом и человечеством существуют прочные связи. Но они далеко не незыблемы и не имеют раз и навсегда установленной формы. Конфуцианцы всегда любили цитировать «Книгу Перемен» и заявлять, что Путь мира постоянно меняется, порождая все новые и новые связи. В более поздних учениях представление о бесконечной порождающей силе космоса привело к реалистическому плюрализму. Даже когда конфуцианцы поздних эпох защищали, казалось бы, монистический взгляд на мир, их космология опиралась на представление о реальности различных объектов и явлений мира, существующих в действительности, а не в воображении.

В противоположность развивающейся космологии был создан и иной подход к конфуцианскому Пути, который основывался на том, что конфуцианцы часто называли «вещами, которые под рукой». Человек должен начать с воспитания себя самого, с проращивания моральных семян добродетели, сострадания, преданности и прийти к достижению истинной человечности. Но человек почти никогда не изолирован от общества и не живет сам по себе. Воспитание человека начинается в кругу семьи. Именно семья служит основным нашим социальным окружением от колыбели до могилы. При этом конфуцианцы, при всем своем уважении к потенциальным достоинствам се-

мы, отдавали себе отчет, что реальные семьи часто бывают далеки от идеала и что порой они отнюдь не лучшее окружение для воспитания добродетельного человека. В классических книгах встречаются увлекательные истории о том, как мудрецы страдали от плохих родителей. Есть даже истории о том, как мудрецы обманывали своих отцов, ибо полагали, что совершают обман во имя благородного идеала родителя, а не потакают конкретному человеку во плоти.

Конфуцианскую теорию морального воспитания можно лучше понять, если обратиться к представлению о так называемом «сосредоточенном сознании». С конфуцианской точки зрения, всю жизнь человека определяют предсознательные, бессознательные и сознательные устремления. Все человеческие устремления и поступки приводят либо к улучшению, либо к ухудшению жизни. У всех нас есть выбор, и мы, как правило, осознаём возможный исход наших мыслей, устремлений и действий. У нас не все получается, мы не всегда добродетельны, но мы всегда озабочены тем, чтобы сделать как лучше. Конечно, эта теория слишком далека от реального положения дел. В качестве контраргумента можно привести тот довод, что далеко не все люди стремятся воспитывать добродетель в себе или в окружающих.

Итак, конфуцианцы утверждали, что путь к человеческой целостности мы начинаем внутри себя и в кругу семьи. Однако семья — это только первый шаг на пути. Несмотря на все почтение к семейным ценностям, конфуцианцы требовали от людей сделать следующий шаг и следовать по пути добродетели в широком мире. Воспитанный человек должен жить в гармонии не только с близким окружением, но и со

всеми обитателями государства и представителями власти. В конце концов человек вступает на путь праведности в самом широком масштабе, согласуя свои поступки и желания со вселенским порядком.

Иллюстрацией такого подхода может послужить один из рассказов о Мэн-цзы. Мэн-цзы поведал печальную историю о Бычьей горе, в которой образно говорится о том, как самовоспитание человека отражается в природе. Некогда Бычья гора славилась прекрасными лесами, в которых водилось множество зверья. Но после того, как все деревья вырубili, Бычья гора стала безобразной и пустынной, совершенно не подходящей для зверей или человека. Мэн-цзы проводил аналогию с человеческой природой. Естественно ли к концу жизни подходить опустошенным и обезображенным внешними обстоятельствами? И да и нет. Если человеческую природу правильно воспитывать, то жизнь человека естественным образом станет прекрасной, плодотворной и гармоничной. Если же поддаваться разрушительным стремлениям, то человек закончит печально и уподобится Бычьей горе. Позже Сюнь-цзы, полемизировавший с Мэн-цзы, уточнил, что в воспитании добродетели окружение играет очень большую роль. Если человека оставить наедине с его устремлениями, то он часто делает неверный выбор и ухудшает свою жизнь. Вот почему необходимы учителя и обучение — только таким образом можно быть уверенным в улучшении человеческой природы.

Согласно конфуцианскому учению, люди несут ответственность за весь социальный порядок. Конечно, на них, как и на другие существа, оказывают воздействие общие перемены на небе и на земле, но люди ответствен-

ны за то, что создали сами, то есть за общественный строй и за свою личность. Конфуцианцы эпохи Сун утверждали, что истинный человек первым отзывается на все бедствия и несчастья мира и последним радуется приятному. Они не отвергали удовольствие, но считали, что для равновесия нужно постоянно осознанно заботиться о себе и об окружающих. Только таким образом можно достичь состояния гармонии с миром.

Первая задача — помочь разуму-сердцу, средоточию человеческой личности, усилить связь с небом, семьей и миром. Это трудная задача, и поэтому Конфуций учил, что истинный Путь к человечности долг, а бремя культуры тяжело. Но как только человек завершит эту задачу, перед ним тут же встает другая. Дело в том, что мир никогда не остается неизменным: реальность все время меняется, искажается, преобразуется, и люди живут в состоянии перемен. Важно до такой степени уравновесить наши разнообразные стремления и заботы, чтобы жить в гармонии и мире с окружающей средой.

Самовоспитание необходимо для усиления человечности, для того чтобы разум-сердце пропитались основными человеческими добродетелями, которым учили мудрецы. При этом недостаточно просто развивать в себе чувствительность. Одновременно нужно развивать заботу о семье, обществе, государстве, человечестве, природе и всей вселенной. Конечная цель — расширить свой разум-сердце до такой степени, чтобы заботиться о благополучии всего человечества и даже более чем человечества — всего мироздания. Это величайшая цель, но при надлежащем выполнении она приносит истинное удовлетворение. Конфуций сказал,

что осознать Путь утром и умереть вечером того же дня прекрасно, потому что воплотить Путь хотя бы на миг — это уже достойное восхищения дело.

Ко II веку великая династия Хань вступила в период упадка. С ее падением закончились и две первые эпохи конфуцианства. Во многих отношениях падение династии Хань можно сравнить с падением Римской империи. Эти исторические события ознаменовали собой конец древней цивилизации. К XVII веку Китайская империя была вновь объединена, но ее мир уже изменился навсегда. С падением Хань в Китае широкое распространение получили обновленный даосизм и буддизм. История китайской философии и религии с III по VII век — это история постепенного проникновения буддизма во все слои жизни.

Здесь невозможно полностью рассказать о том, как буддизм оказывал влияние на конфуцианскую мысль. До прихода европейцев в XIX веке буддизм был первым иностранным культурным явлением, с которым встретился китайский мир. Китайцев очаровала красота и глубина буддийского учения о дхарме (карме). Ко времени основания великой династии Тан в 618 году буддизм распространился уже достаточно широко во всех сферах культурной жизни, за исключением политической теории, которая оставалась на попечении конфуцианцев. Некоторые исследователи считают, что период от падения Хань (ок. 220 г.) и до середины эпохи Тан (ок. 740 г.) можно выделить в отдельный, средневековый период развития конфуцианства. Тому есть некоторые основания. Но, с другой стороны, он является скорее продолжением периода составления комментариев, начатых в эпоху Хань; дело в том, что к конфуцианским

текстам и теориям не было добавлено ничего нового вплоть до возрождения, начавшегося в IX веке.

Конфуцианство никогда не утрачивало своих позиций в мире интеллектуальной элиты и никогда не сдавало позиций в китайской культуре, даже во время мирного завоевания Китая буддизмом. Конфуцианские ученые, например, продолжали обслуживать семейные ритуалы и ритуалы почитания предков, а также занимать различные официальные посты в государствах — наследниках распавшейся империи Хань. Однако наиболее яркие философские и религиозные умы того времени решали проблемы, связанные с буддизмом и буддийскими теориями. Эти теории оказали большое влияние на конфуцианство последующей эпохи.

Третья эра развития конфуцианства приходится на эпоху династии Сун (960—1279), и современные исследователи называют конфуцианство этого времени неоконфуцианством. Традиционно считается, что начало возрождения конфуцианства приходится приблизительно на 1020-е годы, то есть на начало правления Северной династии Сун, с чем согласился бы и наш господин Ли. Однако если просмотреть исторические записи беспристрастным взглядом, то становится ясно, что философское возрождение началось еще в начале IX столетия. Ко времени Северной династии Сун оно уже набрало силу и испытывало подъем. С точки зрения самих конфуцианцев, этот период можно сравнить разве что с великим периодом Чжоу; совершенно очевидно, что периоды Хань и Тан не могут сравниться с ним по творческому разнообразию и глубине. Чжу Си, вспоминая в XII веке своих славных предшественников эпохи Северной Сун

(960—1127), заявил, что это было воистину повторное открытие конфуцианского Пути.

По мнению Чжу Си, конфуцианство во всем его богатстве было забыто или заглохло еще со времен Мэн-цзы. Конечно, Чжу Си признавал заслуги мыслителей эпох Хань и Тан, но с некоторыми оговорками. После Мэн-цзы никто не описывал конфуцианский Путь во всей его полноте. Но вот явились столь почитаемые Чжу Си четыре учителя эпохи Северной Сун — и все изменилось. Что касается философских или исторических тонкостей, мы не во всем согласны с Чжу Си, но в этом он несомненно прав. В эпоху Северной Сун положение дел действительно переменялось. Даже современные исследователи признают, что после скудного ручейка мысли эпохи Тан интеллектуальное наследие эпохи Северной Сун выглядит поистине могучей рекой. И оно охватывает не только четырех учителей, упомянутых Чжу Си; это было совместное достижение множества самых разных конфуцианских мыслителей, от первых министров до отшельников. В результате был создан целый мир неоконфуцианской мысли. Поскольку такой человек, как господин Ли, должен был не только хорошо знать историю Сун, но и преподавать ее своим ученикам, мы не будем углубляться в детали всех поворотов и хитросплетений конфуцианской мысли от эпохи Сун до эпохи Цин. История этого периода освещается в главе 4 («Передача Дао»). С точки зрения неоконфуцианских философов, все ростки эпохи Северной Сун расцвели пышным цветом у Чжу Си, с которым решил поспорить Ван Янмин, живший в эпоху Мин. Вновь они возродились в эпоху Цин. Все это уже непрерывная цепь интеллектуальной истории.

Эпоха Цин стала как бы общим итогом всей традиционной конфуцианской мысли, вне зависимости от того, называть ли ее четвертым периодом или продолжением неоконфуцианского периода. Свои последователи имелись у всех основных школ, оставшихся от эпох Сун и Мин. Публиковались новые издания трудов великих философов, составлялись комментарии к философским трудам эпох Сун и Мин. Наиболее примечательные умы эпохи Цин задумывались над тем, какое влияние на мыслителей эпох Сун и Мин оказал буддизм. Представители школы «учения о естестве» утверждали, что конфуцианцы должны более тщательно подходить к филологическому и историческому анализу китайской истории. По сути дела, одними из величайших достижений эпохи Цин стали филологическая критика текстов, историческая критика и теория истории. Новые тенденции в ученом мире бросали вызов как наследию Чжу Си, так и наследию Ван Янмина.

Пятый период начался в 1840-х годах, с появлением у границ Китая европейских войск. В то время многие китайцы воспринимали европейцев всего лишь как очередных докучливых варваров. Однако история показала, что европейцы оказались довольно грозной и мощной силой. Упадок династии Цин и постоянные атаки со стороны Запада оказали критическое воздействие на императорский и конфуцианский Китай. Какое-то время казалось, что с конфуцианством покончено раз и навсегда. И словно бы падения династии Цин было недостаточно, приход коммунистов к власти в 1949 году окончательно выбил почву из-под ног приверженцев традиционного учения. А в 1960-х

годах «культурная революция» Мао еще раз прошла по жалким остаткам конфуцианской учености.

Тем не менее сообщения о смерти конфуцианства оказались преждевременными. Начиная с 1920-х годов группа конфуцианских ученых стала искать пути реформирования традиции. Они не забывали о социальных и интеллектуальных недостатках имперского Китая и даже порой были самыми яростными критиками конфуцианства эпохи упадка. Вместе с тем они верили, что существует незыблемое ядро традиции, которое стоит спасти. Этих ученых в Китае и за его пределами принято называть новыми конфуцианцами. На сегодня уже сменилось три поколения новых конфуцианцев, ратующих за реформы. В современном Китае существуют национальные и международные конфуцианские общества. В период яростной «культурной революции» подобное казалось невозможным. Но даже современные новые конфуцианцы не всегда согласны между собой относительно того, как же быть с традицией. Ту Вэймин, самый известный конфуцианец из представителей диаспоры, называет современное учение «Третьей волной конфуцианства». Согласно Ту Вэймину, первая волна — это классический период, а вторая волна — возрождение в эпохи Сун, Юань, Мин и Цин. Ныне конфуцианство переживает третий период. Основная его черта — длительный и постоянный контакт с западными формами культурной жизни. Подобное случалось только во время проникновения в Китай буддизма, который впоследствии лишь обогатил конфуцианский Путь. Контакт с западной философией и религией несомненно окажет глубо-

кое воздействие как на конфуцианство, так и на западную философию.

Как мы заметили ранее, конфуцианство можно назвать международным движением. В каждой восточноазиатской стране конфуцианство испытывало свои превратности судьбы. В Корее, как и в Китае, конфуцианство лишилось привилегированного положения с падением традиционного корейского государства в конце XIX — начале XX века. В 1910—1945 годах Корея испытала на себе тяжесть японского колониального гнета. В Японии же положение было иное, потому что там конфуцианская традиция не была настолько развитой, как в Китае или Корее. Хотя сёгунат Токугава (1600—1868) признал конфуцианство частью официальной идеологии, оно никогда не было единственной официальной идеологией Японии, в отличие от Китая и Кореи. Вьетнам также воспринял конфуцианство, но оно развивалось в нем скорее по японскому образцу. В XIX веке Вьетнам тоже испытал тяжесть колониального гнета, будучи французской колонией. Но во всех этих странах конфуцианство продолжает играть роль своеобразной культурной ДНК, оказывая глубочайшее влияние на повседневную жизнь их жителей.

Конфуцианство прошло путь от официальной идеологии до полного упадка и вновь до подъема — и все это на протяжении одного столетия. Религиозный и духовный аспекты конфуцианства продолжают обогащать духовную жизнь обитателей Восточной Азии, а теперь и многих обитателей Америки и Европы. Остается надеяться, что в новом столетии и тысячелетии его культурное наследие найдет истинное свое применение.

Глава 2

ВОСПИТАНИЕ СЕБЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: САМОВОСПИТАНИЕ

В жизни конфуцианца всегда присутствуют ритм, стиль и направление. Цель конфуцианского Пути — развитие и становление человека. Но с конфуцианской точки зрения сама цель и процесс ее достижения, то есть Путь, или Дао, неразделимы. Для того чтобы понять цель, нужно понять Путь — Дао. Европейцы обычно пытаются понять конфуцианство исходя из его цели, но внутри конфуцианского мира вопрос ставится несколько иначе: «Каков процесс и каким именно образом достичь цели?» Говорят, что если западный ученый спрашивает: «Что это?», то китайский ученый скорее спросит: «Как мы выполним стоящую перед нами задачу?» и: «Каким образом эта задача связана с другими подобными задачами?»

Согласно Конфуцию, Дао есть нечто близкое, как ладонь руки. Он учил, что «человек расширяет Путь (Дао), а не Путь расширяет человека». Учитель никогда не позволял забывать, что человек несет ответ-

ственность за собственное поведение. Цель конфуцианства легче всего понять, если представить себе, что это учение помогает людям стать полностью человеческими. Сам Конфуций описывал добродетельную жизнь как серию шагов по направлению к Пути.

«Учитель сказал: „В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба [«тянь мин»]. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца [«разума-сердца»] и не нарушал ритуала“».

Главное заключается в том, чтобы осознать, чему нужно научиться на этом пути и как применить свои знания на пользу себе и окружающим. Как только у человека появляется уверенность, все остальное приходит по мере самовоспитания и образования. В конце пути человек может парить свободно, не опасаясь нарушить постановления «тянь» или причинить беспокойство другим людям. Однажды ученики записали одну из бесед Учителя:

«Учитель сказал: „Шэнь! Мое учение пронизано одной идеей [нитью]“. Цзэн-цзы сказал: „Истинно так!“ Когда учитель ушел, ученики спросили: „Что это значит?“ Цзэн-цзы ответил: „Основные принципы учителя — преданность [«чжун»] и забота [«шу»], больше ничего“».

Конечно же все поняли, что Учитель говорил об истинной человечности, о доблести «жэнь». Только истинно человеческий человек может демонстрировать сострадание и крайнюю смелость, чтобы стать достойным.

Известный конфуцианец наших дней Моу Цзунсань (1909—1995) назвал основополагающий этический принцип конфуцианства «сосредоточенным сознанием». Моу утверждал, что основной принцип греческой философии состоит в анализе и любопытстве по поводу природы вещей. Вот почему те, кто попадал в сферу греческой мысли, задавали вопрос: «Почему эта вещь такова, какова она есть?» Основной духовный принцип христианства, иудаизма, ислама и индуизма состоит в благоговейном почитании божественной реальности. Основной же принцип конфуцианства — озабоченность судьбой мира. Если подыскивать западную аналогию, то можно привести в пример квакеров, которые говорят, что заботятся обо всем мире. Конфуцианцы учили, что «одна нить» учителя была постоянной заботой о себе, семье, обществе, государстве, мире и, в конце концов, обо всем Дао, то есть обо всем, что есть и что будет.

Если спросить, откуда происходит такая «озабоченность», конфуцианцы ответят, что в основе своей человек — существо социальное. Прежде всего, мы окружены своими близкими, семьей. Часто конфуцианство упрекали в том, что оно идеализирует семью. Особенно эта критика усилилась после распространения современной психологии в ее терапевтической форме; выяснилось, что многие люди получили первую психическую травму как раз в семье. Но Конфуций знал, что семья не идеальна. Он понимал, что слепая преданность родителям и бездумное уважение к старшим могут оказаться ошибкой. В одном отрывке, который многим конфуцианцам трудно понять, говорится о том, как Учитель высмеивал старика. Что

может более противоречить традиции, которая требовала почтения к семейным ценностям и уважения к старшим? Но совершенно ясно, что Конфуций хотел посмеяться именно над старым человеком. Дело в том, что если человек не добродетелен, то в самой по себе старости нет ничего хорошего и достойного уважения. Старик не может быть достоин уважения лишь по причине старости. Он может вести себя столь же неправильно, как и юнец, смеющийся над старостью. Принцип «сосредоточенности» требовал, чтобы уважение было обоеудным и заслуженным. Это довольно суровое требование, но оно согласуется с учением Конфуция, согласно которому мы должны воспитывать в себе добродетель всю жизнь, каким бы трудным и долгим ни был этот путь.

Тем не менее, как не уставали повторять многочисленные последователи Конфуция, хорошо это или плохо, но мы начинаем свой путь в кругу семьи, где и получаем представления об основных принципах. Сюнь-цзы, третий из великих классиков (после Конфуция и Мэн-цзы), утверждал, что от других существ люди отличаются культурой, то есть способностью говорить и передавать знания от поколения к поколению. Он не хотел сказать, что эта способность отделяет их от природы. Напротив, люди являются частью природы, но существуют и в дополнительном измерении культуры, а культура — это прежде всего язык. Согласно Сюнь-цзы, людям предоставлена возможность воплотить в себе весь широкий спектр добродетелей именно потому, что мы — животные общественные. Свой жизненный путь по миру мы начинаем с первого общества — с семьи. Именно здесь мы

овладеваем языком и узнаем традиции. Конфуцианцы подчеркивали роль семьи потому, что они были философами «общественными», уделявшими внимание прежде всего отношениям между людьми. Мы станем людьми в каком-либо обществе; общество достойно называться цивилизованным, только если ему присущи такие ценности, как забота о ближнем, сострадание и человечность.

Если рассматривать конфуцианство с позиций феминизма, то можно сказать, что это авторитарное и даже деспотичное учение, так как оно основано на модели «строгого отца» (если заимствовать термин у современного лингвиста Жоржа Лакоффа). Однако «новые конфуцианцы», в том числе и последователи феминизма, утверждают, что в конфуцианстве имеется и модель «заботливых родителей» (также согласно терминологии Лакоффа). В качестве доказательства они приводят высказывание Мэн-цзы о том, что тираны достойны осуждения и что люди имеют право восстать против жестокого правителя, если не помогают никакие убеждения и реформы. О том же говорится и в «Западных надписях» Чжан Цзая (1020–1077). Чжан Цзай восхваляет сострадание, любовь и заботу о ближних, первое представление о которых человек получает в кругу семьи, и ратует за то, чтобы эти чувства охватывали весь мир.

Пожалуй, ни одно учение в тот или иной период своего развития не избежало влияния отрицательных черт своего основного принципа, что приводило к искажениям учения. Критики постоянно твердят, что из-за озабоченности социальным положением, из-за стремления утвердить идеальный общественный по-

рядок конфуцианцы часто становились безропотными слугами далеко не самых достойных правителей. Да, конфуцианцы действительно часто считали, что обязаны занимать посты в государстве и содействовать его процветанию. Конечно, правители нередко пользовались их авторитетом в своих корыстных целях, заставляя закрывать глаза на недостатки современного им правления во имя высоких целей. И конфуцианцы постоянно шли на компромисс, соглашаясь со многими жестокими принципами государственного устройства. Иногда они даже стремились перенести суровые принципы имперской политики в сферу семейных отношений, что, естественно, тяжело сказывалось на семье — социальном институте, который по определению должен воспитывать преданность, уважение, любовь и сострадание к окружающим. Современные конфуцианцы утверждают, что основной целью самовоспитания должно стать стремление утвердить гармоничные отношения между людьми по более справедливому образцу.

С момента возникновения конфуцианства встал вопрос: является ли оно религией, философией или разновидностью социальной этики? Такой вопрос правомерен, поскольку конфуцианство вбирает в себя многие явления культуры и требует, чтобы люди занимались самовоспитанием. Оно объединяет в себе принципы духовного совершенствования, философские размышления и социальные теории. Все зависит от того, с какой точки зрения посмотреть на это учение. Если Путь назвать социальной этикой, то на первый план выходят рассуждения о человечности и сострадании в цивилизованном обществе. Если же за-

думаться о понятии «тянь», или «Небо», то можно получить представление о конфуцианстве как о религии. Тогда на первый план выходит вопрос, каким образом согласовать стремления человека с «повелением небес» («тянь мин»). Если спрашивать о том, как передавалось учение от поколения к поколению на протяжении всей истории, то приходишь к философии конфуцианства, которая никогда не была абстрактной наукой. Изучение великих классических текстов неизменно приводило к размышлениям о том, как воплотить их принципы в жизнь.

В конфуцианской традиции заметны как вертикальное, так и горизонтальное измерения, которые и делают ее единым связным Путем. Вертикальное измерение — это стремление человека воспитывать себя, чтобы обрести гармонию с миром. Это и имел в виду Конфуций, когда говорил о вольном парении разума-сердца, который может действовать либо в согласии с Дао (Путем Небес), либо вопреки ему. Но необходимо также воспитывать в себе стремление к гармоничным отношениям с окружающими. Это горизонтальное измерение конфуцианской жизни. Конфуцианцы никогда особо не подчеркивали, что их учение лежит в плоскости этого мира, поскольку все наши поступки и так возможны только здесь. Когда Конфуция спросили об иных мирах, он ответил, что обитает в этом мире, а не в другом. Он говорил не о простом биологическом существовании, а о существовании в цивилизованной социальной среде, которая ставит перед человеком определенные условия: научиться быть настоящим человеком, обрести «человечность» во всех сферах жизни.

Прислужник или страж на террасе «Леса Конфуция». Такие широкие мощеные участки предназначались для конфуцианских лекций и диспутов

Рядовой ученый-конфуцианец, такой, как наш господин Ли, в своем стремлении достичь высшей цели конфуцианского Пути мог выбирать из нескольких способов. Поскольку конфуцианская традиция всегда основное внимание уделяла гармоничной середине, нетрудно понять, почему эти способы описываются в этических терминах. Этика учит людей, как жить вместе. Цель конфуцианской жизни, как мы увидим, состоит в том, чтобы способствовать гармонии с окружающим миром. Чтобы создать такой мир, необходимы этические нормы. Конфуцианцы считали, что для упрочения таких этических норм необходимо прикладывать значительные усилия, и только тогда люди будут жить в цивилизованном человеческом обществе. Отправной точкой конфуцианского Пути всегда было решение воспитывать себя. Многочисленные поколения ученых оставили описания разнообразных способов самовоспитания, которые помогали людям обрести человечность, описанную в этических терминах.

Высшей целью конфуцианского самовоспитания является достижение стадии мудреца, достойного почитания и уважения. Истинные мудрецы встречались редко, но они были, и от рядового конфуцианца требовалось хотя бы стремиться подражать их добродетелям. Теоретически мудрецом может стать любой человек. Духовная сила мудрецов достойна восхищения. Как говорится в «Срединном пути», совершенный мудрец образует триаду с небом и землей. Согласно конфуцианскому пониманию этого утверждения, мудрец непосредственно погружается в жизненную силу, или творческий дух. И более того, вся вселенная может считаться совершенной, только если

в порождающей силе Дао будет принимать участие и мудрец. Неудивительно, что поздние неоконфуцианцы, такие как Чжу Си (1130–1200), называли концепцию о связи мудреца со вселенной наиболее возвышенным учением во всех классических трудах. Однако, как заметил Спиноза, все редкое и удивительное труднодостижимо.

Хотя в конфуцианстве существовало много различных способов самовоспитания, наиболее разработанными и заслужившими уважение считались изучение и размышление, а также особая разновидность конфуцианской медитации, которую часто называли «почитанием человеческой природы». Выбор этих двух методов был обусловлен прагматическими соображениями; свое наивысшее развитие они получили в эпоху династии Сун, во время возрождения конфуцианской традиции. Следует, правда, заметить, что модель эпохи Сун была основана на опыте предыдущих поколений конфуцианских ученых, которые всячески пытались определить истинное назначение и смысл человеческой жизни. Опыт поколений подтвердил эффективность этих методов и доказал, что обучение и медитация при правильном их использовании способны помочь ученику стать цельной личностью.

Другая разновидность конфуцианской медитации называлась «спокойное сидение». Она стала основной формой самовоспитания также в эпоху Сун и оставалась таковой вплоть до современного периода. Эта интересная конфуцианская практика помогает проследить развитие традиции с течением времени. «Спокойное сидение», в отличие от обучения, не было характерной особенностью раннего конфуцианства.

Успех этой формы самовоспитания в средний период развития конфуцианства (1000—1644) показывает, что конфуцианству присущи развитие и перемены. Конфуцианство слишком часто называли окостеневшим и неподвижным учением, но, как мы видим, это утверждение далеко от истины.

Теоретическое обоснование практики «спокойного сидения» можно найти в одном из канонических конфуцианских текстов. Это известное поучение из «Великого учения», в котором описаны поколения, проживающие в справедливом и гармоничном обществе, основанном на самовоспитании. Описание процесса происходит в двух направлениях. Высшая цель общества — установить мир и покой во всей вселенной. И достичь ее можно следующим способом: «Все, от Сына Неба до простолоудина, должны почитать воспитание личной жизни как корень или основу».

Жизнь последователей Конфуция была посвящена поискам истинной человечности в себе, развитию всего того, чем наделило нас Небо. Согласно традиции, человек должен был воспитывать себя самого, чтобы приносить пользу как себе, так и окружающим. Целью самовоспитания и помощи окружающим было установление порядка и мира. Таким образом, предполагалось, что достичь состояния истинной человечности можно только в гармоничном обществе. Сначала человека воспитывали в семье, в местном сообществе, затем он поступал на службу в местные или общегосударственные органы управления. Все эти уровни существования человека в обществе были тесно взаимосвязаны. Как учила традиция, путь само-

воспитания должен быть долгим и упорным. Тем не менее он не был лишен и приятных моментов. В итоге человек жил полной жизнью и приносил пользу всему окружающему его миру. Путь долог, но конечная цель его стоит затраченных усилий. А для этого необходимо было определить конкретные методы самовоспитания. С незапамятных времен конфуцианцы полагались на сочетание обучения и самовоспитания. Кроме того, им помогали поддержка семьи и все достижения цивилизованного общества, воплощенные в ритуалах.

Процесс самовоспитания также описывали как «расширение» или «углубление» человеческой личности. Понятие «расширения» подразумевает, что человек становится истинным человеком, только осознав свои отношения с другими людьми. Все мы начинаем жизнь в кругу семьи, а затем вступаем в более сложные социальные отношения с окружающими. Эти связи помогают нам понять, каковы мы на самом деле. С точки зрения конфуцианского ученого, все формы общественных отношений имеют этическую основу. В процессе своего роста человек непрерывно постигает сложную природу общественных связей, понимает их этическую сторону и осознаёт, что эти связи лежат в основе не только семьи и местной общины, но также всей империи и даже всего мира.

Понятие «углубление» предполагает размышление человека о природе его расширяющихся контактов с обществом. Человек понимает, что наряду с горизонтальным измерением жизни существует и вертикальное. По горизонтали мы связаны с другими людьми и обществом, тогда как вертикаль связывает нас с са-

мим Дао. Весь процесс постижения можно описать как путь из шести шагов. Первый шаг — это воспитание себя самого. Второй шаг — осознание своего места в семье. Третий шаг — осознание своего места в более широком сообществе. Четвертый шаг — осознание своего места в государстве. Пятый шаг — осознание своего места во всем мире. Шестой шаг выводит за пределы мира, во вселенную. Некоторые из величайших учителей эпохи Сун утверждали, что достойный человек находится в такой же гармонии с травой у порога его дома, как и с огромной империей или собственной семьей. Здесь важно понять, что все шаги взаимосвязаны и зависят друг от друга.

Помочь понять концепцию самовоспитания могут метафоры поля и фокуса. Метафора поля указывает на положение человека в его жизни. Молодой человек занимает место в семье; его фокус сосредоточен на семье. Позже фокус расширяется, а заодно становится все глубже и насыщеннее. Человек и есть этот самый фокус, который постоянно растет. Весь процесс характеризуется именно ростом. Первая из классических книг, «Книга Перемен» («И цзин»), говорит о том, что Дао — это непрерывный творческий процесс.

Метафора поля и фокуса связана с тем, что мы говорили о различии между «что» — вопросом западной мысли и «как» — вопросом конфуцианской философии. Вопрос «что» требует четкого определения того, что есть «полностью человеческое» в конфуцианской традиции. Но конфуцианский ученый обычно не ставит такого вопроса. Он скорее старается достичь гармонии между фокусом, в котором воспринимает себя, и динамическим окружением поля, ко-

торое часто называет Дао, или Путь. Осознание взаимодействия фокуса и поля переводит внимание с конкретного момента на сам процесс. Вопрос «как» гибок и подвижен, поскольку не предполагает обнажения ядра реальности. Вместо этого он подталкивает к осознанию своего места в меняющейся социальной среде и способствует становлению личности.

Великий ученый эпохи Южной Сун, Чжу Си, желая составить программу обучения, выбрал четыре классических труда, которые могли послужить подспорьем для начинающих изучение конфуцианской традиции. К тому времени конфуцианские тексты стали столь многочисленны, что непосвященному человеку трудно было выбрать из них те, которые излагали бы основы конфуцианской культуры. Эти четыре текста известны как «Четверокнижие» («Сы шу») — «Беседы и суждения» («Лунь юй») Конфуция, «Мэн-цзы», «Великое учение» («Да сюэ») и «Срединный путь» («Чжун юн»); с эпохи династии Сун они стали основными классическими каноническими текстами. Все начинающие конфуцианцы должны были прежде всего основательно изучить эти труды. Но подробное знание текста не было самоцелью. Настоящая цель изучения состояла в том, чтобы помочь обществу достичь мира и гармонии. Тексты служили только средством, помогавшим понять конфуцианский образ мысли и дела.

Однако все обстояло не так просто, как казалось на первый взгляд. По поводу четырех начальных текстов разногласий не было, но относительно других способов обучения к единому мнению так и не пришли. Конфуцианские ученые постоянно спорили между собой, толкуя слова Конфуция и предлагая свои

объяснения того, как, согласно мнению Учителя, должен был проходить процесс обучения. Самые жаркие споры велись как раз по поводу начального этапа. В книгах было написано, что принести мир в общество можно, если очистить свой разум-сердце. А для того, чтобы очистить свой разум-сердце, человек должен очистить свою волю и стать искренним. В «Срединном пути» этот шаг описан следующим образом: «Те, кто желают сделать свою волю искренней, должны сначала расширить свое знание. Расширение знания заключается в исследовании вещей».

Конфуцианство не требовало от учеников следовать исключительно одному способу; в этом смысле его нельзя назвать жесткой традицией. Конфуций, прославившийся своим мастерством обучения, разработал несколько методов для разных учеников, в зависимости от их характера и навыков. Но при всем различии методов их цель была одной и той же — помочь стать истинным человеком в гармоничном обществе. Основная добродетель, как мы уже знаем, называлась «жэнь», или «человечность». Именно воспитание в себе «человечности» отличало конфуцианцев от представителей других школ мысли и служило постоянным стимулом для самосовершенствования.

СПОКОЙНОЕ СИДЕНИЕ

Учитель Чжу (Чжу Си) однажды написал, что конфуцианец должен одну половину дня учиться, а другую половину — спокойно сидеть. Под этим он подразумевал изучение конфуцианских классических текстов

и медитацию. Чжу часто критиковали за то, что он советовал заниматься медитацией, похожей скорее на медитацию даосов или буддистов, а вовсе не истинных конфуцианцев. Некоторые критики даже утверждали, что сам Конфуций советовал учиться и не тратить время на медитацию. Учитель Чжу возражал, что должен же быть какой-то способ «сделать волю искренней». Для многих учеников сочетание медитативного «спокойного сидения» и изучения текстов стало идеальной формой самосовершенствования. Какими бы ни были древние формы медитаций, к эпохе Сун они приняли широко известную форму «спокойного сидения», которая стала частью конфуцианского Пути.

Название «спокойное сидение» указывает на технику конфуцианской медитации. Вместо того чтобы сидеть на полу в позе лотоса, как принято в буддийской традиции, конфуцианцы сидели на стуле. Выпрямив спину, слегка опустив глаза и положив руки на колени, можно было приступить к процессу самосовершенствования. Цель этой медитации — успокоить разум-сердце и в тихой обстановке исследовать основы человеческой природы. Согласно одной древней метафоре, разум-сердце подобен обезьяне, которая постоянно мечется по духовному миру. В определенных случаях такое беспокойство сознания достойно похвалы, но в других ситуациях оно только мешает сосредоточиться на истинном смысле. Спокойное сидение помогает сосредоточить сознание, прислушаться к своему истинному «я», оставаясь невозмутимым и спокойным. Кроме того, «Срединный путь» учит, что перед тем, как входить во внешний мир, нужно сосредоточить свой разум-сердце; только благодаря

концентрации и уравновешенности мы можем добиться успеха в повседневной жизни.

Вместе с тем конфуцианцы практиковали медитацию не только в целях успокоения сознания. Они критиковали даосов и буддистов за то, что те забыли об истинном предназначении медитации: уравновесить сознание для того, чтобы воздействовать на окружающий мир, а не оставаться в якобы независимой от него духовной сфере. Как гласит одно из изречений Конфуция, если спокойное сидение не помогает понять мир, то оно бесполезно. А если понимание не влечет за собой действие, то оно вовсе не истинное понимание, как утверждал великий реформатор эпохи Мин Ван Янмин (1472–1529). Теория не должна отрываться от практики, созерцание должно быть неразрывно связано с этикой. Ван Янмин объяснял процесс совершенствования разума-сердца как процесс «расширения воли» («чжи лянчжи»).

Конечно, все конфуцианцы понимали, что конфуцианскую жизнь невозможно представить без поисков «жэнь», или человечности. Именно человечность была их конечной целью, какими бы трудными ни казались ее поиски. В этом важную роль играл образец жизни самого Конфуция. Хотя Конфуций никогда не утверждал, что он достиг цели, вместе с тем он никогда не сворачивал с пути поисков.

Некоторые великие учителя эпохи Мин разработали способы ежедневного самоконтроля в этом нелегком поиске человечности. Они вели дневники, в которых записывали все, что помогло им в поисках человечности и справедливости. Своим последователям они также советовали вести списки своих хороших и

дурных поступков. На простейшем уровне ученик записывал все хорошее и плохое, что пришло ему в голову в течение дня. При этом предполагалось, что недостаточно вести учет только делам, нужно еще и представлять, какие мысли стояли за поступками и к чему их толкал разум-сердце. Лю Цзунчжу (ум. 1645), последний из великих учителей эпохи династии Мин, называл такой способ самоконтроля «бдительностью в одиночестве».

Наш доктор Ли каждый день раздумывал над тем, насколько близко он подошел к человечности. Это было упражнение на смирение. Чтобы следить за своим продвижением в конкретных терминах, нужно было прежде всего подумать о «сяо», или сыновней почтительности.

Согласно представлениям конфуцианцев, этическая жизнь начиналась в кругу семьи, а вся семья строилась на понятии «сыновняя почтительность». Это понятие помогало отойти от сосредоточенности на себе и обратиться к окружающему миру — на первых порах не особенно широкому. И опять мы наблюдаем здесь разницу между социально-активным поиском этического начала в конфуцианстве и уходом от мира в буддизме и даосизме.

С конфуцианской точки зрения между внутренней и внешней сторонами человеческой жизни всегда должно поддерживаться равновесие. Таким образом, «сыновняя почтительность» — это шаг навстречу миру. Третий шаг направлен на расширение понятия «почтительность» и долга. Когда Конфуция спросили, как бы он реформировал государство, он ответил, что прежде всего исправил бы имена. Спрашивающему

это показалось непонятным, и Конфуций пояснил, что в хорошем государстве имена (понятия) и явления совпадают. Например, отец и сын находятся в правильных отношениях друг с другом только в хорошей семье, живущей по законам этики. То же самое можно сказать и о государстве. Только в правильном и справедливом государстве советники служат правителю, а правитель по праву обладает повелением небес. Основным термином здесь является «чжэн», или «исправление». В область значений этого термина входили понятия «должное», «формальное», «исправлять», «прямой», «беспристрастный» и «острый».

Целью упражнения было обратить разум-сердце от созерцания человечности и сыновней почтительности к более широкому миру общества и государства. Конечно, все эти три элемента неразделимы. Все они необходимы для истинно конфуцианской жизни. Успокоив разум-сердце «спокойным сидением», человек мог непредвзято оценить свою жизнь и понять, что необходимо сделать для дальнейшего самосовершенствования.

Это, разумеется, только одна из форм «спокойного сидения». Здесь в чем-то может помочь буддийская концепция «упая» («умелый способ»). Каждый ученик отличается от остальных, поэтому учитель должен поставить перед каждым соответствующие цели и задачи. Робкого нужно было сделать более смелым, а безрассудного — более осторожным. Конфуция спросили, почему он дает ученикам разные советы в одинаковых ситуациях. Дело в том, что, помогая им постичь Путь, он говорил им о том, что соответствовало их наклонностям и чертам характера. Нужно

было прежде всего сохранить равновесие между различными уровнями и аспектами человеческого поведения. «Спокойное сидение» в конечном счете вело к спокойному осознанию повседневной жизни с точки зрения духовности. Ни один конфуцианец не пытался убежать от реального мира, хотя исправление мира и требовало спокойно размышляющего сознания. Для самосовершенствования главное — это равновесие между внутренней и внешней жизнью. Но как только цель равновесия становится ясной, понимаешь, что ее воплощение связано с трудностями не только психологического или духовного характера.

Наш доктор Ли полагал, что трудности можно преодолеть только путем примирения двух основных методов совершенствования, которым учили Чжу Си и Ван Янмин. Возможно, это и упрощение, но они сводились к следующим понятиям: «исследование вещей», или «гэ у», и «расширение доброй воли», или «чжи лянчжи». Оба понятия обобщали конфуцианский поиск уравновешенной формы самовоспитания. Но между ними наблюдалось и некоторое творческое напряжение.

Говоря кратко, «исследование вещей» — это совет воспринимать мир очень серьезно, в качестве источника знаний. Конфуцианцы гордились тем, что их учение «серьезно», то есть связано с реальностью, в отличие от даосской или буддийской философии. С точки зрения конфуцианства, характерным для буддизма было то, что он учил о «пустоте» всей видимой реальности, а для даосизма характерным было представление о «Ничто», стоящем за всеми явлениями мира. Конфуцианство же утверждало обратное, а

именно, что мир реален и многогранен. Таким образом, чтобы понять реальность, ученик должен был исследовать мир во всем его разнообразии. Учитель Чжу большое внимание уделял методу «исследования вещей», основанному на «Великом учении».

Естественно, учитель Чжу не хотел сказать, будто нам нужно всего лишь смотреть на то, что нас окружает, любоваться закатом или нюхать цветы. Для него словосочетание «исследование вещей» означало нечто более глубокое. Мы изучаем вещи, чтобы понять основные принципы и законы (см. главу 4, «Передача Дао»). Кроме того, учитель Чжу не подразумевал под «вещами» исключительно предметы материального мира, хотя они тоже включались в это понятие. Он проницательно исследовал не только окружающий мир, но и человеческую природу и историю. Он, к примеру, первым из ученых догадался о том, что представляют из себя окаменелости. И хотя его очень заинтересовали странные животные, застывшие в камне, он хотел прежде всего осознать, что они могут поведать нам о мире. Глядя на эти объекты, учитель Чжу пришел к мысли о великой древности Вселенной и о бесконечных ее преобразованиях. Таков был урок или принцип, найденный в результате исследования данного природного феномена.

Учитель Чжу говорил также о вещах и о том, что называл «ши», что можно в некоторых случаях перевести как «явления». Говоря по правде, его более интересовали образцы этического поведения, чем окаменелости сами по себе. Следует помнить, что конфуцианцы судили обо всем в соответствии с тем, как это соотносится с этическими ценностями или обществен-

ным порядком. Ученые поздних поколений особо подчеркивали, что учитель Чжу в своем «исследовании вещей» основное внимание уделял изучению текстов. Говоря вкратце, он подошел к герменевтике, то есть искусству прочтения текста, благодаря которому можно определить наше место в мире. Самые важные «вещи и явления» в процессе познания мира касаются именно этических образцов и норм поведения. Согласно пониманию Чжу Си, мир буквально переполнен такими ценностями, и мы должны воспитывать наше сознание, чтобы понять существующий в мире порядок и действовать в соответствии с этим порядком.

Ван Янмин на самом деле вовсе не спорил с учителем Чжу по поводу того, что нужно воспитывать в себе добродетель, поддерживать добрые отношения с людьми и жить в гармонии с миром. Разногласия касались методов самовоспитания и того, с чего начинать этот процесс. Прежде всего, Ван беспокоился о том, что метод Чжу, который был очень хорош для некоторых учеников, не лишен одного потенциально недостатка. И недостаток этот — излишняя фрагментация, распыление усилий и размывание цели. Ван боялся, что многих учеников увлечет внешний мир и они затеряются среди красот и соблазнов повседневной жизни. Конечно, Ван тоже предполагал, что мы находимся в одном-единственном мире и что нет никаких других миров или царства пустоты и Ничто, о которых учили буддисты и даосы.

Проблема заключалась даже не столько в разнообразии и богатстве мира как таковых. В ранней молодости Ван Янмин пытался вместе с друзьями следовать советам учителя Чжу и «изучал вещи», сидя

перед бамбуковой рощей, пытаюсь постичь «природу бамбука». И хотя Ван сидел дольше всех своих товарищей, ему пришлось признать поражение — «природу бамбука» он понял не лучше, чем перед началом упражнений.

И только позже Ван Янмин понял, что его ошибка заключалась в методе. Созерцая бамбук в роще, он затерялся в окружающем его внешнем мире. Он забыл, что нужно обращать внимание на свою волю и предрасположенность к обучению. Пока он не сосредоточит свою волю на самовоспитании, он будет допускать ошибки вне зависимости от того, насколько усердно читает тексты или изучает мир вокруг себя. Без воли, то есть без устремленности к цели, он не найдет смысла во внешнем мире. Это все равно что утверждать, будто ты преданный сын, и вместе с тем демонстрировать неуважение к отцу и матери. Так нельзя получить настоящее знание, а можно лишь выучить наизусть некоторые фразы из классического сочинения. Истинное знание можно получить только сочетая созерцание и действие: если ты утверждаешь, что любишь родителей, нужно поддерживать свою любовь в мыслях, действиях и во всем окружающем мире.

Ван Янмин, как и многие поколения конфуцианских ученых, называл этот способ самовоспитания «почитанием природы» или «тропой вопроса и изучения». Эти две фразы также взяты из «Срединного пути» и указывают на то, с чего должен начать свой путь ученик. Следовавшие по пути «почитания природы» уделяли основное внимание искренности своей воли. Добиться успехов на пути самосовершенство-

вания можно, только искренне почитая Путь достойных мудрецов. Следовавшие «тропой вопроса и изучения» основное внимание уделяли изучению текстов и окружающего мира во всей его полноте.

Все великие конфуцианские учителя были согласны в том, что нельзя отделить «почитание природы» от «тропы вопросов и изучения». Таким образом герменевтический круг замыкался. Возможно, некоторым следовало больше внимания уделять своей воле, а другим — изучению текстов. Что касается нашего доктора Ли, то он старался в своем «спокойном сидении» сочетать оба подхода.

Следуя другой распространенной методике, доктор Ли во время своих занятий просматривал небольшую книжицу. В этом своего рода дневнике он ежедневно делал записи. Они были двух видов. Обычно он записывал свои успехи и неудачи как в этическом, так и в эмоциональном плане. Как учили классические тексты, наибольшую трудность представляли человеческие воля и намерения. Выглядеть добродетельным человеком легко. Но если вы только выглядите добродетельным, то вы, согласно тем же сочинениям, становитесь «вором добродетели». Вы похищаете имя добродетели без достойного на то основания.

Труднее всего не совершать хорошие дела, а искренне желать их выполнять, исходя из правильных предпосылок. Например, если вы совершаете какое-то действие, которого требует от вас ритуал, и оно вам нравится само по себе, то в этом мало заслуги. Однако если от вас требуется сделать что-то неприятное, но вы все равно делаете это, даже если никто вас не видит, то это уже улучшение вашей природы. Сложность

в том, чтобы следить за своими намерениями и при этом сохранять спокойствие духа, осознавая свой долг и совершенствуя волю.

Доктор Ли решил во время «спокойного сидения» подумать о сыновней почтительности и ответственности за членов семьи. Начать медитацию очень просто. Достаточно сесть на любимый стул и положить ладони на колени. Словосочетание «спокойное сидение» как раз и указывало на позу медитации. В этом отношении конфуцианская медитация отличалась от буддийской, где нужно было сидеть на полу в позе лотоса.

Заняв удобную позу, следовало выпрямить спину. Желательно поддерживать хорошую осанку, но осанка сама по себе не самоцель. Правильная поза помогает сосредоточить сознание на своих мыслях, а не на том, насколько удобно вам сидеть. Затем начинался процесс успокоения разума-сердца. В китайской традиции разум-сердце сравнивали с обезьяной, волю сравнивали с конем, а аппетит — со свиньей. Эти метафорические образы указывают на то, как китайцы воспринимали тот или иной аспект мотивации.

Труднее было справиться именно с обезьяной-сердцем, поскольку она металась по сознанию и памяти человека, пытавшегося сосредоточиться. Если, например, за пределами комнаты для занятий раздавался какой-то звук, то она хваталась за него, и человек начинал думать об этом звуке, отвлекаясь от своих мыслей. Не успеешь заметить, как обезьяна-разум перескочит за тысячи верст и вернется обратно. Или же, едва обретешь спокойствие духа, как тебя начинают мучить сомнения и беспокойства по поводу событий этого дня.

Но вот сознание спокойно, оно прояснилось и теперь следует выбрать тему для медитации. Порой это бывали фраза или образ. Иногда бывало полезно просто посидеть, не думая ни о чем конкретно. На этот раз доктор Ли решил подумать о сыновней почтительности в контексте своей семейной жизни. Конкретным поводом было предстоящее бракосочетание племянницы его жены. Жена очень любила свою племянницу и очень старалась как следует подготовить свадьбу.

Обычно подготовка к свадьбе не сопровождалась особыми трудностями, но бракосочетание пришлось на самый беспокойный для городского управления период года. Кроме того, работу судьи Ли должен был оценить местный цензор (чиновник, проверявший других чиновников). Здесь поводов для беспокойства, казалось бы, тоже не было, но Ли хотел быть уверенным, что все идет гладко и что он правильно составил отчеты и доклады. Главная трудность заключалась в том, чтобы совместить личные дела и общественные обязанности.

Конечно, служебные дела и ответственность за подчиненных важнее. Но конфуцианская традиция требовала внимания и к семье. Как примирить эти две обязанности? Перво-наперво требовалось успокоить разум-сердце, а затем непредвзято оценить свое эмоциональное состояние и волю, чтобы выяснить причину своего беспокойства. Больше всего его беспокоила возможность того, что личные дела помешают служебным обязанностям. Его чувства могли оказать влияние на служебные дела, которые неразрывно связаны с окружающим миром.

Судья Ли обнаружил, что его обезьяна-разум опять выкинула обычный фокус. Она подпрыгнула и спросила: «Почему ты вообще беспокоишься по такому глупому поводу?». Было очень легко ответить на вопрос. Успокоив разум-сердце и основательно подумав, Ли сосредоточился на дыхании. Один из лучших способов заниматься «спокойным сидением» — сосредоточиться на том, как делаешь вдох и выдох. Это успокаивающее упражнение помогало обрести еще большее душевное равновесие.

Обдумывая вставшую перед ним задачу, Ли нашел утешение в совете Учителя, который говорил, что желающий стать достойным в больших делах должен быть достойным и в малых делах повседневной жизни. Нужно всегда демонстрировать сыновнюю почтительность и уважение к своим общественным обязанностям. Но направление, в котором пошла медитация, не устраивало господина Ли. Он не осознал ничего нового, а значит, не достиг никакого прогресса. В тишине своего кабинета судья Ли понял, что ему необходимо сделать.

Ему следует начать с самого начала. Как и многие другие добродетели конфуцианства, сыновняя почтительность начиналась с тщательной оценки своего долга. Если мы хотим, чтобы взаимность была настоящей и живой, а не механической, то нужно, чтобы ее определяло настоящее сочувствие. Именно сочувствие отсутствовало в его анализе, ощущениях и воле. Конечно, заставить человека сочувствовать другим нельзя. Сочувствие требует изрядной доли этического спокойствия и времени, чтобы узнать людей и то, что они чувствуют. Как чиновник, судья Ли знал это

хорошо: без сочувствия людям мало чем можно помочь. Конфуций учил, что нужно относиться к тем, кто ниже тебя по положению, так же, как ты желаешь, чтобы к тебе относились те, кто выше тебя; и наоборот — относиться к тем, кто выше тебя, так, как ты желаешь, чтобы к тебе относились те, кто ниже тебя. Обязанности и долг в различных ситуациях и на различных стадиях жизненного пути могут быть разными. Например, как отец вы должны следить, чтобы сын случайно не свалился в колодец, даже если ему очень интересно туда заглянуть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИР

По поводу конфуцианского «спокойного сидения» важно уяснить главное. Во-первых, оно никогда не было самоцелью. Ван Янмин прославился не только как великий философ, но и как умелый полководец и поэт. Медитируя, Ван не покидал этот мир и не устремлялся в неведомые сферы. «Спокойное сидение» для него было средством заострить свой разум-сердце. И эта острота, то есть способность к постижению, была особого рода. Прежде всего, это способность ясно воспринимать окружающее. В этом оно особо не отличалось от методов, к которым во время медитации прибегали буддисты или даосы.

Однако, во-вторых, конфуцианское «спокойное сидение» заостряло разум-сердце на этических вопросах. После медитации разум-сердце конфуцианского ученого был способен представлять себе должное положение вещей и следовать по правильному пути. Выс-

шая цель медитации, как учил Ван Янмин, — это слияние знания и действия в непрерывную паутину должного поведения. «Спокойное сидение» оставалось бесполезным, пока оно не помогало действовать правильно и гармонично.

В основе «спокойного сидения» лежало представление о том, что люди могут ясно воспринимать окружающие их вещи, только успокоив разум-сердце. Душа, переполненная спутанными, темными и противоречивыми мыслями, не способна к разумным действиям и правильному этическому поведению. Покой сам по себе не самоцель, это лишь очень важный шаг для большинства людей. В этом смысле конфуцианцы оказывались, как всегда, разумными прагматиками. И если после медитации у людей появлялось спокойствие духа и хорошее настроение, без общественно полезных действий это считалось недостаточным. Учитель Чжу говорил, что просто сидеть в тишине, ни о чем не думая и ничего не чувствуя, — это все равно что превратиться в кусок мертвого дерева. Деревяшка может пригодиться для костра, но истинный огонь жизни требует сочувствия и готовности встать на защиту справедливости и должного общественного поведения. Именно такой настрой и помогало обрести «спокойное сидение».

Глава 3

ОБУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

ВАЖНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ

Обучение играет ключевую роль в конфуцианском Пути по двум причинам. Во-первых, есть прагматическая причина. На протяжении многих столетий конфуцианцы гордились тем, что их учение открыто всему обществу. Конечно, конфуцианцы — это далеко не современные демократы. Конфуцианцы всегда придавали большое значение внешним ритуалам, уважению к должности и иерархии, при этом начиная с династии Хань и до конца императорского Китая в 1911 году они ратовали за то, чтобы путь к государственным постам был «открыт для талантливых». Они верили, что достойный правитель должен нанимать на службу добросовестных чиновников и прислушиваться к их советам. Несмотря на всё уважение к семье, они понимали, что у прекрасного отца не всегда бывают достойные дети.

Один из основных вопросов, заботивший конфуцианских мыслителей, — каким образом нанимать чиновников для управления огромной империей. Следует вспомнить о том, что Китай — единственное со-

хранившееся до наших дней государственное образование с такой долгой историей. После объединения империи династиями Цинь и Хань в III веке до н. э. она просуществовала более двух тысяч лет. Разумеется, были и тяжелые времена раздробленности и разрушений, но в конце концов идея единого государства одерживала вверх. Жители Китая всегда мечтали о единой стране, и эта мечта рано или поздно становилась реальностью. Такие династии, как Хань, Тан, Сун, Мин и Цин, прославили культуру и государственный строй Китая. Это был обширный мир, по площади почти такой же или даже больший, чем Римская империя. Двумя мировыми империями, охватывавшими значительно большее пространство, были только великая Монгольская империя XII—XIV веков и Российская империя, на смену которой пришел Советский Союз, распавшийся в 1991 году. Некоторые историки утверждают, что в современном мире есть две империи — это США и Китай. И несомненно, что Китай значительно древнее.

Неудивительно, что конфуцианцы большое значение придавали образованию, ведь, среди прочих титулов, Конфуция называли еще «Первым учителем» и «Учителем десяти тысяч поколений». Более того, Конфуция по праву можно назвать первым частным учителем в истории Китая. Конечно, и до Конфуция существовали школы с учителями, но они всегда зависели от правительств разных государств своего времени. В каждом государстве имелись школы для сыновей знати, и именно из этих школ набирались чиновники для управления различными государственными службами. Главную роль в них играло происхождение.

Современная скульптура, изображающая юного Мэн-цзы и его мать, установленная в центре дорожной развязки в Цзоу. Мать Мэн-цзы стала образцом матери-воспитательницы

Конфуций прославился тем, что учил каждого, кто хотел учиться. Если говорить более конкретно, он набирал учеников, желавших приобщиться к чжоуской культуре, которую он считал основой цивилизованной жизни. Он свято верил, что должен воскресить раннюю культуру основателей династии Чжоу. Его героями были цари Вэнь и У и князь Чжоу. Конфуций пришел к мысли, что если он сможет оживить величие ранней культуры Чжоу посредством обучения, то тем самым поднимет на новую высоту всю цивилизацию Срединного Государства.

Для того времени необычно и то, что многие ученики Конфуция происходили из простолюдинов. Конфуций считал, что моральные устои и умственные способности человека значат больше, чем его происхождение. Он не отвергал молодых аристократов, ищущих знания, но также благосклонно принимал и не столь благородных юношей. Перед правителями того времени он восхвалял своих учеников не за знатность, а за таланты и умения.

Согласно историкам древнего и классического Китая (ок. 1200 г. до н. э. – 200 г. н. э.), Конфуций родился в знатной, но обедневшей семье, то есть принадлежал к прослойке «ши», или, если перевести этот термин на язык западного средневековья, рыцарей. Отец его умер, когда он был еще совсем маленьким, и его воспитывала мать. Он определенно получил прекрасное классическое образование, хотя, как сам утверждал, ему пришлось обучиться и многому другому вследствие стесненного положения семьи. В молодости он занимал невысокие государственные должности в своем родном государстве Лу. Говорят, обидевшись на то, что пра-

витель не прислушался к его советам, Конфуций решил разыскать древние записи о царях-мудрецах. Именно во время странствий по различным краям он набрал себе учеников и последователей.

Короче говоря, Конфуций считал, что Китай его времени находится в плачевном положении. Прежнее величие династии Чжоу сменилось упадком; различные феодальные княжества не позволяли Чжоу реально править государством. Конфуций предлагал простое решение этого серьезного политического и социального кризиса. Нужно было только вернуть обычаи ранних чжоуских царей и князя Чжоу. В том, что такое возрождение возможно, Конфуций не сомневался. О тех временах сохранилось немало исторических записей, по которым ревнители порядка могли бы понять культуру основателей Чжоу и других великих правителей древности.

Конфуций приступил к задуманному и стал собирать различные тексты, которые последующие поколения конфуцианцев причислили к классическому канону. Во времена Конфуция насчитывалось всего пять классических текстов. Ко времени династии Сун (960–1279) их число увеличилось до тринадцати, поскольку некоторые тексты были разбиты на части, а другие добавлены. Сами конфуцианцы утверждали, что увеличение числа классических книг говорит об упорядочении наследия, а не о том, что были добавлены тексты, написанные уже после жизни Конфуция.

Последующие поколения ученых, конечно же, усомнились в истинности этого утверждения. Критически настроенные китайские, корейские и японские исследователи пришли к мнению, что Конфуций лич-

но приложил руку далеко не ко всем приписываемым ему текстам, более того, некоторые из них были написаны во времена ранней династии Хань (ок. 100 г. до н. э.). Большинство сочинений представляют собой напластования различных текстов, число которых со временем увеличивалось. Тем не менее не приходится сомневаться в том, что Конфуция действительно вдохновили некоторые древние тексты о мудрецах и достойных правителях. Он искренне восхищался тем, что считал основой ранней чжоуской культуры.

Не так уж и важно, кто на самом деле сочинил тот или иной отрывок, важно другое — Конфуций заложил основы в высшей степени текстологической традиции. В чем-то конфуцианский Путь напоминает раввинистическую традицию иудаизма. Как Моисей удивился бы, узнав, что основал иудаизм как новую религию, так и Конфуций ни за что не поверил бы, что открыл нечто новое, — то, что западные ученые впоследствии назвали конфуцианством. С точки зрения Конфуция, он только передавал знание и не основывал ничего нового. Однако и в том, что он передавал, содержалась определенная личная информация, чего Конфуций никак не мог избежать.

Например, он основал свое учение на мудрости династии Чжоу, а не на культуре более ранних династий Шан и Ся. Выбор объяснялся отчасти прагматически и отчасти идеалистически. Во-первых, Конфуций считал, что у него нет доступа к непосредственным записям династий Шан и Ся. Единственными записями, в которых он не сомневался, были записи Чжоу. Он знал, что многие архивы Чжоу погибли с течением столетий, но оставшееся наследие оказалось достаточ-

но большим, чтобы на его основе вывести стройную систему. Во-вторых, Конфуций предположил, что основатели династии Чжоу, будучи людьми умными и достойными, сохранили суть культуры предшествующих династий и изложили ее в облагороженной форме. Цари Ван и У с князем Чжоу определенно могли знать об учении древних мудрецов и передать его последующим поколениям.

Современные исследователи полагают, что Конфуций принадлежал не только к социальному слою «ши», но и к группе так называемых «жу». По поводу определения того, кто такие «жу», единого мнения нет. Возможно, что одно из ранних значений этого слова — «слабые». Но в таком случае это не такой уж достойный титул для Первого учителя. Как бы то ни было, впоследствии этот термин стал означать специалистов по ритуалам. Эти люди служили в качестве экспертов по сложным ритуалам Древнего Китая, начиная с деревень и заканчивая дворами правителей чжоуского Китая. Судя по археологическим находкам и историческим сведениям, ритуал играл ключевую роль в культуре эпохи Чжоу. По сути дела, культурный человек обязан был знать правильный ритуал для каждой конкретной ситуации. И потому во времена Конфуция высоко ценились те, кто мог дать совет по тому или иному ритуалу.

Все ранние конфуцианцы, без сомнения, принадлежали к классу «жу», но неизвестно, все ли «жу» были последователями Конфуция. С течением времени эти два понятия еще более сблизились. Благодаря чему эти люди принадлежали к единой группе? Как мы заметили, прежде всего они обладали знанием о теории

и практике ритуалов. Кроме того, они передавали из поколения в поколение записи, излагавшие теорию ритуала и другие сведения, представлявшие интерес не только для них, но и для правящей элиты Китая классической эпохи.

Письменное слово в раннем Китае обладало особым ореолом власти. Обитатели Восточной Азии всегда с почтением относились к письменному, а позже и печатному слову. Существовали даже особые церемонии сожжения старых книг. Первые конфуцианцы воспользовались этим почтением к текстам и объявили свои сочинения непререкаемым источником мудрости. То был довольно хитрый ход. Специалисты по ритуалам, обслуживавшие правителей, постепенно и незаметно забирали управление государством в свои руки. Особенно это ясно по собранию записанных высказываний Конфуция «Лунъюй», или «Беседы и суждения».

Конфуций учил, что даже самый верховный правитель должен обладать «повелением небес». Основатели династии Чжоу якобы утверждали, что правители Шан утратили это качество, став жестокими тиранами. Поэтому народ под руководством правителей Чжоу имел полное право и даже обязанность свергнуть неправедных государей. Конфуцианцы не уставали повторять правителям, что небо слышит ушами людей и говорит устами людей. Небо желает слышать от людей только хорошие отзывы о правителях. Право на «повеление небес» правитель получает лишь тогда, когда правит по справедливости, когда в его государстве царят гармония и порядок. Если же правитель поступает не по справедливости и угне-

тает народ, тогда, по мнению Мэн-цзы, люди имеют право сменить недостойного правителя на достойного. Так известный конфуцианец обосновывал право на праведный бунт.

Конфуцианцы, естественно, предлагали правителям кое-что и помимо обоснования бунта. Они предлагали пользоваться своими услугами, чтобы при дворе (хотя бы теоретически) поддерживался достойный уровень правления. Так началась долгая история отношений между правителями и конфуцианскими чиновниками. Каждая из сторон определенно нуждалась в другой. Правителям нужны были образованные чиновники, которые помогали бы им править государством. Причем эти чиновники не происходили ни из среды военных, ни из знати, а ведь представителям этих двух классов довольно часто и вполне естественно приходили в голову мысли сместить правителей и самим занять их место. Конфуцианцы же, вызывавшие всеобщее уважение к себе, утверждали, что даже правители должны прислушиваться к их советам.

Некоторые правители и в самом деле прислушивались к советам своих чиновников. В 130 году до н. э. ханьский император У придал конфуцианским сочинениям статус официальных. Официальный статус конфуцианской школы и конфуцианских текстов поддерживался вплоть до 1905 года, когда имперскую экзаменационную систему решили заменить более современной, основанной на западном образце. До этого же на протяжении долгих столетий китайское общество формировали доктрины, изложенные древними чжоускими учителями. Именно их тексты были обязательными для изучения по всей империи.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Поскольку центральную роль в обучении играли тексты, то вполне естественно, что в русле конфуцианской традиции возникло множество комментариев к ним. Можно выделить две основные причины написания комментариев. Прежде всего, во время суровых войн за объединение Китая под властью империи Цинь и в последующие годы погибло много древних книг. Согласно легенде, первый правитель династии Цинь пригласил к себе чиновников из лагеря легистов, противников конфуцианства, и те посоветовали ему сжечь все конфуцианские сочинения. Копии запрещенных текстов император оставил для императорской библиотеки, но во время гражданских войн, последовавших за падением династии Цинь, она, как и многие другие библиотеки, была уничтожена.

Когда в 206 году до н. э. ханьские правители снова объединили Китай, тексты, как и всё в стране, находились в плачевном состоянии. Великое наследие конфуцианцев, как и представителей других философских школ периода Сражающихся Царств, было сожжено и пущено по ветру, разорвано, смыто разливами — то есть разрушено тем или иным образом. Одной из первых задач конфуцианцев ранней Хань стало восстановление по возможности полного свода классических текстов. Они собирали, сравнивали и редактировали все, что могли найти из остатков эпохи утверждения и упадка Цинь, а также победы Хань. Все последующие поколения конфуцианцев многим обязаны ханьским ученым, спасшим все, что можно было спасти из классического наследия.

Собрав фрагменты утерянных и запрещенных работ, ханьские ученые перешли к составлению комментариев к столь любимым ими текстам. Они хотели объяснить собранное и отредактированное. Например, в некоторых случаях они объясняли, почему в той или иной книге меньше глав, чем указано в каком-нибудь другом месте. Иногда фрагменты текста были утрачены навсегда, а иногда ханьские редакторы сознательно сокращали излишне длинные места древнего текста. В других случаях они пытались в своих комментариях объяснить, что имели в виду древние авторы. Хотя все классические тексты написаны на классическом (литературном) китайском языке, сложившемся еще в эпоху Чжоу, это не значит, что образованным людям эпохи Хань их было легко понимать. Часто время составления текста и время написания комментария разделяло несколько веков. Трудолюбивые ханьские ученые исправляли несоответствия, делали примечания и объясняли трудные места в классических сочинениях.

Но почему же они стремились писать именно комментарии, а не новые оригинальные тексты? Нужно вспомнить, что комментарии выполняли различные функции. Во-первых, они объясняли запутанные и сложные места древних текстов. Во-вторых, это была дань уважения коллективной мудрости достойных людей древности. Конфуцианство не предполагает существования священных текстов, продиктованных богами, небом или иными высшими силами, но утверждает, что некоторые тексты достойны особого отношения, поскольку они были написаны мудрецами и великими правителями древности. Эти тексты

передавались из поколения в поколение и излагали основы праведной жизни для каждого из людей и для всего общества. Конфуций утверждал, что для того, чтобы понять повеление небес, нужно полностью погрузиться в изучение классических книг.

В-третьих, хотя конфуцианцы этого и не подчеркивали, комментарии стали своеобразным литературным жанром, в котором допускалось изложение новых идей. Ранние мыслители, такие, как Конфуций, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, писали сочинения без длинных комментариев, но последующие поколения конфуцианцев приняли жанр комментария в качестве стандартной формы изложения своих мыслей. В качестве образца они ориентировались скорее на то, что Конфуций также редактировал древние тексты, а не на то, что он был автором «Бесед и суждений». Ученые более поздних эпох составляли пространные комментарии к текстам Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Разумеется, этим дело не ограничивалось. Кроме комментариев к классическим книгам они писали исторические записки и стихи. До наших дней дошли также удивительные собрания писем к коллегам и ученикам, из которых можно многое узнать об образе мыслей и жизни ученых того времени.

Склонность конфуцианцев писать комментарии породила предубеждение, будто конфуцианство — это застывший интеллектуальный мир, живущий остатками былой славы и забывший о требованиях настоящего. Однако придерживающиеся такого мнения забывают об истинном смысле комментариев и о том, что в них часто высказывались оригинальные и глубокие мысли. Попробуем вслед за доктором Ли вспом-

нить о трудах Чжу Си (1130–1200), величайшего философа Южной Сун.

Работы Чжу Си, помимо прочего, дают возможность представить себе подход конфуцианских ученых к образованию. Теперь мы не удивимся, узнав, что большинство прославленных сочинений Чжу Си представляют собой комментарии к тому, что он назвал «Четверокнижием». Само понятие об этом своде сочинений было предложено Чжу Си в ходе реформы образования в XII веке. Чжу Си, как и других конфуцианских учителей, волновало то, как наилучшим образом ознакомить учеников с конфуцианским наследием.

Если ханьские ученые считали необходимым составлять комментарии для лучшего понимания классических трудов, то ученые XII века стремились написать комментарии для лучшего усвоения этих текстов. У Чжу Си было даже особое мнение на этот счет. Несомненно, хороший комментарий должен объяснять различные грамматические трудности и устаревшие слова, но это лишь одна из обязанностей ученого. Чжу Си был уверен, что комментарий должен прояснять не только смысл текста, но и обеспечивать некое более глубокое понимание конфуцианского труда, в котором заключено истинное интеллектуальное и моральное послание мудрецов древности. Ведь древние мудрецы писали книги не для того, чтобы сообщать нам сухие исторические сведения; на примере исторических событий они показывали смысл и цель праведной жизни. Короче говоря, хороший комментарий должен помогать ученикам усвоить образ мыслей древних.

Так с чего же начинать процесс обучения? Чжу Си понял, что тринадцать классических трудов представляют собой самые разные жанры, в которых смешивается все — от истории до комментариев к истории, и даже древние словари. Ученик вполне мог затеряться в такой путанице и не увидеть леса за деревьями. Для Чжу «деревьями», конечно же, были собрания записей и высказываний древних мудрецов, а «лесом» — их этическое учение.

Из всего имевшегося материала, основываясь на работах особо почитаемых им философов Северной Сун, Чжу Си выбрал четыре основных текста («Четверокнижие»), которые он считал ключевыми для конфуцианского канона. Он оценивал эти тексты как введение в конфуцианство. Они нужны для того, чтобы с их помощью понять все имеющееся конфуцианское наследие. Это следующие тексты: «Беседы и суждения» Конфуция, «Мэн-цзы» (идеи и критические замечания Мэн-цзы, великого конфуцианца эпохи Чжоу) и два отрывка из «Записок о ритуале» («Ли цзи») — «Великое учение» и «Срединный путь». Причем, согласно Чжу Си, изучать их следовало в таком порядке: «Великое учение», «Беседы и суждения», «Мэн-цзы», «Срединный путь».

У Чжу Си были все основания выбрать именно эти тексты. Он полагал, что они представляют собой философское ядро конфуцианского Пути. Чжу Си часто критиковали за то, что он чрезмерное внимание уделял именно философской составляющей Пути. Как мы увидим далее, многие философы считали, что философия слишком абстрактна, чтобы начинать обучение именно с нее. Некоторые позднейшие конфуцианцы,

например, утверждали, что лучше всего начинать с основных ритуалов, в которых воплощен истинный дух конфуцианства. Философия для них вообще не была частью начального конфуцианского обучения.

Чжу Си ответил на возражения своим дальнейшим выбором. Он действительно был убежден, что существует некое ядро учения и что все ключевые понятия содержатся в классических сочинениях. Он утверждал, что лучше сразу дать ученику представление об основах учения, а не ждать, пока он дойдет до них своим умом. При этом подавляющее большинство ханьских и средневековых комментаторов так глубоко скрыли мысли древних мудрецов за слоями своих текстов, что для ученика почти невозможно вычленить основы учения. Вслед за философами Северной Сун Чжу Си утверждал, что истинный смысл конфуцианского Пути почти утерян среди обширных комментариев эпох Хань и Тан. И именно утрата этого смысла, по его мнению, послужила одной из причин возросшего в средние века интереса к даосизму и буддизму. Естественно, Чжу Си полагал, что даосы и буддисты заблуждаются, но вместе с тем он признавал, что смысл этих учений высказан достаточно ясно, тогда как конфуцианцам почти нечего противопоставить даосским и буддийским теориям.

Поэтому Чжу Си решил написать свои комментарии к «Четверокнижию», основываясь на философии Северной Сун; он считал, что философы этой эпохи смогли исправить все заблуждения ханьских и танских мыслителей и вернуться к основам Пути. Для него это были ученые, воскресившие истинный смысл конфуцианства. Конечно же, многие ученые, совре-

менники Чжу Си, подвергли его жестокой критике. Любопытно, что бóльшие нападki вызывали философские построения, а не основная цель обучения. Все конфуцианцы соглашались с тем, что должно быть какое-то ядро, с которого и следует начинать постигать их учение. Программа Чжу Си оставалась в силе с 1313 до 1905 года, и все потому, что она прекрасно подходила для намеченных целей. Вместе с другими сочинениями Чжу Си она образует своего рода первые ступени, с которых обычно начинают постигать азы конфуцианского учения и конфуцианского образа жизни.

О причинах такого успеха размышляли и после смерти Чжу Си. Но многое было ясно с самого начала. Прежде всего, Чжу Си писал простым и понятным языком, и с этим соглашались даже его противники. Доступность изложения — ценное качество текста, особенно для такого учения, в котором ясное изложение мысли считается достоинством. В ходе реформ конца эпохи Тан Хань Юй предложил писать прозу менее туманным языком. Философов эпохи поздней Тан уже смущала склонность ханьских и средневековых мыслителей писать очень сложно, с использованием громоздких форм и конструкций. К примеру, многие писатели, стремясь показать свою образованность и знание традиций, насыщали тексты весьма закрученными фразами и малоизвестной терминологией. А если учесть, что в китайском языке для записи слов используются не буквы, а иероглифы, то многие тексты вообще невозможно было понять без комментариев и без знания редких терминов.

Вслед за Хань Юем Чжу Си и другие конфуцианцы эпохи Сун восстали против сложной системы письма

ханьских ученых. Современные лингвисты даже утверждают, что Чжу Си дошел до того, что стал писать почти разговорным языком. И хотя его сочинения до сих пор считаются частью классической литературной традиции, он стремился по возможности писать просто и доступно. Он считал, что, вместо того чтобы показывать свою образованность и писать сложно, учитель должен ясно представлять себе основы учения и уметь просто и понятно изложить смысл текста. Конечно, как любого другого древнего философа, Чжу Си временами тоже довольно трудно понять, но он прежде всего стремился, чтобы ученики его понимали. С этой целью он написал комментарии к различным учебным текстам для детей, таким, как «Основы учения» и «Книга трех знаков».

Вместе со своим другом Лю Цзунцанем он написал еще одно пособие под названием «Записи размышлений о близком», своего рода подготовительный материал для освоения «Четверокнижия». Оно представляет собой замечательную антологию философов Северной Сун вперемешку с собственными мыслями Чжу Си. Эта книга на протяжении столетий вдохновляла многих искателей истины из Китая, Кореи и Японии. Целью антологии было показать истинный смысл учения мудрецов на примере рассуждений о повседневной жизни и ритуалах. Как мы увидим в дальнейших главах, Чжу Си также был автором сборников повседневных ритуалов, пользовавшихся большим уважением. Такой сборник был и в семье Ли. Итак, подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что Чжу Си предоставил основной материал для просвещения конфуцианских ученых.

Но далее будет видно, что комментарии и философские работы Чжу Си предназначались все-таки не для самого начального уровня. Для того чтобы понять сочинения Чжу Си, даже самым талантливым детям нужно было овладеть грамотой и некоторыми сведениями по истории китайской культуры. Сведения о богатом наследии этой культуры содержались в определенных, излюбленных учителями текстах, к которым они на протяжении столетий прибегали, обучая своих учеников.

История китайского языка уходит корнями в до-жоуский период. При этом письменный язык, по всей видимости, отличался от разговорного языка еще на самой заре своего развития. Со временем появились стандартный литературный язык и разговорные формы. Все эти разновидности называются китайским языком, но разговорный язык делится на многочисленные диалекты. Часто бывало так, что люди, говорившие на разных диалектах, не могли понять друг друга, но те, кто владел письменным языком, могли легко общаться с другими образованными людьми по всей империи. Бесчисленные поколения китайских детей овладевали литературным языком, изучая классические конфуцианские тексты. Поэтому таких авторов, как Мэн-цзы, считали не только великими философами, но и мастерами прозаического литературного стиля.

Овладевая литературным китайским языком, молодые люди знакомились одновременно и с величайшими образцами китайской поэзии. В число классических текстов входил и сборник стихов «Книга песен», который считался древним уже в эпоху Конфу-

ция. В этом сборнике содержатся древнейшие поэтические произведения мира. От образованного человека требовалось знание стихов и умение их писать. Конечно, не всякий достигал мастерства, но конфуцианцы относились к этому искусству довольно серьезно. В поздние эпохи Мин и Цин большой вклад в поэзию внесли женщины. Наша госпожа Ли также писала стихи и даже была членом кружка образованных женщин, посвящавших свое свободное время сочинению, чтению и комментированию стихов.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Конфуцианская культура сохраняла целостность во многом благодаря тому, что ориентировалась на определенный классический канон. В имперском Китае можно было даже определить принадлежность образованного человека к той или иной традиции, его приверженность тем или иным взглядам на воспитание и на образование исключительно на основании тех текстов, которыми он владел. Но вместе с тем все образованные люди в той или иной мере были знакомы с конфуцианским наследием. Многие буддийские и даосские монахи так же гордились знанием конфуцианских сочинений, как и высокопоставленные чиновники. Таким образом, конфуцианская ученость являлась своего рода разменной культурной монетой по всей империи.

На основании приверженности к тексту можно было судить о том, насколько последовательным кон-

фуцианцем был тот или иной человек. Любой, кто в повседневной жизни руководствовался конфуцианским канонам, принадлежал к конфуцианской традиции. Можно было считать себя мистиком, великим философом, пьяницей-поэтом, образованной дамой, скромным сельским учителем, великим зодчим — всех этих людей связывало то, что они следовали путем, обозначенным в классических конфуцианских сочинениях. Порой исследователи поражались тому, насколько разные люди оказывались в одном лагере. Весь фокус в том, что они были конфуцианцами по воспитанию. Чтобы стать представителем великой традиции, нужно было прежде всего получить надлежащее образование.

Однако некоторые конфуцианские ученые с опаской относились к такой зависимости от письменного слова. Ван Янмин, великий критик Чжу Си, живший в эпоху Мин, полагал, что люди могут заблудиться в дебрях текста. Более того, читать и запоминать наизусть классические сочинения — еще не значит понимать их, не говоря уже о том, чтобы следовать их поучениям в повседневной жизни. Для Ван Янмина проверкой настоящего конфуцианца служила способность слить воедино знание и действие, то есть реальное следование этическим заветам на практике. Учитель Чжу Си с этим полностью согласился бы, ведь он тоже говорил о том, что нужно пропустить текст через себя, сделать его своим.

Итак, знание текстов являлось необходимым условием принадлежности к кругу конфуцианской традиции, но далеко не достаточным. Ученые эпох Сун, Мин и Цин ратовали за то, чтобы люди следовали учению

на практике и не ограничивались чтением книг. Первым делом следовало прочесть и выучить тексты, а далее выполнять их предписания. Для того чтобы помочь ученикам воспринять канон, учитель Чжу Си использовал все возможные методы. Он разработал целое искусство чтения, осознания и медитации, которое способствовало активному усвоению конфуцианского Пути. Например, об усвоении текстов он говорил как об усвоении пищи. Нужно переварить их значение посредством чтения, включить текст в свое существо, чтобы он стал живым, а не просто неодушевленным словом.

Великие конфуцианцы подчеркивали роль искреннего стремления к самосовершенствованию, особенно на второй стадии обучения. Они понимали, что не все люди могут перейти от простого заучивания к восприятию истин своим разумом-сердцем и к воплощению в жизнь заветов мудрецов. Они также понимали, что порой не столь образованные простолюдины гораздо лучше понимают истины конфуцианского Пути и следуют им, чем ученые, которых интересуют лишь слава и богатство. Ведь сам Конфуций говорил, что и в деревне найдутся учителя.

Поскольку в китайской империи поздних эпох конфуцианское образование открывало дорогу к богатству и славе, здесь возникали безграничные возможности для обмана и притворства. Целые поколения китайских писателей повествуют о недостатках конфуцианской традиции, подвергая их беспощадной критике. Образ ученого, разглагольствующего о прописных истинах, или продажного чиновника без капли добродетели — не просто смешные

картинки из прошлого. Многие искренние конфуцианцы прекрасно осознавали, что в поисках богатства и власти люди способны на ложь и обман. Согласно истинным ученым, ничто в традиции не достойно внимания, если она не способствует улучшению человеческой природы. Высшей целью образования было не только получить всеохватывающие знания, хотя китайские ученые, конечно, высоко ценили эрудицию и талант; главной целью было воспитать в человеке нравственную основу, подарить ему чувство цельности и гармонии.

На примере двух старших сыновей нашего ученого Ли можно продемонстрировать, как происходило одновременное обучение языку и конфуцианскому моральному кодексу. В течение некоторого времени они изучали и запоминали наизусть «Книгу о сыновней почтительности». Это очень короткий текст из восемнадцати глав, каждая размером с большой параграф. Дети читали и заучивали «Книгу о сыновней почтительности» на протяжении многих столетий. В ней содержались рассуждения и примеры на тему одной из центральных конфуцианских добродетелей — сыновней почтительности, или уважения к старшим.

Наряду с пятью классическими добродетелями — человечностью, справедливостью, правильностью соблюдения обрядов, мудростью и верностью, — сыновняя почтительность («сяо») была одной из основных конфуцианских добродетелей. Философская и социологическая причина выделения именно этой добродетели понятна всякому, кто хотя бы немного задумывался о конфуцианстве и о китайской культуре в

целом. Давно известно, что в основе китайской культуры лежит понятие семьи. Человек в ней рассматривается как член семьи и с семьей же сравниваются более широкие общности людей. Так, например, с самых древних времен правителей называли «отцом и матерью» страны. Семья являлась как бы матрицей культуры, а высшим проявлением семейной добродетели стала сыновняя почтительность.

Следует помнить о том, что сыновняя почтительность — добродетель комплексная. Слишком часто люди забывают, что это не просто преданность старшему члену или главе семьи. На самом деле сыновняя почтительность обратима. Хотя в ее основе лежат почтение к старшим и уважение к родителям, покоятся они на взаимных чувствах, связывающих общество, то есть на привязанности и любви. Например, конфуцианцы утверждают, что в общем смысле мы любим и почитаем родителей, потому что они сначала любили нас, как и их родители любили своих детей, и так далее. Истинно преданный ребенок в долгу перед своими родителями и платит им честностью и искренностью, без которых невозможны никакие плодотворные общественные или семейные отношения.

Пятой основной добродетелью считалась верность, или «син». С ней было связано понятие дружбы. Верность означала, что люди должны держать свое слово и выполнять то, что обещали. Они должны заботиться о своих близких и поддерживать друзей. Конечно, в своей верности люди должны руководствоваться добродетелями человечности и справедливости; их следует осуществлять ритуально приемлемым образом. Особенно в семье, в се-

мейном ритуале, важно помогать людям общаться друг с другом гуманно («человечно»). Если справедливость нарушена, то истинно преданный сын, супруг или друг должен незамедлительно обратить на это внимание своих родных и близких. Это сродни христианской идее о том, что следует ненавидеть грех, но любить грешников. Поскольку упреки и замечания могут нарушить гармонию в отношениях между людьми, конфуцианцы советовали прибегать к ним в самых крайних случаях. Даже в случае открытого осуждения дети продолжали уважать своих родителей и, в конечном счете, беспокоиться об их благосостоянии.

Госпожа Ли, как и многие поколения образованных матерей, воспитывала в своих детях дух сыновней почтительности, знакомя их с восемнадцатью разделами «Книги о сыновней почтительности». Начинается эта книга с того, что Конфуций на досуге беседует с одним из своих известных учеников Цзэн-цзы. Конфуций высказывает мысль, что древние цари были правителями мира потому, что обладали самой совершенной добродетелью, или силой (широко известное понятие «дэ»), и самым совершенным представлением о Пути, или «дао». А обладали они одновременно добродетелью и Путем потому, что общество тогда было совершенно и гармонично. Конфуций говорил, что «сыновняя почтительность — основание добродетели и источник цивилизации». Затем Конфуций приводит примеры того, как мы должны проявлять сыновнюю почтительность в согласии с Путем, делая важный вывод: «Так, начиная с услужения нашим родителям и продолжая служением князю, сыновняя по-

читательность завершает строительство нашего характера». Заканчивает свою первую проповедь Конфуций цитатой из «Книги песен»: «Всегда думай о своих предках, совершенствуй их добродетель».

Здесь подчеркивается связь между семьей, общественным порядком и самовоспитанием. Хотя сыновняя почтительность является самой «семейной» из конфуцианских добродетелей, второй раздел «Книги о сыновней почтительности» начинается с рассуждения о том, что и правитель должен проявлять сыновнюю почтительность. В тексте обыгрывается значение титула высших китайских правителей, который переводится как «Сын Неба». Так связь между членами семьи переносится и на императора, потому что он связан с Небом, как сын с отцом. Как говорится в тексте: «Тот, кто любит своих родителей, не смеет ненавидеть других. Тот, кто почитает своих родителей, не смеет презирать других».

Ученики сразу же узнавали в этом поучении перефразировку известного конфуцианского золотого правила. Конфуцианские варианты золотого правила отличаются тем, что оно часто выражено скорее в отрицательном, чем в положительном ключе. Некоторые конфуцианские ученые предположили, что таким образом Конфуций старается не быть слишком навязчивым в своем морализаторстве. Конфуций не перечисляет, что следует и не следует делать по отношению к другим людям, а скорее предлагает более простой способ оценить наши поступки. Следует спросить себя, хотелось бы нам, чтобы другие относились к нам подобным образом? Как нам хотелось бы, чтобы к нам относились? Положительное утвер-

ждение здесь состоит в том, что мы не должны ненавидеть других. Говоря о правителе, Конфуций замечает: «В совершенстве демонстрируя свою любовь и преданность родителям, он простирает свое нравственное влияние на других людей и становится образцом для всех соседних народов».

Сама природа сыновней почтительности в основе своей социальна. Чтобы проявлять эту добродетель, мы должны задумываться не только о своих чувствах, но и о чувствах окружающих. Во все здание сыновней почтительности встроена расположенность к сочувствию. Такое представление о самосовершенствовании не подталкивает к уединенной медитации или улучшению тех сторон своей природы, которые нельзя разделить с другими. Кроме того, считается, что правитель должен руководствоваться любовью и почтением к родителям, как и ко всем своим подданным. Даже самый могущественный человек в государстве связан моральными обязательствами. Некоторые конфуцианские мыслители утверждали, что правитель обязан как никто другой совершенствовать свои добродетели, потому что он служит образцом для всего народа. Говорят, что в эпоху Сун правители всячески пытались избавиться от своих конфуцианских учителей, потому что те постоянно надоедали им проповедями о совершенствовании. Таким образом, понятие сыновней почтительности в самом глубоком и первичном смысле соединяло представления о природе власти, общественных отношений и добродетели.

Затронув вопрос о «Сыне Неба», «Книга о сыновней почтительности» продолжает рассуждения об обя-

занностях князей, чиновников, ученых и простолюдинов. Если высший правитель — это «Сын Неба», то простолюдины обязаны следовать Пути Небес. В нескольких кратких параграфах Небо, или «тянь», описывается как образ мирового порядка и одновременно — отношений между отцом и сыном. Хотя простые люди не связаны с Небом напрямую, ибо это прерогатива «Сына Неба», они все же имеют некоторое отношение к Небу, а через него и ко всей вселенной. В классическом китайском государственном культе только император имел право совершать жертвоприношения в честь Неба на алтаре Неба. Он исполнял эту обязанность, подобно тому, как сын исполняет свои обязанности по отношению к отцу. И вследствие этого он же был и главным жрецом государства; вместе с тем от него требовалось, чтобы он подчинялся Пути Неба, как ему подчиняются и простые люди. «И так повелось, от Сына Неба до простолюдинов, что если сыновняя почтительность не осуществляется с начала до конца, то жди несчастий».

Представление о сыновней почтительности — прекрасный пример того, что ученые называют «коррелятивной», или соотносительной, природой конфуцианского мировоззрения. Все в этой картине мира связано со всем, хотя некоторые явления более важны и влиятельны, нежели другие. Госпожа Ли пояснила бы своим детям это на примере спора Конфуция с другим известным китайским философом ранней эпохи, Мо-цзы. По всей видимости, Мо-цзы вначале был близок идеям Конфуция, но вскоре он изменил отношение к конфуцианству своего времени и разработал свою собственную философию.

Конфуцианцев беспокоили прежде всего две идеи философии Мо-цзы. Во-первых, рассуждение о том, что мы можем судить о добродетели и оценивать поступки исключительно с прагматической точки зрения. Более того, Мо-цзы утверждал, что истинно благим и добродетельным может быть только то, что полезно. Конфуцианцы с этим не соглашались, ведь многое может быть полезным в чисто прагматическом смысле, но при этом не быть ни добродетельным, ни правильным. Конфуцианцам приходилось отстаивать от утилитарной логики Мо-цзы многое, в том числе поэзию и столь любимые ими ритуалы.

Во-вторых конфуцианцев раздражал тезис Мо-цзы о том, что мы должны любить всех одинаково. На этом строилось его известное учение о «всеобщей любви». Конфуцианцы и сами признавали, что нужно любить всех людей, но, с их точки зрения, требование «всеобщей любви» нереально. Оно шло вразрез с их представлениями о сыновней почтительности и о семейных отношениях; если бы люди не обращали никакого внимания на социальные связи, то они забыли бы о разных уровнях обязанностей перед разными людьми. Конечно, в конфуцианстве чувство сыновней почтительности как семейной добродетели уравнивалось стойким представлением о социальной справедливости; но приверженцы конфуцианства никогда не отказывались от утверждения, что все мы родом из семьи и воспитываемся прежде всего в семье. Мы просто не способны научиться любить всех одинаково. Все попытки добиться «всеобщей любви» — лишь пустая трата времени; они отвлекают от основной цели

развития — воспитать в себе сыновнюю почтительность на основе человечности. Госпожа Ли постаралась бы укрепить конфуцианское представление о взаимной симпатии тем, что напомнила бы своим детям об их обязанностях перед людьми за пределами семьи, вплоть до представителей отдаленных народностей, и о том, что все эти обязанности основаны на сыновней почтительности, которой их учат в кругу семьи.

В девятой главе классического произведения «Книга о сыновней почтительности» проясняется связь между жизнью семьи и управлением империей. «Мудрец, поскольку был примером почтительности к родителям, учил любви. Учение мудреца, хотя и не строгое, было действенным. Его правление, хотя и не строгое, было сильным». Чуть ниже говорится: «Отношения между отцом и сыном коренятся в природе и развиваются в надлежащие отношения между правителем и поданными». Как объясняла своим детям госпожа Ли, семья и империя связаны посредством добродетели сыновней почтительности.

Далее она приводила пример более широкого понимания сыновней почтительности. Основные элементы китайской космологии составляли основу теории пяти стадий развития. В основании всего сущего лежит жизненная сила ци, ритмичная по своей природе. Эта жизненная сила вибрирует между ян и инь, между сильным и слабым началами, между светом и тьмой, молодостью и старостью, мужским и женским. Ян и инь нельзя разделить ни на одно мгновение. Они являются дополняющими частями друг друга. Когда ян достигает своего внешнего предела, ему на смену

приходит инь. Когда его достигает инь, то вновь начинается развитие ян, и так далее.

По-другому рассмотреть ритм смены ян и инь, жизненной силы, которой наделено все сущее, можно через равновесие пяти элементов. Это дерево, огонь, земля, металл и вода. Сочетаясь между собой, они дают неисчислимы́е множества комбинаций, и с их помощью метафорически можно описать все что угодно — от вкуса и пристрастий до моральных добродетелей. Здесь важно помнить о том, что это не вещества и не элементы в собственном смысле слов, а скорее действия, процессы или стадии развития жизненной силы.

При обучении детей госпожи Ли вопрос о пяти элементах впервые был затронут, когда одна из ее дочерей спросила, почему у разных правящих династий были разные цвета и по какому принципу эти цвета подбирались. Прекрасный повод для объяснения теории пяти элементов. О цветах династий было много споров и разнообразных мнений. Теория же такова: династии, как и люди, проходят через жизненный цикл от юности к старости. Заранее нельзя предсказать, как долго будет править та или иная династия, но можно утверждать наверняка, что через некоторое время она состарится. Грустно, но такова природа.

С каждой из династий сопоставлен цвет, отражающий ее добродетель в сравнении с предыдущей династией. Сами элементы всегда выстраивались в определенном порядке. Например, огонь плавит металл, а металл рубит дерево. Поэтому если «металлическая» династия сменяет «деревянную», то нужно подобрать ей соответствующий цвет и нарядить ее в

соответствующие ритуальные облачения. Металлу соответствовал белый цвет, а дереву — зеленый. Это довольно сложная система, но в ней есть свой порядок и смысл. Именно по этой причине первый император династии Цинь выбрал черный цвет — цвет воды, чтобы показать, что он одержал вверх над красным — цветом огня — династии Чжоу.

Во всех классификациях конфуцианства постоянно повторялась модель пяти элементов. Госпожа Ли учила тому, что существует, конечно же, пять основных добродетелей, а именно: человечность, справедливость, соблюдение ритуалов, мудрость и верность. Каждая из них в свою очередь соотносилась с особым эмоциональным состоянием, например огонь соотносился с чувством радости. Сыновняя почтительность была такой добродетелью, которая, как и любая настоящая добродетель, охватывает все другие в надлежащем порядке. Госпожа Ли старалась, чтобы дети хорошо поняли взаимосвязь всего в этом мире, в том числе и добродетелей.

Впервые этот вопрос поднимался при изучении четырнадцатого раздела текста. Конфуций учил, что «служение благородного человека своим родителям — это почтение; его верность переносится на его князя». Понять, как следует быть почтительным к родителям, можно только исходя из понимания верности. Этот термин можно понять и как постоянство, преданность, честность или искренность. Конфуций также учил, что одна из двух нитей, удерживающих все учение, — это верность, основанная на взаимном сочувствии. Можно также сказать, что она символизирует внутреннее и внешнее, измерение инь и измерение ян человечес-

кого поведения. Человек должен быть верным как своей семье, так и более широкому миру людей. Такая взаимная верность фактически была частью учения Конфуция о природе высшей человечности как основания нравственного порядка.

Пятнадцатый раздел книги очень важен, но его трудно понять исходя из конфуцианских представлений о семье. В нем говорится, что сын должен еще и исправлять своего отца. Диалог между Цзэн-цзы и Конфуцием начинался с того, что Цзэн-цзы спрашивал: «Можно ли назвать сына, выполняющего все приказания отца, почтительным?» За этим вопросом скрывается фундаментальное понимание семьи в китайской культуре. Как правило, считалось, что сыновья должны подчиняться своим отцам во всем, а дочери внимательно прислушиваться к поучениям матерей.

Конфуций, однако, переспрашивает: «О чем ты говоришь?» Он тут же переводит разговор на характер отношений между Сыном Неба, то есть императором, и его чиновниками. Если у императора семь верных чиновников, то, как утверждал Конфуций, ему не грозит потеря царства. Почему? Потому что в обязанности чиновников входит давать советы своему императору и высказывать суждения о его поведении и о его политике. Такие советы и высказывания не обязательно должны льстить императору. Даже если император не лишен недостатков, его ожидает успех в правлении, при условии, что он будет прислушиваться к тому, что чиновники и слуги говорят о его недостатках.

Далее Конфуций продолжает в том же духе. «Если у чиновника есть друг, который поправляет его, он не

потеряет своего доброго имени. Если у отца есть сын, который увещевает его, он никогда не погрязнет в пороке». В итоге Конфуций приходит к следующему выводу: «Если встает вопрос о нравственном падении, то должно быть и исправление. Как ты можешь утверждать, что сыновняя почтительность заключается только в подчинении отцу?» Конечно, всему есть свои пределы, в том числе и спорам с отцом и матерью. Здесь нужно иметь в виду, что речь идет о возможности морального падения, а это накладывает большую ответственность на сына или дочь.

Для того чтобы стать почтительным сыном, который обязан указывать на ошибки своему отцу, необходимо отличать правильное от неправильного и должное от недожного. Недостаточно просто спорить с родителями, если у тебя есть лишь смутные подозрения, что они поступают неправильно, или если они отдают неприятные приказы. Следует до такой степени воспитать себя, чтобы четко представлять себе нравственные принципы. Но даже тогда человек должен не спорить с родителями, а «увещевать» их. Таким образом, напоминая вышестоящим об их недостатках, нельзя забывать о почтительности и о надлежащем поведении.

Краткая суть теории пяти добродетелей содержится в описании трех видов связей. Отношения между людьми можно разделить на отношения между правителем и подданным, между отцом и сыном, а также между мужем и женой. Высказывалось мнение, что для подданных, сыновей и жен эти связи являются лишь путями и что подданные, сыновья и жены обязаны полностью подчиняться правителю, отцу и

мужу. Однако госпожа Ли не забывала отметить, что на ранней стадии развития этой теории, например в «Книге о сыновней почтительности», ясно говорилось о необходимости убеждения и «увещевания» старших младшими. Если правитель, отец или муж поступают неправильно и если их ошибки приводят к нравственному падению, то для подчиненного, сына и жены нравственным будет обратить внимание правителя, отца или мужа на эти ошибки.

Но что, если вышестоящий не прислушивается к совету, высказанному из искреннего чувства преданности и беспокойства? Как в таком случае поступать подчиненному, сыну или жене? Довольно трудный вопрос. Чиновник в конечном счете может покинуть государственную службу. Но это порой опасно, так как несогласие и уход со службы могут быть поняты как упрек, а далеко не все правители благосклонно относятся к упрекам со стороны своих подданных. Госпожа Ли с легкой улыбкой говорила о том, что чаще всего чиновник удалялся от дел под предлогом болезни. Так проще всего было избежать противостояния с правителем, который допускал ошибки и вел себя неподобающим образом.

ПОДГОТОВКА К ЭКЗАМЕНАМ

Судью Ли также беспокоили размышления о том, как его сыновья будут проходить три уровня экзаменов. До этих пор сыновей воспитывали дома госпожа Ли и прекрасный школьный учитель, но настало время подыскать им частного учителя, который продол-

жит их обучение. Для судьи Ли выбор учителя был очень важной задачей. И она становилась важной вдвойне оттого, что супруги Ли относились к конфуцианству очень серьезно. Для них это был не просто вопрос подготовки к экзаменам. В конце концов, везде было много специальных школ и пособий, предназначенных для получения знаний, необходимых для сдачи экзаменов.

Супруги Ли относились к экзаменам не только как к технической и исключительно практической задаче. Да, действительно, процесс образования никто не собирался облегчать или тем более делать его как можно более приятным для учеников, но все-таки конечной целью его было самосовершенствование. Нельзя забывать и о нравственной составляющей экзаменов, иначе это уже не был бы конфуцианский Путь. Требовалось соблюдение равновесия между непосредственной подготовкой к экзаменам и следованием конфуцианскому Пути.

Прежде всего нужно было овладеть сводом основных классических книг. Ко времени правления династии Сун их число увеличилось до тринадцати. Любой кандидат должен был демонстрировать превосходное знакомство с любым из этих текстов. Приходилось заучивать наизусть большое количество отрывков. Тому имелось две причины. На экзамене студенту давали краткую фразу из какой-нибудь классической книги. Перед тем как дать свой комментарий, он должен был воспроизвести фрагмент текста, из которого она была взята. Подразумевалось, что студент знает текст и может написать его по памяти без ошибок. Только после проверки памяти студенту позволяли

ответить на вопрос. Вопросы касались различных тем по философии, филологии, теории поэзии, истории и искусству управления государством.

Великий Чжу Си прошел имперские экзамены в возрасте восемнадцати лет. Средний возраст других кандидатов составлял тридцать пять лет. Это показывает, насколько талантлив был Чжу Си и насколько трудно было сдать экзамены. Для успешной сдачи требовались долгие годы упорной подготовки. И хотя Конфуций, размышляя о роли учителя, не задумывался об экзаменах, его система обучения предполагала, что у ученика должна быть реальная возможность пройти испытание.

Способов сделать процесс запоминания более легким и приятным не существовало. У многих не хватало таланта или терпения, и они отчаивались достичь успеха. Но многим поколениям китайских учителей все-таки удавалось благодаря непрестанному повторению и практике вложить необходимые сведения в умы своих юных и не столь юных учеников. После этого приступали к разъяснению текстов.

Как правило, конфуцианское обучение предполагало три этапа. На первой ребенка воспитывали дома. Мальчиков и девочек до восьми лет отдавали в различные начальные школы, где они вместе запоминали элементарные тексты, такие, как «Книга трех тысяч знаков». На втором этапе девочек отделяли от мальчиков и те, в возрасте от восьми до пятнадцати лет, обучались отдельно, причем сыновей либо отдавали в школу, либо нанимали частного учителя. Именно в это время ученик знакомился с основными классическими конфуцианскими текстами. Он запо-

минал наизусть отрывки и учился понимать различные аспекты конфуцианства. Третий этап начинался с пятнадцати лет и в идеале должен был длиться до двадцати двух. Именно в этом возрасте ученик знакомился с комментариями Чжу Си. И именно на этом этапе он начинал более серьезно изучать китайскую историю в свете конфуцианского учения.

Роль учителя была важна особенно на втором этапе обучения. Учитель должен был быть строгим, но справедливым. Учение нельзя было назвать легким или особо интересным, однако хороший учитель мог дать ученикам значительно больше, чем плохой или посредственный, так как не только требовал железной дисциплины, но и обладал некоторым даром прозрения и чувствовал, что такое настоящий конфуцианский Путь. Конечно, порой даже самые талантливые ученики не избегали розог и других наказаний.

Учителями на более продвинутой части обучения часто становились те, кто прошел через низшие экзамены. Предполагаемый учитель сыновей нашего судьи Ли, например, сдал местные и провинциальные экзамены, но трижды провалился на государственных. Это вовсе не считалось позором, хотя студент, потерпевший неудачу, в душе, конечно же, очень переживал. Многих охватывало чувство отчаяния или обиды. Вот почему судья Ли хотел лучше узнать кандидата. Ему не хотелось бы, чтобы сыновьям передалось чувство озлобленности или разочарования. Тем более что человек с такими чувствами не способен следовать по конфуцианскому Пути самосовершенствования.

Одним из важных уроков, извлекаемых из знакомства с жизнью Конфуция, является то, что ценность

человека не определяется внешним успехом. Конфуций был уверен, что ему не удалось усовершенствовать общество, тем не менее его признали величайшим мудрецом. Для того чтобы стать хорошим учителем, необходимо верить в конечную цель образования и быть уравновешенным человеком. Роль учителя весьма высока, и кандидат, выбранный доктором Ли, обладал всеми необходимыми качествами. В округе его ценили и считали прекрасным каллиграфом и поэтом. А ведь этим искусствам тоже следовало обучить детей. От кандидатов требовалось, чтобы они знали законы стихосложения и красиво писали.

Как уже говорилось, студенты должны были продемонстрировать не только исключительную память, но и понимание текстов, касающихся истории, философии и государственного управления в различных его формах. Последняя тема имела особую важность, ведь главной целью экзаменов был набор чиновников для гражданской службы. Но прежде чем доказать, что он кое-что смыслит в управлении государством, студент показывал, что он знаком и с философией.

В 1313 году Чжу Си упорядочил проведение экзаменов. От кандидатов требовалось знание текстов и их толкования, изложенного в многочисленных комментариях Чжу Си. Но, как это бывает во многих традиционных культурах, внутри основного канона возник свой малый канон. Теоретически все классические книги считались равно важными и необходимыми, но некоторые из них, по образному сравнению Чжу Си, представляли собой ступени к другим. Со времени Чжу Си в их число входило знаменитое «Четверокнижие» («Ве-

ликое учение», «Беседы и суждения», «Мэн-цзы», «Срединный путь»). В каком-то отношении это весьма облегчило жизнь студентам. Им не приходилось заучивать от начала до конца все книги, в которых отразилась история философской мысли Китая. Взамен им предлагалась определенная точка зрения, выраженная в комментариях Чжу Си на «Четверокнижие».

Учитель-кандидат предположил, что ему пригодится также расширенный комментарий на «Четверокнижие», служивший дополнением к комментариям Чжу Си. Этот расширенный комментарий, также составленный в эпоху Сун, воспроизводил все комментарии Чжу Си к основным книгам, а также содержал комментарии к каждому отрывку из других текстов Чжу Си, где он касался этих основных книг. На первый взгляд, этот труд может показаться сложным, но достаточно посмотреть на его страницы, чтобы понять его структуру. Текст классических книг напечатан большими иероглифами, причем за каждым отрывком следует текст Учителя Чжу Си. Каждый очередной уровень комментариев напечатан все более мелким шрифтом. Всего получается три уровня текста. Самыми маленькими знаками обозначались цитаты из переписки Учителя Чжу Си с друзьями, другие комментарии и отрывки из диалогов с его учениками. Учителю сыновей судьи Ли казалось, что эта книга поможет им овладеть не только комментариями Чжу Си, но и самим искусством составления комментариев.

В последние эпохи императорского Китая чтение и интерпретация комментариев стали сами по себе отдельным искусством. Высказывалось даже мнение,

что экзамены представляют собой грандиозное испытание на умение писать комментарии. Кандидатам предлагали жестко упорядоченные вопросы и ожидали от них таких же жестко упорядоченных ответов. Некоторая творческая свобода допускалась, но только если кандидат показывал прекрасное знание текстов. Экзаменаторы больше заботились о том, чтобы все студенты обладали необходимыми знаниями, чем о талантах каждого конкретного кандидата. Лучшим способом продемонстрировать свое мастерство во все времена считалось умение следовать заданным канонам.

Существовали и более традиционные методы подготовки к экзаменам. Учитель-кандидат предположил, что было бы также неплохо на этой стадии познакомить учеников с великим трудом «Записи размышлений о близком». К шестистам двадцати двум разделам философов Северной Сун Учитель Чжу Си добавил и свои комментарии. Книга была поделена на четырнадцать глав, каждая из которых повествовала об отдельном пункте конфуцианского учения — от рассуждений о природе Пути до поведения мудрецов и достойных мужей. В них также говорилось о том, как приступить к службе и в каких случаях следует отказаться от службы или принять повышение. Затронуты были и вопросы обучения, сохранения своей собственной природы, исправления ошибок и самосовершенствования, жизни в семье. Таким образом, в этой книге представлены взгляды Чжу Си на самосовершенствование, образование, семью, государственную службу, историю и другие (ложные, по его мнению) учения.

УЧИТЕЛЯ ВНУТРЕННИХ ПОКОЕВ

Образование играло очень важную роль прежде всего в жизни мужчин. Оно непосредственно приобщало их к истории, историческим событиям и идеям древних мудрецов, начиная с Конфуция и других философов эпохи Чжоу и заканчивая учеными эпохи Хань, а также Тан, Сун и Мин, обновившими традицию. Однако по прошествии столетий образование стало приобретать все более важное значение и для женщин. Пока судья Ли общался с предполагаемым учителем своих сыновей, госпожа Ли подыскивала учительницу для дочерей, то есть, по выражению того времени, преподавательницу внутренних покоев. Внутренними покоями называлась часть дома, предназначенная исключительно для женщин. Понятно, что учить девочек могла только женщина.

Ко времени правления династии Мин женщины могли изучать уже не только основы конфуцианского образования. Хотя большинство женщин не превосходило в учености мужчин, многие из них достигали определенных высот в искусстве и науке. Не следует забывать и о том, что образованной женщине в конфуцианстве всегда уделялось особое внимание. Матерей Конфуция и Мэн-цзы почитали как первых учителей великих мыслителей. В обоих случаях будущих прославленных мужей воспитывали вдовы, благодаря своим добродетелям ставшие образцом для последующих поколений конфуцианцев. Во времена династии Хань прославилась Бань Чжао (45–115), которая сначала помогала своему брату (Бань Гу) составлять «Хань шу» («Историю династии Хань»), а позже, после смерти

брата, завершила ее. В памяти последующих поколений она осталась как выдающийся историк. Как мы увидим далее, она также писала сочинения, посвященные воспитанию женщин. В эпоху раннего средневековья также прославились многие образованные женщины, побудившие своих сыновей, мужей и отцов встать на путь самосовершенствования.

Хотя наша госпожа Ли и не уделяла этому особого внимания, но в средние века многие женщины из аристократических семей сочиняли также даосские тексты, причем на превосходном классическом языке. Даосизм всегда, как в ранних философских сочинениях, так и в последующих религиозных трактатах, особо подчеркивал роль женского начала в самосовершенствовании. Когда в голодное время многие семьи были вынуждены продавать или даже убивать своих дочерей в надежде спасти остальных членов семьи, даосы напоминали людям о том, что без женщин мир потерял бы свое равновесие. Известны также монахини-буддистки, которые становились наперсницами замужних женщин и принимали участие в воспитании их дочерей.

В эпоху Северной Сун среди конфуцианцев, воспитанных своими матерями, можно назвать Чэн Хао (1032–1085) и Чэн И (1033–1107). Этих прославленных братьев-философов в раннем детстве также воспитывала молодая вдова, посвятившая всю свою жизнь их обучению. Многие другие, не столь прославленные ученые часто писали о том, что в детстве они познакомились с текстами под руководством своих матерей.

Итак, в истории конфуцианского Китая нет недостатка в образованных женщинах. Эти женщины об-

ратили бы особое внимание на то, что в классических конфуцианских книгах много примеров того, как женщины при помощи смекалки помогали своим семьям. Они часто спасали братьев, отцов и сыновей умением привести доказательства и исторические аналогии.

Однако следует признать и то, что во времена династий Сун, Мин и Цин, по сравнению с предыдущими эпохами, роль женщин порой принижалась. Тому есть много причин, и до некоторой степени в этом виноваты сами представители неоконфуцианства. Другой причиной можно считать исторические перемены, в силу которых культура периодов Поздней Чжоу, Хань и Тан (ок. 550 до н. э. – 906 н. э.) отличается от культуры периодов Сун, Юань, Мин и Цин (960–1911). Китайское общество перешло от аристократического к ориентированному на образованных конфуцианских чиновников, нанимаемых на службу после сдачи экзаменов.

Если не заострять внимание на социальных противоречиях, то в аристократическую эпоху женщины наслаждались большей свободой, чем впоследствии представительницы образованных классов. И хотя, конечно, нельзя сравнивать социальные классы Китая и Европы, можно с некоторой степенью достоверности утверждать, что в древности и в раннем средневековье Китае правили крупные землевладельцы. На вершине власти находился император со своим окружением, а чуть ниже располагались многочисленные влиятельные семейства, владевшие поместьями и даже небольшими войсками. Во времена неурядиц, как это бывало и в Европе, они прибирали к своим рукам реальную власть не только в провинциях, но и при дворе. По мере

того как императорский двор терял власть, могущество крупных феодалов северного Китая росло.

В эпоху Хань был учрежден институт экзаменов как способ получить должность, но тогда это был лишь один из возможных способов. Чаще должность занимали по рекомендации влиятельного семейства. В правительстве, как и во всех остальных сферах китайского общества, крупные землевладельцы все еще сохраняли свое влияние. Однако с падением династии Хань наметился некий сдвиг в общественном устройстве. Объединение страны под властью Цинь, а затем Хань наложило отпечаток на сознание китайцев. Они стали воспринимать свою страну как единое государство, образцом которого и являлась империя Хань. Настоящее государство — это объединенное государство.

С этой точки зрения периоды раздробленности, последовавшие за падением Хань, рассматривались как периоды ослабления государства и отклонения от правильной модели. Простые жители всегда надеялись на объединение государства. Удивительно то, что их мечты чаще всего воплощались в жизнь. Китаю удалось стать единственным современным государством, дольше всех остальных существовавшим непрерывно на протяжении многих столетий. Конечно, были империи и покрупнее, но ни одна из них не просуществовала столько, сколько Китай.

Что же помогло Китаю сохраниться, в то время как Римская империя, охватывавшая приблизительно такую же территорию на другом конце Евразии, осталась в воспоминаниях как далекое прошлое? На этот вопрос нет единого и исчерпывающего ответа. Однако можно предложить несколько более или менее правдоподобных

объяснений. Прежде всего, следует учитывать однородность китайской культуры. Конфуцианцы всегда называли свое культурное наследие «нашей культурой». Они были обязаны сохранять культуру и передавать ее следующим поколениям. Они чувствовали сыновнюю ответственность не только перед своими близкими, но и перед той культурой, которая их воспитала. Каждый конфуцианский ученый заботился о сохранении своей культуры и том, чтобы по возможности внести в нее нечто новое, как было в случае возрождения эпохи Сун или «учения о естестве» эпохи Цин.

Итак, одной из причин долгого непрерывного существования китайского государства можно назвать непрерывность конфуцианской культуры. С тех пор как ханьский император У объявил конфуцианство основой государственного правления, оно стало официально признанной идеологией империи. Его выбрали не случайно, ведь его основная заслуга, если судить с конфуцианской точки зрения, заключалась в том, что оно ратовало за срединный путь и отстранялось от других, более радикальных идеологий той эпохи. С одной стороны, это была великая школа легистов, с помощью которых династия Цин впервые объединила всю Поднебесную. Однако тем самым легисты навлекли на себя нескончаемые упреки в жестокости и авторитарности. Легисты помогли завоевать империю, но не смогли помочь удержать ее надолго в одних руках. С другой стороны, крайним учением считался даосизм в его обновленной философской форме, представителями которого являлись даосы школы Хуан—Лао, воскрешавшие предания о культурном герое Желтом Императоре (Хуан-ди) и Лао-цзы с его трактатом «Дао дэ цзин».

Школа Хуан—Лао ратовала за спонтанное, пассивное управление государством, основанное на даосских принципах надеяния.

Конфуцианцы предлагали средний путь между крайностями легизма и даосизма. Великие ханьские мыслители поступили мудро, заимствовав кое-какие полезные положения этих школ, хотя никто из них, конечно, прямо в этом не сознавался. Например, ханьские конфуцианцы не стали отказываться от системы государственного правления циньского образца, позволив новому ханьскому государству сохранить прежние имперские порядки. Одновременно они проповедовали, что чиновники должны во всех своих действиях руководствоваться нравственными принципами, и тем самым умили некоторые суровые крайности прежнего правления. В чем-то этот совет облегчил задачу ханьским императорам. Он позволил им сохранить единое государство и не допустить его очередного развала на феодальные княжества. Хорошие, добросовестные чиновники гораздо менее склонны восставать против просвещенных императоров, чем против властных князей и деспотичных царей.

Из других школ, вроде школы Хуан—Лао, конфуцианцы заимствовали космологическую систему. Говоря коротко, ханьские представители конфуцианства к своей этической основе добавили даосскую философию. Такие важные теории, как теория взаимодействия инь и ян, а также теория пяти элементов, с тех пор стали неотъемлемой частью конфуцианского мировоззрения. Впервые конфуцианцы разработали всеобъемлющую систему и смогли на равных противостоять другим идеологическим системам.

Кроме того, они обещали дать идеологическое обоснование новой системе гражданской службы и воплотить все свои принципы на практике. Нанимая на службу конфуцианца, император (почти) не сомневался в том, что новый чиновник будет добросовестно выполнять свои обязанности и высказывать вполне определенные мысли.

Включив в свое учение элементы легизма и даосизма, ханьские конфуцианцы также переняли и циньское требование стандартизации — очевидно, вторую причину единства Китая. Циньская, а после нее и Ханьская империи стремились к унификации во всем, вплоть до строго установленной длины осей для телег. В каком-то смысле в свое время это было так же необходимо, как установление стандартной ширины железнодорожной колеи впоследствии. Если у всех телег оси одинаковой длины, то они с легкостью проедут по любой дороге империи. Особенно это важно для Северного Китая, где желтая глинистая почва легко размокает под дождем, а затем высыхает, образуя жесткую колею. Ханьцы также переняли стандартный вариант циньского письма. Сам принцип китайского письма, а именно использование стандартных иероглифов, позволил в письменной форме общаться между собой представителям различных диалектных групп. В отличие от многоязычной Европы, в Китае всегда существовал единый литературный язык. Кроме того, существовала и общепринятая единая форма устного языка — так называемый мандаринский диалект на основе пекинского. На нем общались между собой чиновники из разных мест, поступившие на государственную службу. Разумеется, изначально иероглифы создавались с другой целью, но на опре-

деленном этапе они способствовали дальнейшему объединению китайской культуры.

Ну и конечно, в самом конфуцианстве изначально было заложено стремление к унификации. Оно выражало надежду на построение гармоничного общества, гармоничной семьи, гармоничного государства и вообще гармоничного мира. Конфуцианцев можно даже обвинить в том, что гармонию они ценят превыше справедливости и других добродетелей. Такие убеждения определили и представления о государстве. В идеальном государстве должен царить мир и спокойствие, а править им должна единая династия.

Временами эта идеальная картина нарушалась, и самым длительным таким периодом стал разрыв между упадком династии Хань в III веке и укреплением династии Тан в VII веке. Конфуцианцы, естественно, не одобряли долгого периода раздробленности. К этому времени относится еще одно знаменательное явление. В течение нескольких веков Северным Китаем правили династии не китайского происхождения. И вполне естественно, что страх китайцев перед тем, что их завоюют варвары с севера, востока или запада, только усилился. Тем не менее Южный Китай, а именно область в бассейне великой реки Янцзы, всегда оставался под властью собственно китайских правителей. Многие северные семейства перебирались на юг, убегая от постоянных войн и варварского правления. В этот период средняя часть Китая стала полностью китайской по этническому составу. Китайские иммигранты оттесняли представителей других народностей все дальше к окраинам, заставляя их покидать плодородные земли и уходить в горы и леса.

И все же южные китайцы мечтали об объединении. Северные же династии постепенно перенимали китайскую культуру, смешивались с собственно китайскими династиями посредством браков и надеялись в свою очередь завоевать весь Китай. Когда же с утверждением в 618 году династии Тан объединение свершилось, Китай стал еще более обширной империей. Многие историки полагают, что эпоха Тан — время наивысших культурных и политических достижений имперского Китая.

Далеко идущие культурные изменения предопределили и перенос зоны экономического развития с севера на юг. К эпохе Северной Сун произошли значительные изменения. К этому времени относятся многочисленные записи о спорах между представителями старых северных родов и новых чиновников с юга — новых в том смысле, что многие из них становились государственными служащими после сдачи экзаменов. Многие из южных чиновников оказались первыми в своем роду, достигшими высокого социального положения. Своим выдвиганием они во многом были обязаны благосклонности императора, а не силе древних аристократических родов. Такие коренные преобразования в столице не скрылись от взора северян.

Смена управляющего класса окончательно стала свершившимся фактом ко времени завоевания половины Китая варварской династией Цзинь. Сунцы объединились с цзиньцами против другой варварской северной династии и, несмотря на победу своих союзников, не добились особых успехов в военных действиях. Цзиньцы решили, что ничто не мешает им отобрать власть у династии Сун и завладеть всем осталь-

ным Китаем. Они с почти полным успехом выполнили задуманное и заняли всю северную равнину, колыбель Древнего Китая. Династия Южная Сун перенесла свою столицу в бассейн реки Янцзы и даже платила дань цзиньским соседям. В качестве моральной компенсации сунцы объявили, что их поражение временно и что вскоре они завоюют весь север. Однако Южная Сун не только не покорила север, но и быстро пала под натиском монголов.

Именно в это беспокойное время понизился статус женщин. Причины этого ясны не до конца, но в аристократическом обществе допускалась некоторая свобода, по крайней мере для представительниц высшего класса. Ко времени Сун общественное устройство резко изменилось. Хотя образованные семейства и считались элитой, они далеко не всегда владели поместьями. В любом случае важно то, что они получали власть вследствие своего успеха на экзаменах.

Основной причиной принижения роли женщин со стороны неоконфуцианских философов была их уверенность в том, что женщины менее способны к разумному рассуждению, нежели мужчины. Считалось, будто женщины более подвержены чувствам и поэтому не могут играть общественную роль за пределами семьи. Такая идеология усугубила перемены в образе жизни женщин. После эпохи Сун многие философы высказывали мнение, что овдовевшие женщины не должны выходить вторично замуж, и многие молодые вдовы навсегда оставались одинокими, как того требовали новые представления о добродетели.

Однако образованные женщины всегда могли найти отдушину для своего разума-сердца. Среди немно-

гих областей, в которых участие женщин не только одобрялось, но и поощрялось, можно назвать поэзию. Китайские поэтессы известны с древнейших времен и до самого конца истории императорского Китая. Наша госпожа Ли, например, обратила особое внимание на стихи предполагаемой учительницы и считала их важным фактором при выборе педагога для дочерей.

В эпоху Мин и Цин образованные женщины даже повернули в свою пользу тезис мужчин о том, что женщинами руководят скорее чувства, чем разум. Они знали высказывание Конфуция о том, что даже мудрец не лишен недостатков. Это представление о человеческой природе отличалось от положений буддизма и даосизма. Конфуцианцы утверждали, что человеку подобает демонстрировать разнообразные эмоции, если только они приходятся к месту и не расходятся с конфуцианскими представлениями о добродетели, нраве и должном поведении. Поэтому женщины заявляли, что в наличии чувств нет ничего плохого. И направить свои сильные чувства на то, чтобы следовать конфуцианскому Пути, — это даже достоинство. А если человек отрицает чувства, то его рассуждения напоминают неортодоксальное учение буддистов и даосов о том, что следует полностью избавляться от своих эмоций.

Женщины особенно часто занимались искусствами и становились их покровительницами еще и в силу того, что им не нужно было тратить время и силы на подготовку к экзаменам, запоминая наизусть обширные главы классических книг. Они, конечно, изучали все необходимые тексты, но не так тщательно, как их братья и мужья. Поэтому они чаще обращали свои таланты на создание произведений искусства.

Глава 4

ПЕРЕДАЧА ДАО

Хотя последователи Конфуция всегда придавали большое значение изучению истории, мнение о том, что и само конфуцианство с ходом времени может изменяться и развиваться, признавалось далеко не всеми. Дело в том, что многие конфуцианцы полагали, что их задача — воскресить классическое учение древних мудрецов; такие представления принято называть пуризмом, то есть стремлением к чистоте, к отбрасыванию всего, что считается лишним или наносным. Однако им возражали другие конфуцианцы, придерживавшиеся классического представления об «уместном», то есть о том, что мудрец не должен противиться переменам, когда они уместны. Согласно их мнению, изменяться, когда того требует время, — вполне в духе конфуцианства. Важно сохранить общий дух, а не следовать буквально традиции.

По мере того как сменялись династии, становилось очевидным историческое развитие конфуцианства. Ханьские ученые, пытаясь сохранить записи классических текстов эпох Шан и Чжоу, привнесли свое понимание в концепцию конфуцианского Пути. Через

тысячу лет мыслители эпохи Сун также создали новую систему, хотя и утверждали, что их система всего лишь возрождает классическую ученость древности. В эпоху Цин, когда истории стали уделять повышенное внимание, ученые подчеркивали тот факт, что на протяжении веков — от эпохи древних царей-мудрецов до недавнего времени — конфуцианство знало взлеты и падения.

Вот и наш судья Ли испытывал гордость оттого, что его пригласили прочитать лекцию в академии Белого Журавля, но вместе с тем и немного смутился от такой чести. Особенно ему льстило, что его пригласили два старших члена академии, предложив выступить перед студентами и рассказать об истории конфуцианского Пути. Судья Ли подумал о том, что академия эта сравнительно новая. Как и многие другие конфуцианские школы, она открылась пару поколений назад и призвана была способствовать распространению учености. Со стороны жителей города того времени это была дань уважения конфуцианству и признания его заслуг. Новые цинские академии и кружки по переписке между учеными продолжали дело возрождения былой славы конфуцианства, начатое еще в эпоху Сун. Ученым было необходимо место, где они могли бы собираться, предаваться размышлениям и вести беседы. Студенты приходили в академию по различным причинам. Некоторые решили посвятить свою жизнь изучению праведного Пути, другие же просто готовились к экзаменам различного уровня, от местного до общегосударственного. Ведь только пройдя тернистый путь учения, можно было достичь высокого социального положения. Экзамене-

ны для них были прежде всего способом поступить на имперскую гражданскую службу и получить различные привилегии.

Миновать экзамены было невозможно. Начиная с эпохи Сун они стали основным средством продвижения по социальной лестнице. При этом они были открыты для всех (за редким исключением представителей таких профессий, как актеры). Однако выходцам из бедных семей преодолеть даже первый уровень экзаменов удавалось крайне редко. На первом этапе экзамены принимали на местном уровне. Но после их сдачи надеяться на получение должности было еще рано. Только после сдачи второго, провинциального экзамена кандидат мог надеяться на продвижение. К тому же он мог пока утешаться тем, что принадлежит теперь к образованной прослойке.

Второй экзамен проходил на уровне провинции. На нем отсеивалось еще больше кандидатов на государственные должности. Выше провинциальных экзаменов не продвинулись даже многие известные ученые. При наличии связей и везении можно было уже получить кое-какую должность, но только одну из самых незначительных. Однако и в этом случае утешались тем, что, пройдя через вторые экзамены, приобретали некоторую репутацию в ученом мире.

Каждые три года все кандидаты, успешно сдавшие экзамены в провинции, собирались в столице для сдачи общегосударственного экзамена. Прошедших это испытание называли «цзиньши», или «представленными учеными», потому что их в буквальном смысле представляли императору. Вошедшие в верхние строки списков могли надеяться на блестящую карьеру.

Некоторых определяли в престижную академию Ханьлинь (элитное учебное заведение, располагавшееся в Пекине), где они продолжали изучать искусство управления государством. Другие успешно сдавшие экзамен кандидаты назначались на различные должности рангом пониже.

Даже несмотря на все свои недостатки, система назначения на гражданскую службу посредством экзаменов была, пожалуй, наилучшей для империи такого рода. Как выразился Конфуций, она была открыта для талантов. Происхождение человека при этом не учитывалось. Если молодой человек демонстрировал хорошие знания и если его при этом поддерживали видные родственники или родственники жены, то он мог подняться вплоть до чина великого министра. Конечно, в продвижении по службе немало помогали личные качества и удача.

Повышение касалось не только молодого человека, но и всей его семьи. Часто бывало так, что сохранить земельные владения и упрочить положение всего рода можно было только успешно сдав экзамены. Почти все другие виды имущества легко могли быть потеряны — в результате наводнения, пожара, войны или конфискации. Представителям образованного класса надежное благосостояние обеспечивала только земля.

Хотя правительство заботилось о том, чтобы экзамены были честными и доступными для всех, некоторые изъяны системы давали преимущество богатым. Первый изъян состоял в том, что для сдачи всех экзаменов требовалось много времени. В эпоху династии Сун, приблизительно тогда же, когда экзамены вош-

ли в норму, возраст большинства студентов, сдававших последний экзамен вместе с Учителем Чжу Си, был не меньше тридцати пяти лет. То, что Чжу Си сдал последние экзамены в восемнадцать лет, говорит о его гениальности. Многие великие ученые проваливались и в сорок, и в пятьдесят лет. Если принимать во внимание исключительно происхождение самих кандидатов, то может показаться, что большинство из них происходило из небогатых семей, но при более внимательном взгляде становится ясно, что некоторые были женаты на дочерях чиновников, занимавших высокое положение. Как только в поле зрения чиновника, у которого были дочери на выданье, попадал молодой человек с блестящими способностями, он сразу же стремился сосватать за него одну из дочерей, чтобы поддержать кандидата в его дальнейших научных занятиях. Для чиновника выгода заключалась в том, что, в случае если его сын не сдаст экзамены, семья могла надеяться хотя бы на более удачливого зятя. Купцы и торговцы также стремились поддержать толкового молодого человека в надежде упрочить свое положение в обществе. Судья Ли и сам был женат на представительнице образованной семьи, которая поддерживала его на всем долгом пути от первого экзамена до блестящей сдачи последнего. Долг молодых людей перед такими семьями был поистине огромен, и вряд ли его можно было выразить в какой-то денежной форме. Поэтому молодые чиновники старались в свою очередь не забывать о тех, с кем его связывали не только узы родства.

Судья Ли радовался предстоящей лекции еще и потому, что она давала ему возможность привести в

порядок собственные мысли по поводу истории конфуцианства. Ему нравилось представлять себя историком конфуцианского Дао. Он обдумывал разные способы изучения традиции, и оказалось, что больше всего ему подходит исторический метод. Его выбор подкреплялся тем, что сам Конфуций живо интересовался историей. История — это сохранившиеся записи о царях-мудрецах и труды, в которых поведана их мудрость. Если верить преданиям, то Конфуций и сам был автором многих классических книг конфуцианского канона.

Конфуцианцы всегда были историками. Без определенных сведений по истории невозможно было пройти через государственные экзамены на получение должности. Студент заучивал многочисленные комментарии к самым разным событиям долгой истории Срединного государства. Но ценность истории, конечно же, заключалась не только в том, что ее изучение способствовало сдаче экзаменов. Она еще и приобщала человека к традиции, помогая ему служить обществу. Для настоящего конфуцианца приносить пользу обществу было так же важно, как и успешно сдавать экзамены. Ведь экзамены только проверяли знания студента и не могли раскрыть его разум-сердце, обнажить его сокровенные мысли и истинные намерения, отличить искреннего человека от искателя славы и богатства.

Если только человек не рождался мудрецом, в чем судья Ли очень сомневался, то исторические сведения могли весьма помочь ему в самосовершенствовании и приобщении к мудрым мыслям. Ведь о жизни мудрецов узнают только из исторических записок и книг.

Как говорил Учитель Чжу, мы должны с таким же наслаждением читать книги о деяниях мудрецов, с каким поглощаем вкусную еду. Мысли мудрецов должны напитать наш разум, как пища питает наше тело. Нам постоянно нужно сверять свои поступки с тем, что писали мудрецы.

Благодаря собственным историческим исследованиям судья Ли обнаружил, что в истории Китая было гораздо больше перемен, чем кажется на первый взгляд. На протяжении долгих веков культура и уклад жизни Срединного государства постепенно изменялись. Во время первой лекции, которую судья Ли читал на прошлой неделе, он сообщил студентам о том, что думает по поводу истории. Например, о том, что по мере смены правящих династий центр культурного китайского мира сместился с северных центральных равнин к плодородным долинам реки Янцзы. Никто уже не сомневается в том, что буддизм и даосизм оказали определенное воздействие на образ мыслей мудрецов эпох Сун и Мин. Кое-что из этих философских систем пошло на пользу конфуцианству, и это приходится признать, какой бы кощунственной и нелепой ни казалась эта мысль. Разве нельзя извлечь пользу из любопытных рассуждений Чжуан-цзы о свободных и ничем не обусловленных поступках?

Судья Ли приветствовал некоторую долю сомнений. Разве сам Конфуций и Учитель Чжу не говорили о том, что сомнения — это один из путей к достижению цели? Конфуций, например, не одобрял некоторые ритуалы, обоснования которых он не мог найти в учениях древних мудрецов. Учитель

Чжу пошел еще дальше и внес изменения в книгу «Великое учение», входящую в каноническое «Четверокнижие». Основываясь на своей интерпретации текста, он изменил отрывок, написанный Чэн И (1033–1107), посвященный правильному методу обучения. Учитель Чжу утверждал, что в текст вкралась ошибка и что там нет подробного описания «исследования вещей», которое помогло бы читателю уяснить основы этого метода. Кроме того, Чжу Си с друзьями издали новые учебники ритуалов, довольно сильно изменив ритуалы Конфуция. Судья Ли даже слышал о том, что корейцы гораздо более китайцев почитают Учителя Чжу именно за эти ритуалы. Поэтому судья Ли и говорил, что, стремясь понять истинный смысл учения мудрецов, мы должны обращать внимание как на их рассуждения, так и на историю.

КЛАССИЧЕСКИЙ МИР

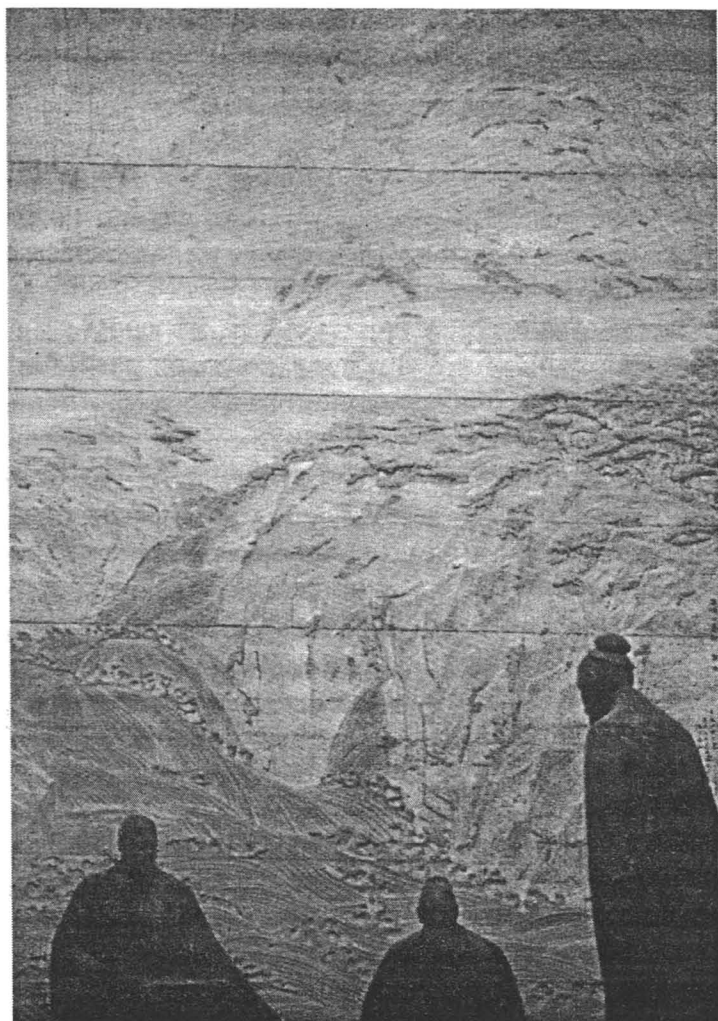
Прежде всего наш судья Ли обращал внимание студентов на то, что конфуцианский Путь — это нечто большее, чем просто философское или историческое учение. Хотя обучаться традиции, без сомнения, очень важно, но читать классические книги и запоминать тексты без стремления совершенствоваться бесполезно. В этом господин Ли следовал примеру многих реформаторов конфуцианства, которые ставили дух учения превыше буквы традиции. Он всегда любил начинать лекцию с того, как Конфуций сам описывал жизнь, посвященную следованию Пути.

Учитель сказал: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба. В шестьдесят лет я научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала».

Судье Ли нравился этот отрывок с тех пор, когда он учил его, еще будучи студентом. В этих словах сам Конфуций указывал путь молодым людям, вступающим в пору зрелости, утверждая, что каждый может следовать Пути и стать мудрецом, если посвятит этому все свои помыслы.

Подобно поучениям других мудрецов, слова Конфуция отличались обманчивой простотой. Прежде всего, речь идет о том, что обучение длится всю жизнь. Истинный смысл этого изречения в том, чтобы подтолкнуть человека на путь мудреца. Однако сам Конфуций никогда не утверждал, что является мудрецом, и даже говорил, что ни разу в жизни не встречал мудреца. Тем не менее он следовал Пути древних, сведения о делах которых сохранились в записях. Особенно он почитал ранних правителей династии Чжоу.

Даже сам язык отрывка обманчив. Конфуций безмерно удивился бы, узнай он о том, что его будут почитать как основателя нового учения. Первый Учитель, как еще называют Конфуция, полагал, что не создает ничего нового. Напротив, он верил в то, что воскрешает учение древних мудрецов. С тех пор как Конфуций высказал это, не прекращались споры по этому поводу. Конфуций любил традицию, поскольку в ней сохранялись все дела и слова мудрых

Скульптуры Конфуция и его учеников, которые установлены перед монументальным барельефом (около четырех этажей в высоту), изображающим пейзаж в сунском стиле. Вся композиция располагается в большом фойе обширного Центра конфуцианских исследований в Цюйфу, что свидетельствует о возрождении конфуцианства в современном Китае

правителей. Это как бы зеркало, которое мы должны всякий раз держать перед собой, задавая вопрос: «Поступаем ли мы в согласии с нравственностью и гуманностью?»

Судья Ли понимал стремление Конфуция возродить учение древних мудрецов. Но от его внимания также не ускользнул тот факт, что, желая передать это учение как можно большему кругу своих последователей, Конфуций радикальным образом изменил историю Пути. К примеру, когда он расширил понятие «жэнь», или «гуманность», и предложил считать жэнь добродетелью всякого цивилизованного человека, он тем самым заложил основы данного понимания термина на все последующие века. Первый Учитель говорил молодым людям, которые происходили из разных слоев общества и для которых «жэнь» первоначально означало «благородство», что «человечность» — это общий принцип, распространяющийся на всех людей независимо от их происхождения. Фактически именно то, что Конфуций сделал обучение «нашей культуре» доступным для всех, и стало основной его заслугой.

В более поздние времена, особенно в эпоху династии Хань (ок. 200 до н. э. — 220 н. э.), когда в Китае начал распространяться буддизм, стало легче определять уникальные черты в учении конфуцианцев. Судья Ли был вынужден признать, что он столкнулся с некоторой трудностью, попытавшись объяснить термины и концепции, развивавшиеся со временем. Например, начиная с династий Сун и Мин повелось считать, что все высказывания Конфуция и Мэн-цзы служат определениями Пути. Но что можно сказать по

поводу других великих учителей, таких как Сюнь-цзы (третий из величайших учителей эпохи Чжоу) или о Хань Юе (768–824) эпохи Хань? Сюнь-цзы исключался из основоположников традиции, поскольку спорил с Мэн-цзы об определении человеческой природы. Вместе с тем доктор Ли вынужден был признать, что высоко ценит Сюнь-цзы за то, что тот защищал ритуалы, за его острый и аналитический ум. Ли даже поразила мысль о том, что для развития Пути вклад Сюнь-цзы так же важен, как и размышления Мэн-цзы о высшем благе человеческого разума-сердца.

Вопрос о терминах приобрел особенную остроту с тех пор, как судья Ли несколько раз пообщался с «западными учеными», как благожелательно настроенные китайцы называли иезуитских миссионеров. Они задавали такие вопросы, какие ему раньше и в голову не приходили. Однако, как увидел Ли, все эти вопросы были подготовлены с учетом основательного знакомства с конфуцианской традицией. Иезуиты утверждали, будто конфуцианство началось с почитания «тянь» (Неба), которое они отождествляли со своим христианским Богом. Размышляя по этому поводу, Ли перечитал речи Учителя Чжу, касающиеся этого вопроса, и пришел к выводу: сам Учитель мог бы признать, что в самых древних канонических записях «тянь» можно понимать как Бога.

Но несмотря на возможность такого толкования, судье Ли оно казалось неудовлетворительным и искажающим подлинный смысл этого основополагающего понятия. Если признать аргумент иезуитов, то конфуцианство скатывается на уровень других верований, по мнению Ли, слишком примитивных и про-

стонародных. Хотя Ли и признавал наличие в традиции религиозного, если хотите, даже духовного начала, оно все-таки не было ядром конфуцианского Пути. Это даосы всячески исследовали вопрос наличия Бога или богов, обращаясь к общекитайским поверьям; конфуцианцы же занимались совсем другим. А что касается буддистов, то боги для них вообще были иллюзорными и как таковые не существовали.

В основе традиции лежало то, что Конфуций называл «единой нитью», проходящей через все его учение.

«Учитель сказал: “Шэнь! Мое учение пронизано одной идеей [одной нитью]”. Цзэн-цзы сказал: “Истинно так!” Когда Учитель ушел, ученики спросили: “Что это значит?” Цзэн-цзы ответил: “Основные принципы Учителя — преданность и забота [взаимность], больше ничего”».

Преданность иначе можно назвать верностью и постоянством, а заботу — умением поставить себя на место других и прощением. Именно это и «больше ничего» всегда было основной темой размышлений судьи Ли.

Поздние ученые пришли к согласию, что здесь Конфуций выражает основные принципы жэнь, или гуманности. Это, без сомнения, основная добродетель в конфуцианстве. «Учитель говорил: “Устремленность к человечности освобождает от всего дурного”». Судье Ли это утверждение нравилось тем, что оно устремляло мысль в двух направлениях. Добродетель жэнь была сущностью самого Пути. Если превыше всего ставить стремление к служению другим, то можно найти покой. Как сказал Конфуций, «кто утром услышит о пути, тот может вечером и умереть

спокойно». Это тропа правильного поведения в обществе, это непоколебимое стремление к гуманности ко всем. Естественно, Учитель не всегда говорил о Пути в таких мрачных тонах, напротив, он утверждал, что познание истинного Пути приносит радость.

В совершенствовании своих добродетелей и познании принципов жэнь можно было распознать особый ритм, отличающийся от первобытных ритмов инь и ян. Первым движением всегда было стремление усовершенствовать себя и тем самым лучше понять человеческую природу и разум-сердце. Но после сосредоточения на себе человеку следовало пойти от себя наружу ради служения семье и обществу. Только недостойные и жалкие люди хранят жэнь в себе, не делясь с окружающими. Второе движение называлось «шу» и представляло собой своего рода альтруизм. Наличие гуманности доказывалось обращением ее на пользу окружающим. А для этого нужно было уметь поставить себя на место других, то есть иметь способность к глубокому и осознанному сочувствию.

Что хотели нам передать мудрецы из глубины веков? На первый взгляд, их послание довольно просто. Одно из любимых господином Ли определений Пути гласило, что достичь Пути можно посредством служения другим. Это требовало воспитания в себе сочувствия, осознанной гуманности и справедливости, а также готовности исполнять различные обязанности в частной и общественной жизни. Короче говоря, это было повеление служить ради самого себя, семьи и общества. Однако такое определение подразумевало, что не существует никакого «я», то есть личности, вне семьи и общества и что семья и общество, в свою очередь, оп-

ределяются тем, насколько искренне, добросовестно и честно люди выполняют свои обязанности.

Судья Ли в своей лекции хотел обратить внимание студентов на историю развития и преобразования конфуцианского Пути. В истории конфуцианства можно выделить пять периодов. Первый — это классический период, начавшийся с того, что Конфуций определил сущность Пути. За ним последовал второй мудрец, Мэн-цзы, а за вторым третий — Сюнь-цзы. Хотя философы эпохи Сун не особенно почитали Сюнь-цзы вследствие его спора с Мэн-цзы по поводу человеческой природы, судья Ли очень уважал этого мудреца за то, что он защищал Путь от нападок представителей других философских школ эпохи Сражающихся Царств. Его высказывания по поводу ясного мышления и роли ритуалов в создании цивилизации стали важным вкладом в развитие конфуцианского Пути.

Конечно, Конфуций никогда и не помышлял о том, чтобы «создать новую систему». Великий Учитель лишь заявлял, что никогда не встречал того, кто жаждал бы знаний сильнее, чем он. Он полагал, что живет в жестокое и опасное время, когда основополагающие добродетели царей Вэнь-вана и У-вана и князя Чжоу Пин-вана утрачивали свою роль. Конфуций хотел предотвратить упадок культуры, напомнив ученым о том, что в этой культуре кроется их общая сила. Хотя судья Ли и сомневался в том, что Конфуций специально к этому стремился, но Первый Учитель стал и первым частным преподавателем. Если он не смог найти князя, который помог бы восстановить былое величие ранней эпохи Чжоу, то хотя бы нашел достойных учеников, чтобы передать им свою мудрость.

Конфуций вместе с тем оглядывался не только на основателей Чжоу, но и на культурных героев более отдаленного прошлого. Для него оно не было таким уж отдаленным. Ему нравилось преподавать и странствовать из одного государства в другое в поисках записей изречений древних мудрецов и благородных мужей. Сохранилась даже история о том, как учитель Кун разговаривал с Лао-цзы. Лао-цзы надзирал за архивом, а Кун хотел исследовать его. Конечно, на основании этой истории даосы впоследствии утверждали, будто их учитель Лао-цзы преподавал мудрость самому Конфуцию, и стало быть, исходя из добродетели почтительности, конфуцианцы должны оказывать почтение даосам. Сами же конфуцианцы отнюдь так не считали.

Сам Конфуций никогда не объяснял свою философию и не излагал ее принципы; это сделали его последователи, а именно Мэн-цзы и Сюнь-цзы, выступив на защиту своего учителя. Они указывали на то, что Конфуций спасал мудрость былых веков для последующих поколений. Именно благодаря Конфуцию мы помним о делах великих мудрых императоров, таких, как Яо и Шунь. А потому все последователи Конфуция должны применять древние, прошедшие испытание временем принципы на практике.

В целом Конфуций уважал древние ритуалы, историю и поэзию. Но он понимал, что от золотого времени мудрых правителей нас отделяют века. И поэтому он следовал именно тем ритуалам, которые были основаны в его эпоху Чжоу. Но если со временем ритуалы внешне меняются, то их дух должен оставаться неизменным. Все основные добродетели

тели нам послало вечное Небо, укрепив их в наших сердцах. Поэтому мы должны уважать и почитать вечные добродетели и с их помощью создать цивилизованное общество.

Наряду с сочинениями трех великих классиков — Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы — в основной канонический корпус текстов вошли и другие сочинения, созданные приблизительно в тот же период. Согласно общепризнанной традиции, многие поэтические и исторические произведения, а также тексты ритуалов Конфуций сам собрал и отредактировал. Все они считались очень важными, хотя некоторые выделялись особо. Например, такие работы, как «Книга о сыновней почтительности», «Великое учение» и «Срединный путь», обрели самостоятельное значение. Другие, такие как «Книга Перемен», в течение многих столетий служили источником вдохновения для других работ.

Недавно наш судья Ли перечитал работы Сюнь-цзы. Никто не сомневался в том, что Сюнь-цзы был блистательным философом. Ему лишь повредил недостаток здравого смысла в споре с Мэн-цзы, а ведь ученые эпохи Сун называли Мэн-цзы вторым величайшим философом. Суть спора была в том, что Сюнь-цзы учил, что по своей природе человек плох и зол, тогда как Мэн-цзы утверждал, что человек по природе хорош и добр. Это одно из важных и основных философских утверждений. Если природа человека плоха, то откуда нам, имеющим эту природу, узнать о том, что такое добродетели и гуманность? Мэн-цзы защищал положения Конфуция от нападок других философов эпохи Сражающихся Царств, доказывая, что

люди находят добродетели в своих сердцах и в своей собственной природе. Конечно, он признавал, что мы должны воспитывать в себе семена этих внутренних добродетелей, ведь без должного ухода и внимания они увянут, подобно неухоженным растениям.

Наш судья Ли давно находился на городской службе, и все вокруг склоняло его к мысли, что Сюнь-цзы в чем-то все-таки был прав относительно злой природы человека. Сюнь-цзы, пожалуй, только немного сгущал краски. Ведь рассуждения Мэн-цзы, несмотря на все растительные метафоры, уж слишком просты. Согласно его словам, нам нужно только смотреть внутрь себя и поливать ростки доброй природы, пока не вырастет сад добродетелей. Сюнь-цзы же, напротив, считал, что только благодаря неуклонному самовоспитанию и исполнению ритуалов мы можем ступить на путь добра. Мы не можем полагаться исключительно на помощь своего разума-сердца, которым ничто и никто не руководит. Главное здесь — неуклонное следование ритуалам и приобщение к культуре. В конце концов, Сюнь-цзы стремился к той же цели, что и Мэн-цзы, поэтому никто никогда и не сомневался в том, что он тоже был последователем Конфуция. Некоторые достаточно смелые ученые эпохи Цин даже утверждали, что конфуцианство никогда бы не стало реалистичным и последовательным философским учением, если бы среди других классических сочинений в нем не нашлось места и сочинениям Сюнь-цзы.

Основной темой всех великих классических трудов оставались поиски и воспитание добродетелей, человеческая природа и основы общества. Если бы наш судья Ли был знаком с трудами величайших европей-

ских философов, он сравнил бы классиков конфуцианства с Сократом, Платоном и Аристотелем. Ранние конфуцианцы обсуждали различные темы, даже такие, как теория познания и логика, но прежде всего их мысль сосредоточивалась на самовоспитании и преобразовании общества. Они верили в то, что древние мудрецы, такие как цари Вэнь-ван и У-ван и князь Чжоу Пин-ван, своими поступками и высказываниями оставили образцы для подражания на все времена.

УПОРЯДОЧИВАНИЕ В ЭПОХУ ХАНЬ

Второй период развития конфуцианства — эпоха династии Хань. Мыслители того времени хотя и не прославились так, как основатели учения, но все же внесли большой вклад в его развитие. Одна из основных их заслуг — спасение большинства классических книг, пострадавших во время войн, приведших к упрочению династии Цинь и последовавших после ее падения. В ходе жестоких войн за объединение страны погибло много произведений искусства и памятников культуры, в том числе и бесценные философские труды. К сожалению, император Цинь Шихуанди прислушался к мнению своих советников-легистов и попытался искоренить все другие философские школы раннего периода. Во многом ему это удалось, и легисты постарались исключить все, что выходило за рамки их учения (за исключением некоторых работ по медицине и сельскому хозяйству).

Немногие уцелевшие книги, ускользнувшие от циньских властей, подверглись уничтожению во вре-

мя гражданских войн, последовавших за падением династии Цинь. Все это можно смело назвать величайшей библиографической катастрофой. Первым делом мыслители эпохи Хань принялись искать и восстанавливать драгоценные тексты. Заодно они критически оценивали и редактировали их. В некоторых случаях в руках у ханьских эрудитов оказывались лишь фрагменты, по которым им предстояло получить представление о целом. И с этой задачей они справились настолько мастерски, что их версии текстов считаются классическими до сих пор. Конфуцианский Путь очень многим обязан работоспособным и неутомимым ученым эпохи Хань.

Эти исследователи также написали собственные комментарии к классическим книгам. По прошествии веков эти комментарии зачастую входили в классические сборники. Мыслители более позднего времени как бы смотрели на ранние труды глазами ханьских философов, предложивших некоторые интересные способы их прочтения. Например, их гораздо больше, чем Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, занимали космологические и метафизические темы.

Ханьские мыслители добавили к конфуцианскому Пути космологическое измерение. При этом они не думали о том, чтобы внести нечто новое, а полагали, что лишь восстанавливают и уточняют уже имеющееся. Более поздние ученые не были полностью с ними согласны, но одно несомненно — благодаря стараниям ханьских философов сфера конфуцианской мысли значительно расширилась. Например, до Ханьской эпохи конфуцианцы мало интересовались теориями взаимодействия инь и ян или ролью пяти элементов в

создании мира. Ранние конфуцианские философы либо не обращали внимания на космологические представления других школ, либо считали их само собой разумеющимися. Они не испытывали потребности обсуждать их.

Ханьские же философы, такие, как Дун Чжуншу (190–120 до н. э.), находили весьма важными проблемы пяти элементов, ци, а также взаимодействия инь и ян. Они находили соответствия этим космологическим теориям в политике и в истории. С их точки зрения, они просто старались как можно более полно объяснить окружающий мир. В основе же их стремления лежала все та же конфуцианская озабоченность личной и общественной этикой. Такой сплав натурфилософии и этики начиная с эпохи Хань навсегда вошел в историю конфуцианства.

И хотя впоследствии часто официально признавали лишь два великих периода — классический и период Сун, — конфуцианство многим обязано ханьским мыслителям. К примеру, именно они упорядочили учение о добродетелях. Когда бы конфуцианцы ни рассуждали о добродетелях, они всегда перечисляли пять основных добродетелей — по крайней мере, после эпохи Хань. Естественно, понятия об этих добродетелях существовали и раньше, но ханьские мыслители сложили эти представления в единую систему и дали ей теоретическое обоснование.

Итак, список пяти основных добродетелей, связанных с семьей или обществом, таков:

Жэнь: гуманность, или человечность (человеколюбие); без гуманности нет добродетели. *Жэнь* — добродетель отношений между родителями и детьми.

И: праведность, или справедливость. Это добродетель почтения и уважения к правителю и представителям власти.

Ли: ритуал, или цивилизованность; способность действовать согласно правилам. Добродетель взаимного уважения между мужем и женой.

Чжи: мудрость, знание и проницательность. Добродетель привязанности между старшими и младшими братьями и сестрами.

Син: верность в мысли, слове и деле. Добродетель дружбы и сочувствия.

Таким образом ханьские философы продемонстрировали свою способность к синтезу и рациональному объяснению положений, выдвинутых философами эпохи Чжоу. Связав список добродетелей с пятью первоэлементами, ханьские мыслители создали стройную картину, прекрасно вписавшуюся в общекитайскую систему мировоззрения на все времена. Каждый ребенок впитывал представление о пяти добродетелях с молоком матери. К тому же добродетель верности между друзьями делает систему открытой для всех. Большинство добродетелей, как часто подмечалось, основаны на связях внутри семьи или государства, тогда как ценность дружбы выходит за все возможные ограничения и создает предпосылки для общения между всеми людьми.

Нашего судью Ли особенно привлекала именно добродетель верности и ее связь с дружбой. Дружба — ключевой элемент в жизни конфуцианского ученого. Конечно, любой человек самим фактом своего рождения вовлечен в связи между членами семьи. Но за пределами семьи он находит себе круг друзей. Сам Конфуций советовал брать в учителя своих друзей и

коллег. Первый Учитель говорил о том, что можно учиться на примере любого умного человека, какой встречается нам на нашем жизненном пути. Вместе с тем, выбирая друзей, следует соблюдать особую осторожность, ведь они станут нашими товарищами на пути самосовершенствования. Наши друзья могут поправлять нас, когда мы допускаем ошибки, так же как и мы должны указывать им на их недостатки и неблагоприятные поступки. А помимо всего прочего дружба доставляет нам немало простых и искренних радостей.

ПОЯВЛЕНИЕ БУДДИЗМА

Однако рано или поздно на смену эпохе расцвета приходят времена упадка. После величия классического периода и возрождения культуры периода Хань наступила эпоха распространения даосизма и буддизма. Буддизм появился в Китае приблизительно тогда же, когда династия Хань начала клониться к упадку, то есть в конце I века. Сначала его едва заметили, но в дальнейшем он стал едва ли не главной религией, определившей дальнейшее интеллектуальное и общественное развитие Китая. Конфуцианство не исчезло, но значительно утратило свои позиции. Со II по IX век многие китайские мыслители были либо буддистами, либо в той или иной степени интересовались этим учением. А если в каких-то сферах буддисты и не оказывались главными, то с ними соперничали в основном даосы. Даже когда после эпохи Сун учение Будды постепенно утратило свое влияние, оно про-

должало оказывать воздействие на китайское общество. В качестве примера можно вспомнить, что многие женщины становились последовательницами буддизма. Мать нашего судьи Ли также оказывала покровительство местному буддийскому монастырю.

До прихода буддизма китайский мир не встречался с другой высокоразвитой культурой. Все предыдущие контакты были исключительно с варварами, да и то они по большей части выливались в вооруженные столкновения и завоевания. После падения династии Хань и до великолепного расцвета династии Тан некоторые группы северных и западных варваров время от времени завоевывали Северный Китай, хотя всю страну им завоевать не удавалось. Многие племенные союзы и варварские династии покровительствовали именно буддизму. По сути дела, даже сама династия Тан была в какой-то степени варварского происхождения. Этим, возможно, помимо всего прочего, объясняется тот факт, что она была такой открытой и нацеленной на расширение своего влияния. Великая Танская империя приветствовала новые идеи, новые виды поэзии и даже новые вина и блюда, доставляемые из других стран. Во всей культуре эпохи Тан чувствуется жажда новизны и любовь к жизни.

Судья Ли не принадлежал к числу тех конфуцианцев, что презирали буддизм. Он был в хороших отношениях с настоятелем местного буддийского монастыря, отставным чиновником с безукоризненным послужным списком. Ли всегда уважал ученость и набожность своего друга, даже если не соглашался с ним по многим философским и социальным вопросам.

Например, среди буддистов были монахи и монахини, которые давали обет безбрачия. До распространения буддизма Китай не знал такой практики. Конфуцианцы считали, что семья — это основа не только общества, но и личности; буддисты же призывали оставить семью. Конфуцианцы полагали, что всякие чувства являются неотъемлемой частью человека, даже если порой их приходится сдерживать и воспитывать; буддисты же говорили о нирване, то есть о полном отречении от страстей и чувств в целях истинного просветления.

Тем не менее судья Ли признавал, что буддисты заставили великих реформаторов эпохи Сун добавить дополнительные философские теории к классическому конфуцианскому взгляду на мир и человека. Благодаря буддизму конфуцианство разработало метафизику, способную противостоять столь привлекательному учению о дхарме. Буддисты всячески восхваляли пустоту нирваны как высшую реальность, тем самым побуждая конфуцианцев разрабатывать доводы в пользу реальности и ценности видимого мира.

СУНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Если классическая эпоха Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы была первым золотым веком конфуцианского Пути, то великое возрождение периода Сун можно назвать вторым величайшим периодом и расцветом традиции. Имена ученых эпохи Сун звучали для конфуцианцев как имена бессмертных небожителей. Возрождение фактически началось с призыва

властей реформировать гражданские институты Сунского Китая. Такие ученые, как Фань Чжун-янь (989–1052), ответили на призыв рядом предложений, которые выходили далеко за пределы обычного реформирования государственных структур. Эти реформы ставили целью полностью изменить уклад китайского общества. Более того, все эти реформы ориентировались на конфуцианство. По-настоящему эффективные реформы могли быть только интеллектуальной революцией, основанной на конфуцианских принципах.

За первыми реформаторами последовала вторая волна реформаторов, поколение которых навсегда связано с именем Ван Аньши (1021—1086), первого министра в 1060-х годах. Реформы, которые Ван Аньши предложил императору, касались всех аспектов китайского общества, от местного образования до национальной налоговой политики. Но было в них и нечто большее. Ван Аньши строил свои реформы на новом толковании классической традиции. Он соглашался с Фанем Чжун-янем в том, что реформы должны опираться на обновленное понимание конфуцианского Пути. Хорошее правительство основано на подборе достойных людей, исполняющих те или иные должности. А хорошие чиновники должны получить надлежащее конфуцианское образование. Государственная политика и самовоспитание должны составлять единое и неразделимое целое. Однако реформы Ван Аньши по своей сути оказались утопичными и, как все утопии, были обречены на поражение.

Одни люди поддерживали, другие ненавидели как самого Ван Аньши, так и его реформы. По поводу

этих реформ велись бесконечные споры. В конце концов основная часть реформ была отменена, но они еще долго продолжали отзываться эхом в различных дискуссиях и теоретических рассуждениях. В ходе дискуссии сложилась группа мыслителей, настроенных против реформ и философии Ван Аньши; впоследствии этих мыслителей стали называть учителями Северной Сун. В качестве политических деятелей они не раз прославились, но как философы обрели значительную известность. Судья Ли заметил, что в монументальной истории Сунской династии им отведен особый раздел, а не тот, в котором говорится о других конфуцианских учениках. Данное направление мысли осталось в истории под названием «Дао сюэ», или «Школа Пути».

Многие другие конфуцианцы презрительно морщились при упоминании их имен или идей. По какому праву они именовали себя хранителями истинного конфуцианского Пути? Но эти нападки не отвлекали мастеров Северной Сун от поставленных ими перед собой задач. Они воспринимали свою борьбу с Ван Аньши как битву за разум-сердце Китая. Поскольку они защищали конфуцианский Путь, то в своей критике реформ и философии должны были использовать конфуцианские же аргументы. Во многих политических и общественных вопросах они, конечно же, соглашались с Ван Аньши, но протестовали против его особого толкования классических трудов. С их точки зрения, начинать глобальные реформы с ошибочных философских и этических постулатов было бы просто ужасно, это привело бы к упадку конфуцианского Пути и вообще всей китайской империи.

Имена Шао Юна, Чжоу Дуньи, Чжан Цзая, братьев Чэн Хао и Чэн И поистине олицетворяют собой путеводные вехи в истории конфуцианства. Они определили дальнейшее направление конфуцианского Пути, внося разнообразный вклад в его философское наследие. Согласно одному из их основных общих убеждений, настоящие реформы должны основываться на личной реформе; более того, личная реформа должна покоиться на глубоких философских основаниях. Конфуцианцам необходимо вернуться к должным способам самосовершенствования разума-сердца. Эти мыслители разработали методы самосовершенствования посредством обучения и медитации. Занимаясь синтезом и оформлением концепций, они также вложили новый смысл в само понятие конфуцианского Пути. Уникальность ему придавал сплав этических и космологических представлений эпох Чжоу, Хань и Тан с всеохватывающим и систематическим философским взглядом. Деятели Северной и Южной Сун породили новое конфуцианское спекулятивное мировоззрение.

Среди мыслителей Северной Сун по ряду причин трудно причислить к какому-либо лагерю Шао Юна (1011—1077). Во-первых, его мысль порой выходила далеко за пределы, ограниченные зарождавшейся «Школой Пути». Например, Шао Юн увлекался нумерологией и ее применением в повседневной жизни и при изучении истории. Его также особенно интересовали эпистемологические вопросы, и его исследования получили признание последующих поколений ученых. Во-вторых, Шао не утруждал себя тем, чтобы делать карьеру, предназначенную для чело-

века его уровня образования. Он никогда не сдавал экзамены и, следовательно, не занимал государственных должностей. Его иногда даже называли «Отшельником из Лояна».

В-третьих, когда великий Чжу Си писал общепринятую историю Пути, он не включил Шао Юна в канонический список учителей Северной Сун. И хотя Шао, пожалуй, первым среди представителей этой группы начал писать философские работы, Чжу Си признавал первым учителем Северной Сун Чжоу Дуньи. Чжу Си обосновывал свое мнение тем, что Шао Юн, будучи конфуцианцем, склонялся к умозрительной мысли, свойственной неортодоксальным формам даосизма, например нумерологии. К тому же он славился тем, что умел предсказывать будущее. Все это слишком раздражало традиционно настроенных конфуцианцев, хотя все они, включая и Учителя Чжу, читали и цитировали труды Шао Юна. Самый важный элемент впечатляющего наследия Шао Юна — обширный комментарий к «Книге Перемен».

Признанным основателем «Школы Пути» считался Чжоу Дуньи, что вполне справедливо. И хотя он написал только два коротких текста, его произведения оказали громадное влияние на оформление конфуцианской мысли. Наиболее известно его «Изъяснения “Плана Великого предела”» («Тай цзи ту шо»). Эта небольшая работа послужила своеобразным философским и космологическим манифестом «Школы Пути». В ней представлены, хотя и в очень схематической форме, контуры процесса развития Дао с конфуцианской точки зрения. Эта работа также достаточно загадочна, чтобы породить различные толко-

вания и домыслы по поводу того, что же Учитель Чжоу имел в виду, когда написал «План Великого предела» и «План Беспредельного». Наш судья Ли считал, что трудно точно определить, что Учитель Чжоу хотел сказать, подобно тому как трудно распознать истинное значение начальных строк «Дао дэ цзин» Лао-цзы.

Но как бы ни толковали труды Джоу Дуньи, они несомненно предполагают новое космологическое объяснение реальности. Более того, Чжоу Дуньи показал, как новую космологическую схему можно увязать с традиционными конфуцианскими воззрениями на нравственность. Действительно новым было то, что этика рассматривалась как воплощение высшего космологического порядка. Классические конфуцианские ценности можно было теперь не только применить к общественной жизни, но и объяснить с их помощью весь мир. По сравнению с даосскими или буддийскими теориями мир учителя Чжоу Дуньи по-конфуциански реалистичен и социален. Конфуцианцы всегда утверждали, что исходят из признания реальности, в отличие от буддийской доктрины «пустоты» или даосских утверждений о несуществовании. Конечно, буддисты и даосы из числа друзей судьи Ли всегда возражали, что он критикует их слишком предвзято и без особых оснований, не понимая истинного смысла их учения. Тем не менее Учитель Чжоу и «Школа Пути» твердо стояли на защите реальности и повседневного реалистичного взгляда на мир.

Вторым последовательным философом Северной Сун был Чжан Цзай. Он был другом учителя Чжоу и дядей не по годам развитых братьев Чэн. Имя Чжана

Цзая неотделимо от понятия «ци». Чжан утверждал, что жизненная сила, или энергия ци, лежит в основе всей реальности. Все, что было, есть и будет, так или иначе представляет собой ци. Сам мир существует благодаря бесконечной порождающей силе ци.

Судье Ли казалось важным объяснить студентам, что именно Чжан Цзай понимал под ци. Понятие «ци» настолько широко распространено в китайской культуре, что многие утверждают, будто они прекрасно знают, о чем идет речь. Вещь ли это? Несомненно да. Дух ли это или движение разума-сердца? Тоже да. Ведь жизненная сила неотделима от формы и процесса. И от того, насколько сильно ци проявляется в вещах материального мира, зависит реальность этих вещей. Кроме того, что особенно важно для конфуцианского мыслителя, ци является также и побудительной энергией нравственных поступков. Должным образом соблюдаемые ритуалы и действия, понимаемые как действие жизненной силы, так же реальны и конкретны, как и любой камень мостовой.

Будучи философом жизненной энергии, Чжан Цзай, кроме того, подчеркивал роль самовоспитания. Любимой темой Чжана Цзая было понятие «чэн», или самореализация. Под самореализацией он подразумевал конечную цель самовоспитания, особо указывая на то, что конфуцианец должен реализовать в себе пять добродетелей и что эти добродетели находят свое воплощение в самореализации. В качестве канонического источника для своей теории «чэн» Чжан Цзай выбрал «Срединный путь». По его мнению, если человек может полностью реализовать свой человеческий потенциал посредством должного самовоспита-

ния, то он становится, согласно классическому тексту, творцом мира, равным небу и земле.

Стремление к самореализации подтолкнуло Чжана Цзя к идее о том, чтобы искренне уважать все живые существа. Он написал небольшое сочинение, известное под названием «Западная надпись» («Дун мин»), как считается, глядя из западного окна своего кабинета. В нем он выразил свое глубочайшее почтение ко всему миру. Хотя конфуцианство нельзя назвать религией в том смысле, в котором религией называют буддизм или народный даосизм, не говоря уже о христианстве, все же в нем присутствует духовное начало, что явствует из «Западной надписи».

Братья Чэн — самые известные братья в истории китайской мысли. Старший брат, Чэн Хао, — одна из самых привлекательных фигур сунского возрождения. Он был не только одним из величайших мыслителей своего времени, но, судя по общим отзывам, также чудесным и искренним человеком. Каждый хотел стать его другом. Самое главное в учении Чэн Хао и Чэн И — представление о принципе («ли»). Все их сочинения так или иначе связаны с понятием принципа, который представляет собой как бы обратную сторону понятия жизненной силы (ци) Чжана Цзя.

Говоря вкратце, братья Чэн утверждали, что все в мире имеет определенную форму. Есть также высшая форма для реальности в целом, и вслед за Чжоу Дуньи они называли это «Великим пределом». Но все отдельные объекты также имеют свою форму, которая и отличает их от других объектов. Это философское правило, исходя с Небес, относится ко всему, что только существует. Изначально термин «ли»

означал рисунок на нефрите. Братья Чэн придали ему новый смысл — форма, образ или принцип. Ведь если жизненная сила пронизывает все в мире, связывая все предметы и явления, то отдельными и отличными от других вещи делает именно форма, или принцип, иначе называемый порядком. Вместе с тем свой принцип есть не только у вещей, но и у основных этических добродетелей.

В этом рассуждении ключевым понятием становится принцип, рисунок или порядок. Для братьев Чэн должный этический поступок или ритуал были настолько же конкретны, как книга или стул. Как у этического принципа, так и у стула есть свой формальный принцип. Принцип стула заключается в том, что на нем сидят. Если на стуле возможно сидеть, причем сидеть удобно, то он выполняет свое предназначение. Если на стуле нельзя сидеть и он разваливается, то он не выполняет свое предназначение. Если друг не помогает другу, то принцип или рисунок добродетели дружбы оказывается нарушенным. Если человек имеет представление о добродетели, но не поступает так, как нужно, то это значит, что он отказывается от этой добродетели. Во многих философских отношениях понятие принципа связано с заботой Конфуция об «исправлении имен». Заслуга братьев Чэн состоит в том, что они объяснили, каким образом можно узнать, что имя исправлено.

Кроме того, братья Чэн утверждали, что принцип всегда един, но его проявления разнообразны. Это значит, что все принципы связаны между собой посредством «Великого предела». В свою очередь «Великий предел» проявляется в различных принципах,

присущих тому или иному объекту или явлению. Для принципа важна также моральная составляющая. Каждый принцип может реализовываться хуже или лучше. Естественно, высшая цель для каждого человека — это гуманность, или человечность. На практике моральные принципы реализуются в нравственном поведении, а степень их реализации зависит от поведения человека. Принципы находят свое истинное воплощение в моральном воспитании человека и в том, какую роль человек играет в обществе.

Следующим в ряду великих сунских мыслителей идет ученый Чжу Си из Южной Сун (1130–1200). Он никогда не общался с учителями Северной Сун, но учился вместе с их учениками и воспринял их основные идеи. Его заслуга в том, что он объединил все теории сунских мыслителей и создал синтетическое учение, ставшее с тех пор основным в конфуцианстве. И хотя вплоть до самой смерти он подвергался нападкам со стороны других мыслителей, сомневавшихся в ценности его учения, в 1313 году, во время правления монгольской династии Юань, его работы вошли в список основных трудов, знание которых было необходимо для сдачи государственных экзаменов. Чжу Си продолжали почитать как великого основоположника и при династии Мин, и после того, как в 1644 году Китай завоевала династия Цин.

Чжу Си удалось в своих работах затронуть все основные темы столь любимых им учителей Северной Сун. Такой интеграции он достиг благодаря тому, что сосредоточился на двух моральных аспектах философии Южной Сун. Прежде всего он разработал тео-

рию о природе и о воспитании человеческого разума-сердца. Он утверждал, что сердце, которое, согласно китайским воззрениям, служит и средоточием разума, является самой совершенной формой жизненной силы человека; сердце одновременно содержит и эмоции, порождаемые жизненной силой, и способность к пониманию формальных принципов вещей и событий. Более того, разум-сердце содержит семена моральных добродетелей, как некогда учил Мэн-цзы. Согласно Учителю Чжу и его последователю Чжану Цзаю, разум-сердце объединяет принцип полученной от Неба человеческой природы и чувства, порождаемые бесконечным потоком жизненной энергии.

Чжу Си полагал, что разум-сердце можно научить благородным мыслям и чувствам посредством неустанного образования и самовоспитания. В этом он опирался на классическую традицию, утверждавшую, что Небо наделило каждого человека семенами моральных добродетелей, но их рост и зрелость зависят от того, насколько усердно возвращает их тот или иной человек. Учитель Чжу, а вслед за ним и наш судья Ли любили напоминать студентам о том, что разум-сердце по природе непрочен и что разум-сердце невоспитанного человека склонен выходить за пределы разума и должного поведения. Для того чтобы жить по принципам Неба, любой человек со слишком пылким сердцем и горячими стремлениями должен воспитывать себя и тем самым добиваться воплощения в себе истинной гуманности.

Далее, Учитель Чжу связывал представления о разуме-сердце с теорией о единстве жизненной силы и

принципа, опираясь в этом на учение Чжана Цзая и братьев Чэн. Новым было то, что Учитель Чжу абстрагировался от теории человеческой природы и заявил, что принцип и жизненная энергия находятся повсюду и что они проявляются в любом объекте или явлении. Вместе они удерживаются благодаря «Великому пределу», который является центральной нормой, управляющей гармонией принципа и жизненной силы. Каждый объект или явление скрепляет эти два элемента в одно целое. Связав принцип и жизненную силу посредством прототипа морального исполнения, а именно «Великого предела», Учитель Чжу объединил метафизическое и моральное измерения конфуцианского Пути.

Хотя Чжу Си прославился тем, что обобщил достижения мыслителей Северной Сун, его теория выходит за пределы простого размышления о взаимосвязи инь и ян, принципа и жизненной силы, человеческого разума-сердца и разума-сердца Дао. Чжу показал, как эти противопоставленные силы могут объединяться на практике и в теории. Сложность хода его мысли раздражала критиков и одновременно служила источником вдохновения для его учеников.

Учитель Чжу показал, как эти пары, допустим, эмоции и разум в человеческой природе, объединяются и достигают гармонии. Традиционная пара в классической традиции стала триадой формального, динамического и объединяющего начал. Яснее и глубже всего трехчленная система Чжу Си была показана на примере человеческой природы, в которой извечный принцип, жизненная сила и самореализация демонстрируют порождающую силу Пути. Как сказано в коммен-

тарии к «Книге Перемен», Путь, или принцип (как понимал его Чжу Си), сам по себе является постоянным бесконечным воспроизведением.

Систематическое изложение различных элементов учения Чжу Си выглядит следующим образом:

- Человеческая природа — это принцип: человеческая природа как принцип обеспечивает формальный порядок и регулирует различные события.
- Эмоции — это жизненная сила: жизненная сила, будучи бесконечным производящим потоком, порождает различные процессы и привносит динамику.
- Разум-сердце объединяет человеческую природу и жизненную силу: разум-сердце осуществляет (добродетель «чэн» как полная реализация «жэнь») принцип и жизненную силу в полной мере, что и есть гуманность. Объединяющий принцип также называют «Великим пределом».
- Гармония «хо», или разум-сердце, взаимодействующий с другими среди взаимных порождающих сил Дао («пао»).

При изложении философской системы Учителя Чжу необходимо, как было показано выше, добавить понятие гармонии («хо»). Оно привносит аксиологическое измерение (аксиология — учение о ценностях), как и у Аристотеля, у Чжу Си каждое действие, в том числе и этический поступок, имеет конечную цель. Но следует сделать еще один шаг: реализация гуманности должна выражаться не только в отношении других людей, но и как действие, направленное в будущее. Следовательно,

если останавливаться на формальном трехчленном взаимодействии формы, динамики и объединяющей гармонии, то можно пропустить один из основных элементов мысли Чжу Си. Ни один из умозрительных элементов не имеет смысла или ценности, пока они не служат чему-то живому и добродетельному. Чжу Си всегда стремился к самосовершенствованию и задумывался об этическом самовоспитании. Он полагал, что теория хороша только тогда, когда она помогает стать гуманным в жизни. Ведь совершенствование жизни — это в высшей степени этическая и социальная по своей природе цель.

Кроме анализа нравственной и метафизической природы человека, Чжу Си составил список литературы, необходимой для реализации человеческой природы. Наиболее известная его часть — «Четверокнижие», то есть сборник четырех из тринадцати основных классических книг конфуцианства. В него вошли «Великое учение», «Беседы и суждения», «Мэн-цзы» и «Срединный путь». Учитель Чжу добавил свои комментарии к этим книгам и даже радикально отредактировал «Великое учение». С точки зрения Чжу Си, «Четверокнижие» должно было стать начальным этапом изучения конфуцианской классики, а также других важных философских, поэтических и исторических трудов. Вместе со своим другом Лу Цзююанем (1139–1193) Чжу Си также составил сборник сочинений четырех корифеев неоконфуцианства эпохи Сун «Записи размышлений о близком», который служил своеобразным введением к «Четверокнижию» и к философии «Школы Пути», как ее понимал Чжу Си.

Чжу Си не остановился на комментариях и философских трактатах. Он был искренне озабочен обнов-

лением учения и распространением надлежащих ритуалов. К концу жизни он начал составлять свой главный труд «Семейные ритуалы Учителя Чжу». Новый учебник теории и практики ритуалов должен был изложить в деталях разнообразные ритуалы, необходимые в конфуцианской семейной жизни. Он затрагивал все события, от рождения до смерти. Впоследствии он также стал незаменимым пособием для многих поколений представителей образованного класса Китая.

Конечно, не все оценили труд Чжу Си по обобщению сунской конфуцианской мысли и практики. Больше всего критиковали его метод обучения конфуцианским добродетелям. Любимая цитата Чжу Си из «Великого учения» гласила, что мы должны изучать вещи, пока не истощим свои силы или не поймем их принцип. Учитель Чжу воспринял этот наказ очень серьезно. Своим ученикам он советовал не только изучать классические конфуцианские труды, но и читать труды других философских школ, а также обращать внимание на окружающий мир. И хотя Чжу Си не был профессиональным натуралистом, он интересовался научной мыслью своего времени.

ЭПОХИ МИН И ЦИН

Критики Чжу Си утверждали, что его теория изучения вещей переносит внимание на поверхностные явления. Вопреки учению о принципе («ли сюэ») они заявляли, что истинное конфуцианское самосовершенствование должно начинаться с очищения разума-сердца до того, как он безнадежно потеряется среди суеты

земного мира. Споры о надлежащем постижении Пути продолжались всю эпоху Мин вплоть до эпохи Цин.

Одним из поводов для дискуссий было общее направление мысли эпохи Мин, ориентированное скорее вовнутрь, чем вовне, хотя сами ученые того периода так бы не сказали. Тем не менее объект размышлений все более перемещался в область разума-сердца. Более академическому и широкому мировоззрению Чжу Си противопоставил свою систему Ван Янмин (1472–1529). Он был искренне убежден, что Учитель Чжу искал природу разума-сердца не там, где следовало. Чжу Си слишком интересовался внешним миром и текстами, тогда как настоящей задачей ученого должно быть совершенствование разума-сердца.

Предпосылками для развития такого учения стали довольно драматические обстоятельства. Ван Янмина высекли перед всем двором, а затем сослали на юг только из-за того, что он поддерживал дружбу с противником одного влиятельного евнуха, пользовавшегося благорасположением императора. Ван, конечно, расстроился из-за крушения своей карьеры, но еще более он страдал от неуверенности в моральном обосновании своих поступков. В ссылке Ван однажды медитировал перед каменным гробом, размышляя о жизни и смерти, как вдруг ему все стало ясно по поводу разума-сердца и исследования вещей. Ван понял, что его собственной человеческой природы достаточно для того, чтобы стать мудрецом; он искал принципы во внешнем мире, тогда как ему нужно было исследовать свой разум-сердце.

После постижения глубокого смысла своего прозрения Ван Янмин посвятил себя преподаванию того,

как нужно себя должным образом совершенствовать. Он учил, что принципом на самом деле является разум-сердце. За пределами разума-сердца найти принцип невозможно. Ван полагал, что нашел ключ к утверждению Мэн-цзы о том, что нужно возвращать семена нравственности нашей собственной человеческой природы посредством совершенствования разума-сердца. Он также увидел, что его новая теория полностью объединяет действие и мысль. Согласно Вану, теория и практика должны всегда идти вместе; если человек утверждает, что принял принцип сыновней почтительности, то это правомерно лишь постольку, поскольку он претворяет этот принцип в жизнь и уважает собственных родителей. Ван Янмин объяснял своим ученикам, что знание — это отправная точка действия, а действие — завершённое знание. Из его учения о единстве теории и действия следовало известное требование распространения добродетелей на каждого человека.

Любопытно, что несмотря на все теоретические положения Ван Янмина, его можно назвать самым «активным» из всех неоконфуцианцев, ведь он прославился также как полководец и поэт. Кроме того, Ван утверждал, что прозрение о сути разума не привело его к удалению от мира, а наоборот, заставило полнее принимать участие во внешних делах. Ван Янмин боролся против предполагаемого функционального дуализма, который, по его мнению, был присущ системе Чжу Си. Для этого он часто облакал свои мысли в философские афоризмы, настораживавшие других конфуцианцев тем, что они слишком сильно напоминали изречения чань-буддистов. Но Ван не обращал

особого внимания на критику. Если он мог помочь своим ученикам достичь надлежащего настроения и воплотить в жизнь конфуцианские принципы, то этого для него было уже достаточно. К тому же Ван Янмин, как и Конфуций до него, принимал в ученики представителей всех сословий, а не только из круга образованных. Как говорили его ученики, Ван искал мудрецов на улице.

Последние ученики Ван Янмина приняли его учение близко к сердцу и стали его распространять как можно более широко. Некоторые из них, особенно принадлежащие к известной Тайчжоуской школе, и в самом деле попытались искать мудрецов на улицах, обращаясь к толпе. Поскольку Тайчжоуская школа уделяла большое внимание всему повседневному и обыденному, она прославилась тем, что более других конфуцианцев подчеркивала эмоциональную сферу человеческой природы. Вследствие этого ее приверженцами становились многочисленные женщины. Госпожа Ли как-то познакомила своего супруга с поэзией этой школы, и он с удовольствием прочитал ряд стихов образованных дам эпохи Мин.

Радикалы Тайчжоуской школы и близкие к ней женщины продемонстрировали одно важное обстоятельство. Ван Янмин доказал, что мы можем обнаружить принцип только внутри нашего разума-сердца. Кроме того, исследуя свой разум-сердце, мы находим там эмоции. Конфуцианцы, в отличие от даосов и буддистов, не отвергали эмоции. Они полагали, что один из надлежащих способов самосовершенствования — это умение контролировать свои эмоции по мере необходимости и давать им волю,

когда это действительно нужно. Использовать свои эмоции ради продвижения по Пути — это даже очень по-конфуциански. Следовательно, эмоции являются важным средством достижения мудрости, а поскольку эмоции сильнее развиты у женщин, то женщины могут воспользоваться ими в качестве своеобразного толчка к самосовершенствованию. Поэтессы обратили обвинение в излишней эмоциональности себе на пользу. Разве можно быть излишне эмоциональным, если ты следуешь конфуцианскому Пути? Здесь все дело не в эмоциях, а в том, как их правильно использовать и возвращать. В этом отношении «учителя внутренних покоев» могли поучить кое-чему полезному своих отцов, братьев, мужей и сыновей. Однако многие образованные женщины держались несколько в стороне от радикального учения Тайчжоуской школы; госпожа Ли и ее подруги все-таки предпочитали оставаться образцом конфуцианской воздержанности.

Но под конец весь этот эксперимент по расширению конфуцианской мысли, начатый Ван Янмином и продолженный радикальными представителями Тайчжоуской школы, заклеямили как ошибку даже те, кто следовал некоторым предписаниям самого Ван Янмина. Когда китайские ученые попытались выяснить, почему династия Мин погрязла в коррупции и пала, сменившись маньчжурской династией Цин, то семена недовольства нашли как раз в учении Вана и его наиболее радикальных последователей. Наиболее активные сторонники Вана зашли слишком далеко в признании первенства эмоций и опасно приблизились к чань-буддийскому мировоззрению. Если вне пото-

ка эмоций нет никаких норм, то на чем тогда основывать общество? Говоря попросту, эпохе Мин свойственно было пустое самовыражение, и она оказалась неподготовленной для защиты страны от напастей гражданской войны.

Однако некоторые конфуцианцы все-таки показали, что они способны связать воедино теорию и действие. Последний великий ученый эпохи Мин, прославленный Лю Цзунчжоу (1578–1645), показал это на примере своей жизни. Хотя ранее Лю критиковал недостатки династии Мин, когда в стране начались гражданские волнения и вторжение маньчжуров, он выступил сторонником правящей династии. Великий мыслитель, выступавший против учения как Чжу Си, так и Ван Янмина, он попытался поддержать правительство Мин. Но когда стало ясно, что поражение неизбежно, он отказался перейти на сторону маньчжурского императора. Своим ученикам Лю Цзунчжоу сказал, что в таком случае люди могли подумать, что он и раньше действовал из личной выгоды. Поэтому он вместе с учениками предпочел умереть от голода, оставшись в истории примером исключительной преданности государству даже тогда, когда правящий дом утратил покровительство Небес.

Известная талантливая куртизанка Лю Жуши (1618—1664) также попыталась пробудить в своих клиентах чувство патриотизма, хотя ее пример, конечно же, не нашел бы поддержки у Лю Цзунчжоу. Она не понимала, почему молодые мужчины не сохраняют верность династии, которая назначила их на государственные должности. Она даже находила удовольствие в том, что сохраняет ей верность, тогда как мно-

гие мужчины вокруг нее забыли о своих конфуцианских обязанностях. Конфуций, выходец из чжоуского воинского сословия, должно быть, порадовался бы тому, что истинные нравственные ценности могут найти отклик в сердце любого человека. Однако большинство представителей образованного класса все-таки не приветствовали такой излишний и даже дерзкий энтузиазм со стороны женщин. Многие образованные женщины Цинской эпохи продолжали писать стихи и обучать своих детей, но отрицательно относились к странной смене ролей в эпоху поздней Мин.

В эпоху Цин интеллектуальное развитие пошло в противоположном направлении. Во-первых, учение Чжу Си вновь обрело статус официального и общепризнанного. Во-вторых, появился новый подход к изучению конфуцианского Пути, который называли «простым учением», или «учением о естестве». Приверженцев этого направления поразило тот факт, что и Чжу Си и Ван Янмин ошибались как по поводу исторических и филологических фактов, так и по поводу извлекаемых из них нравственных уроков. Оба мыслителя слишком много внимания уделяли метафизическим проблемам. Хотя взгляды Чжу Си и Ван Янмина различались, оба они поддались чрезмерной философичности, не подобающей истинному конфуцианцу. Многие мыслители эпохи Цин даже сомневались в том, что великие ученые эпохи Сун и Мин вообще могут быть названы конфуцианцами. Если под конфуцианством понимать высказывания и поступки древних мудрецов, к чему призывала школа «простого учения», то заслуги «ли сюэ» («школы принципа») Чжу и «синь сюэ» («школы разума-сердца») Ван Янмина ставятся под сомнение.

Цинские мыслители вопрошали: «Зачем и что мы изучаем? Неужели мы учимся для того, чтобы создавать сложные философские системы, напоминающие буддийские и даосские рассуждения?» И, вполне естественно, отвечали, что нет. Настоящий приверженец конфуцианства — тот, кто изучает реальность, чтобы служить другим людям. Реальность можно изучать на фактах. Поэтому основным призывом конфуцианства эпохи Цин стал призыв изучать историю и древние классические сочинения. Изучать исторические факты можно было различными способами, но только не путем метафизического философствования. Конфуций никогда не одобрил бы подобные даосским или буддийским способы самосовершенствования. Ученым следовало вернуться к настоящим историческим, философским и научным исследованиям. Чем разглагольствовать о Великом пределе, лучше изучить экономику или гидравлику, необходимую для ирригации или строительства Великого канала. Вот к чему призывали сторонники «простого учения».

Первым делом мыслители школы «простого учения» попытались вернуться к истинным истокам конфуцианского учения, к классическим трудам. Этих ученых также называли школой «Ханьского учения». Это название подразумевало, что они хотят вернуться к истинному смыслу классических книг, который, по их мнению, был скрыт под слоями комментариев эпох Тан, Мин и Сун. Их вовсе не вдохновлял синтез конфуцианских теорий в духе Дун Чжуншу; напротив, они полагали, что можно вернуться к самому началу, к самым ранним этапам традиции. Призыв вернуться к классическим текстам на практике означал

возвращение к комментариям ханьской эпохи, хотя сами мыслители, конечно, понимали, что от настоящих текстов эпох Шан и Чжоу эти комментарии отделяют века. Только путем прочтения настоящих конфуцианских книг, без всякой примеси даосизма или буддизма, можно было, по их мнению, добиться реального прогресса в изучении конфуцианства. При этом в историческом и филологическом исследовании текстов они превзошли всех своих предшественников.

Затем мыслители эпохи Цин вернулись к изучению истории и других практических наук. Совместное изучение истории и филологии позволило им лучше понять смысл древних изречений. Такой вид учености как нельзя лучше подходил по духу Цинскому государству. Цинские ученые были обращены в прошлое и вместе с тем были готовы устремиться в будущее. Школа «простого учения» искала истину в фактах; только благодаря фактам должен был наступить очередной расцвет конфуцианства. Но в таком подходе имелись и свои опасности. Если, например, сомневаться в теориях философов эпох Сун и Мин, то где граница того, в чем можно не сомневаться? Любопытно, что некоторые приверженцы «простого учения» косвенным образом приходили к сомнению в истинности самих классических книг. Желая вернуться к древним текстам, они не могли пройти дальше правки ханьских редакторов и комментаторов. А вдруг ханьские редакторы исказили представление о конфуцианском Пути и неверно передали многие высказывания?

Эпоха Цин была также периодом расцвета местных и региональных государственных институтов.

В основе этого также лежало представление о том, что конфуцианство должно вернуться к своим истокам, пробившись через напластования ошибок мыслителей эпох Сун и Мин. Праздные метафизические рассуждения следует заменить вниманием к источникам местных и региональных институтов. Например, что важнее — реформировать налоговую систему или размышлять о нравственной основе государственной службы? Конфуцианцы всегда интересовались этикой, но приверженцы «простого учения» заявляли, что обеспечить хороший порядок в государственных делах можно только благодаря полному пониманию таких сложных государственных систем, как налоговое обложение. То же самое касалось ирригации, сельского хозяйства и даже судебной медицины.

Вот и наш судья Ли долго размышлял над извечным конфуцианским утверждением, что Путь долог, а бремя культуры тяжело. Каждое очередное поколение пересматривало свои взгляды на Путь. Поэтому изучение конфуцианской истории представляет не просто академический интерес. Оно и в самом деле необходимо для практического усвоения основ конфуцианства. Если смотреть через объектив истории, то конфуцианская традиция представляется пышным шествием мыслителей, которые стремились воплотить заветы Конфуция, посвятив свою жизнь служению другим людям. Способы и методы воплощения этих заветов отражают многообразный ландшафт богатой китайской культуры и влияние на нее других культур.

Глава 5

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗЛА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Поздним утром судье Ли пришлось приступить к самой неприятной части дня — исследованию мест двух возможных преступлений. После этого предстояло вернуться в управу и выполнить кое-какую рутинную работу. Главный судья и по совместительству правитель города должен был исследовать все случаи подозрительных смертей, наступивших либо в результате преступления, либо при невыясненных обстоятельствах. Именно в обязанности судьи входило установление причины смерти и, если смерть оказывалась насильственной, задержание виновных в ней преступников. Часто конфуцианского главного городского судью называли «отцом-матерью» народа; он совмещал функции правителя, судьи и полицейского. Доктору Ли никогда не нравилось осматривать места и жертвы преступлений; традиционное конфуцианское образование не предусматривало, что молодому ученому придется рассматривать трупы людей, умерших насильственной смертью. Тем не менее такова была официальная, при-

чем почетная, обязанность, и поэтому от любого судьи требовалось ее добросовестное исполнение.

Кроме того, административная система эпохи Цин была такова, что в случае тяжких преступлений дело автоматически доходило до самого императора и только он мог вынести приговор убийце. Поэтому любой градоправитель, обследуя место тяжкого преступления, должен был тщательно составлять протокол и не забывать мельчайших деталей, подготавливая отчет о результатах расследования. И когда дело доходило до самых высоких уровней, преступник часто получал помилование.

Чрезвычайно практичный тесть судьи Ли предоставил своему зятю труд по судебной медицине, а также другие учебники по местному управлению, которые оказались весьма ценными при расследовании возможных преступлений, совершенных без свидетелей. Причины, по которым местный чиновник должен был заниматься такими разнообразными делами, наряду с практическими были и педагогическими. Конфуцианские ученые и чиновники часто получали очень общее образование. Некоторые конфуцианцы считали это недостатком. Система предоставляла гражданские должности людям с общим образованием и стремлением как можно лучше служить своему государству и императору. Практические знания они получали уже на местах; часто случалось, что молодые чиновники вынуждены были полагаться на неофициальных помощников и младших служащих, которые, в отличие от них, не прошли экзамены, но обладали специальными знаниями, необходимыми для местного управления.

Назначая молодых ученых, успешно сдавших экзамены, на различные государственные должности и переводя их с места на место, государственные деятели предполагали, что те ознакомятся со всеми разнообразными премудростями государственной службы и позже смогут выполнить любую обязанность. Даже если впоследствии чиновник получит какое-то постоянное место, ему все равно по долгу службы придется сталкиваться с теми же бюрократическими вопросами, какие возникают на любой должности. В идеале это служило ему только на пользу, но только если система действительно работала. Подобно тому как экзамены служили средством отбора чиновников с высоким уровнем образования, переводы с одной провинциальной должности на другую служили средством получения необходимых практических знаний, которые могли пригодиться при назначении на более высокий пост. Служащий на собственном опыте узнавал, что происходит на том или ином уровне управления государством.

Для конфуцианского ученого считалось достоинством обладать определенными сведениями по медицине, в том числе разбираться в лекарственных растениях, а также традиционных методах диагностики и лечения. Большинство лучших врачей в Сучжоу были конфуцианцами. В конце концов, не так уж много профессий за пределами государственной службы были подходящими для человека, получившего конфуцианское образование. Как сказал еще Мэн-цзы, теми, кто работает руками, управляют те, кто работает умом. Как правило, конфуцианцы не занимались физическим трудом, хотя некоторые мыс-

Скульптуры животных в «Лесу Конфуция», которые, по всей видимости, отражают доконфуцианские представления о плодородии стад, связанном с благосостоянием людей и общества. Духи животных также сопровождают души мертвых в иной мир, подобно тому как сами животные сопровождали людей при жизни

лителю полагали, что недостаток физических упражнений может плохо сказаться на здоровье ученого.

Считается, что первый трактат по медицине написал Желтый Император (Хуан-ди), хотя этот труд и не вошел в число классических книг. Отсюда следовало, что медицина — это не просто врачебное искусство, а занятие, достойное благородного человека. Ученые, которые говорили о необходимости физических занятий, напоминали, что Конфуций занимался стрельбой из лука и управлял колесницей. Вообще управление огромной империей требовало разнообразных умений, не упоминавшихся в классических текстах, по которым сдавали экзамены.

Любой здравомыслящий чиновник вскоре после назначения на службу понимал, что одного литературного образования явно недостаточно для управления, скажем, городом с населением 250 тысяч человек. Он нес ответственность за отдельную бюрократическую единицу империи и находился, образно говоря, буквально на передовой линии битвы между правительством и народом. Он должен был подавать пример младшим служащим и представителям местной образованной прослойки. Причем мнение представителей местного образованного класса порой оказывалось самым важным. Ко времени династии Цин они выполняли многие второстепенные функции городского начальства. Если городской глава им нравился и они уважали его, то он мог всегда надеяться на столь необходимую помощь с их стороны. Ко времени династии Цин также наблюдался избыток ученых, сдавших экзамены, но не занявших должности. Кандидатам часто приходилось годами ждать назначения. Порой талантли-

вые и блестяще образованные люди так и не находили себе применения на государственной службе. Тем не менее они продолжали оставаться представителями образованного класса, примерно равными по своему социальному положению городскому главе.

ЗЛО

Судья Ли иногда раздумывал над тем, какого рода ученые сочиняют трактаты наподобие книги Сун Цзу «Смывание заблуждений». Она представляла собой весьма полезное повествование о том, как исследовать трупы и раскрывать причины смерти. Хотя у городского главы имелись помощники, опытные по части досмотра и обнаружения улики, окончательный приговор оставался на усмотрение главного городского чиновника. А поскольку дела такого рода касались вопросов жизни и смерти, то все доклады городского главы тщательно проверялись на высших уровнях системы правосудия.

Небольшая книга «Смывание заблуждений» была написана в эпоху династии Сун (960–1279). Автор предполагал, что его читатель — человек образованный и имеет некоторое представление о врачебном искусстве, то есть о китайской традиционной медицине. В книге описывалось, как эти знания применять при судебной экспертизе. При этом она не ставила целью сделать из городского чиновника медицинско-го эксперта; просто она помогала выносить определенное суждение о причине смерти и о том, не было ли в данном конкретном случае какого-либо обмана.

Хотя оба происшествия, с которыми сегодня пришлось столкнуться судье Ли, были далеко не рядовыми, первое казалось обычным несчастным случаем. Второе же выглядело более подозрительно. Как и полагалось, о первой смерти оповестил староста, он же и выдвинул версию о несчастном случае. При этом чиновники также прислушивались к мнению более опытных местных служащих и считали его важным. Во-первых, судья Ли должен был знать мнение местного населения, в том числе старост, а также поддерживать некоторое доверие между правителем и народом. Во-вторых, на основании показаний судья Ли мог прийти к какому-то предварительному выводу, ведь именно местные жители первыми обнаружили труп и осмотрели место происшествия; кроме того, они хорошо знали скончавшегося.

Осматривая место происшествия, судья Ли вспомнил о других учебниках, небольшую коллекцию которых начал недавно собирать. Хотя их нельзя было причислить к образцам классической конфуцианской литературы, с годами судья интересовался ими все больше и больше. Иногда его интерес был чисто прагматическим, например, к книгам по судебной медицине, но иногда им двигало любопытство иного рода. Разве Учитель Чжу Си не сказал, что исследование вещей — начало самосовершенствования? В Сучжоу XVII столетия было так много занимательного, хотя убийства, конечно, отнюдь не назовешь занимательными, особенно если приходится исследовать место преступления и искать улики. А окажись это и вправду убийством, придется писать доклад высшему начальству; в случае ошибки можно будет поставить

крест на карьере. Выносить приговор местным преступникам имел право только высший суд, и судья Ли всегда об этом помнил.

Ученые-чиновники вроде судьи Ли имели общее гуманитарное образование. Предполагалось, что человек широкой культуры должен быть помощником и даже наставником достойного правителя, а вовсе не инструментом для достижения технических целей. Он обучался на классических текстах, на комментариях к ним и на других трактатах, читал исторические труды и сочинял стихи. В его образовательную программу не входило умение расследовать убийства и определять, была ли смерть насильственной, как не входило и умение отличать сунские бронзовые сосуды от сосудов для вина эпохи Чжоу. Однако каждому чиновнику приходилось по долгу службы сталкиваться с разнообразными проявлениями обыденного мира и постигать многое на практике.

Потребность в овладении практическими навыками типична для большинства ученых-чиновников того времени. Согласно общепринятой норме молодые чиновники меняли ряд служб. Однако впоследствии многие из них останавливались на той или иной области. Некоторые становились экспертами по финансам, другие — по военному делу, третьи — по сельскому хозяйству и снабжению провиантом. Иные занимались судебными вопросами.

Конфуцианское образование отличал именно общий подход. Обычно будущих гражданских служащих не обучали ничему практическому. Однако рано или поздно любой из них сталкивался с необходимостью овладеть основами самых разнообразных видов прак-

тической деятельности, благодаря чему и поддерживалось существование огромной империи. Например, для чеканки монет и изготовления оружия необходимо было знание горного дела; и потому чиновник, которого назначили в район горных разработок, должен был иметь некоторое представление о горном деле. В данном случае полезным, например, могло оказаться знание того, как работает насос, выкачивающий грунтовые воды из шахт. Конфуцианская традиция всегда предполагала любознательность и стремление обучиться чему-то новому. Время от времени даже почтенные мастера увлекались практическими ремеслами и создавали иногда настоящие шедевры прикладного искусства.

Но вернемся к нашему судье, который уже прибыл на место несчастного случая. Один из рабочих упал с городской дозорной башни. Эта башня использовалась для наблюдения за городом и для подачи сигнала тревоги в случае пожара. Рабочий чинил крышу и, по всей видимости, поскользнулся. Первым делом нужно было осмотреть крышу, чтобы удостовериться в том, что это действительно несчастный случай. Выяснилось, что рабочий вроде бы находился на крыше один. В сопровождении мастера городской глава поднялся на крышу. Мастер обратил его внимание на то, что некоторые черепицы не настолько крепкие, как кажется на первый взгляд. С течением лет вода источила скреплявший их цемент, и теперь они едва держатся на своем месте. Скорее всего, рабочий поторопился и не осмотрел их; наступив на одну из плохо закрепленных черепиц, он не удержался и упал. Единственное упущение — это то, что с ним рядом никого

не было и что он не привязал себя к какой-то крепкой опоре, как это обычно делается.

Городской глава продолжал задавать вопросы. Разве никто не должен предупреждать рабочих о том, что предстоящая работа опасна? Все знакомые покойного в один голос твердили, что он был честный и приятный человек. Никто даже и представить не мог, что его не предупредили умышленно. Да и о том, что некоторые черепицы расшатаны, узнали лишь из-за этого печального события. Ведь до того, как бедняга поднялся на крышу, туда не ступал никто на протяжении многих лет. Таким образом судья убедился в том, что это был действительно несчастный случай.

О втором случае сначала доложили, что это самоубийство путем повешения. Тело сняли, и теперь оно лежало на полу небольшого сарая, в котором предыдущей ночью и имел место этот прискорбный факт. Однако когда судья обследовал тело, он подумал, что это скорее умышленное убийство. То же предположение в устной форме сделал и младший помощник судьи, осмотревший тело и место происшествия ранее. Поскольку судье Ли уже приходилось работать с этим помощником, он мог доверять его мнению и заранее подготовился к детальному осмотру тела.

Поняв, что ему предстоит осмотреть труп повешенного, городской глава перечел второй раздел «Смывания заблуждений», в котором речь шла о шее жертвы. В тексте содержались очень ясные указания насчет того, как отличить самоубийство от предумышленного убийства. Поэтому судья и решил заранее подготовиться к осмотру шеи трупа, так как это дало бы ему необходимые улики.

Внимательно осмотрев синеватые пятна на шее жертвы, он пришел к выводу, что этот человек не повесился; скорее всего, его задушили. Отметины на шее располагались слишком низко и были слишком равномерными. Скорее всего, жертву душили сзади. Задушив жертву, преступник перенес тело и повесил его на балке сарая. Судье даже не понадобилось осматривать веревку и другие вещи. И так было ясно, что это не самоубийство.

Теперь дело приняло иной оборот. Предстояло опросить семью и знакомых убитого, чтобы узнать о предполагаемых причинах убийства. Это довольно кропотливая работа, требующая гораздо больше времени, чем было у судьи. Поэтому он предпочел переложить эту рутинную процедуру на помощника. Но поскольку преступление было серьезное, то судье следовало постоянно быть в курсе расследования.

После этого судья Ли принялся за составление длинного отчета, который предстояло послать в ведомство правосудия по поводу третьего случая. При чем тщательно составить отчет было важно не только потому, что дело также касалось убийства. В данном случае судья Ли писал о том, что нельзя назвать это преступление умышленным убийством, поскольку умышленное убийство — это поступок, совершенный по злему умыслу. Пьяная ссора в местном кабаке, закончившаяся дракой и поножовщиной, — это совсем другой случай, который довольно трудно определить. С формальной точки зрения, это, несомненно, убийство, но о нем следует доложить со всей возможной тщательностью.

Кроме того, обстоятельный доклад был необходим потому, что каждое судебное дело, которое могло завершиться смертным приговором, рассматривалось на общегосударственном уровне, и сам император утверждал приказ о казни. И так как отчет предстояло просмотреть многочисленным чиновникам, в том числе и тем, что имели богатый опыт в подобных делах, судье Ли пришлось приложить немало сил, чтобы сочинить приемлемый текст. Несмотря на то что в эпоху Цин чиновники могли часто менять должности и заниматься самыми разными делами, многие из них под конец своей карьеры предпочитали заниматься чем-то определенным. В цинском Китае не было юристов и правоведов в западном смысле этого слова; тем не менее некоторых чиновников из ведомства правосудия вполне можно было назвать специалистами своего дела. Они всегда досконально изучали все доклады, касающиеся тяжких преступлений.

Сами императоры, конечно же, просто физически не могли рассматривать все эти дела лично. Однако некоторые из них, например знаменитый Канси (правил 1662–1722), придерживались этого принципа. Канси очень серьезно относился к своим обязанностям. Несмотря на свое маньчжурское происхождение, он был воспитан в классической конфуцианской традиции и прославился умом и человеколюбием. Если дело требовало сурового наказания, он, естественно, поступал строго, но был способен и на снисходительность. И если он полагал, что преступник действительно заслужил прощение, то такое решение принималось немедленно. В годы своего правления

он в буквальном смысле решал вопросы жизни и смерти подданных.

Многих конфуцианских чиновников озадачивало то, что большинство преступлений совершали молодые люди. При тщательном изучении дел оказывалось, что самыми активными преступниками оказывались люди в возрасте от восемнадцати до двадцати шести лет. Китайская судебная система попыталась учесть этот факт и особыми постановлениями ограничить склонность молодых людей к преступлениям. Истинно преданные своему делу судьи всегда надеялись на возможность раскаяния преступника. За каждое преступление человек должен был понести наказание, но лучше будет, если молодой человек осознает ошибочность своего поведения.

Китайское уголовное право основывалось на том положении, что обвиняемый, как только его вина доказана, должен полностью признать себя виновным и искренне раскаяться в совершенном проступке. Теоретически ни одно дело не считалось законченным, пока обвиняемый сам не признался в преступлении. После признания оставалась надежда на моральное перевоспитание преступника, и это вытекало из двух главных конфуцианских принципов. Первый принцип гласил, что по природе своей все люди добрые. Правда, на практике не все поступают так, как того требуют нравственные нормы. Конфуций говорил, что все мы начинаем с одного, но расходимся на практике. Это довольно загадочное изречение толковали в том смысле, что, хотя наша основная природа добра, в силу самых разнообразных причин мы легко сходим с пути справедливости. Человеческую

природу следует возделывать и воспитывать; если же человек совершил зло, то наказание является частью воспитания. Однако наказанный человек всегда сможет исправиться.

Второй принцип гласил, что ни один человек не может стать полностью добродетельным без надлежащего самовоспитания. Лучше всего, когда самовоспитание начинается дома или в школе; в иных случаях о воспитании человека должно заботиться государство. Преступникам необходимо внушать мысли о добрых делах и о хороших привычках; а это, по мнению судьи Ли, возможно, если уголовное право и тюрьма будут соответствовать конфуцианским принципам и заветам. Конфуцианское образование во многом основывалось на осознании роли ритуала и повседневных привычных действий. Предполагалось, что учитель должен требовать от ученика надлежащего выполнения той или иной задачи, даже если ученик не желает действовать по правилам. Жить в согласии с этическими требованиями — это физическая потребность, равно как и духовное достижение, по крайней мере так полагали конфуцианские ученые. Так что действия по перевоспитанию преступника по важности сравнивались с воспитанием ученика.

Как известно, многим молодым преступникам не хватает самодисциплины. Одна из целей тюрьмы — привить им новые привычки и отношение к жизни. Один из способов воспитания — тяжелый труд. Кроме того, предполагалось, что преступники обязательно должны заниматься какой-либо конструктивной деятельностью. Тем самым они приобретают хорошие

привычки и заодно искупают вину перед обществом. Китайской пенитенциарной системе вообще присуща традиция обязательного труда. Перевоспитание и экономическая самодостаточность — вот два ее основных столпа.

После того как виновный понес определенную часть наказания, если он показал готовность раскаяться, ему предлагали на выбор несколько возможных способов дальнейшего наказания. Например, ему могли предложить пойти на военную службу. В таком случае он продолжал жить под постоянным строгим надзором, но с большей степенью свободы. Он мог заодно научиться жить и трудиться вместе с другими людьми. После некоторого срока службы его отпускали, и он мог вернуться в гражданское общество.

Когда человек наконец получал долгожданную свободу, он был уже достаточно взрослым и морально ответственным для того, чтобы не вернуться на путь зла. Конечно, последователи Конфуция понимали, что перевоспитаться могут далеко не все преступники. Для закоренелых и жестоких преступников существовали тюрьмы с усиленным режимом. В китайской традиции правосудия жестокие преступления считались гнусными и позорными. Человек, совершивший ряд серьезных ограблений, мог провести много лет в местах лишения свободы. Существовало также представление о духовной неполноценности закоренелых преступников. Некоторых людей лучше было вообще не возвращать в общество, поскольку они утратили право на доверие. И наконец, были люди, которые совершали особо тяжкие преступления, например умыш-

ленное убийство. В таких случаях назначали высшую меру наказания и после утверждения приказа императором приводили приговор в исполнение.

Другой характерной чертой китайского правосудия было применение пыток. Если судья был полностью уверен в том, что обвиняемый виновен, то для получения признания он мог назначить пытки, поскольку, как мы знаем, дело считалось законченным только после признания обвиняемым своей вины. Однако многие чиновники, естественно, понимали, что показания, данные под пытками, не всегда правдивы. Они признавали, что любой человек, если пытать его достаточно тяжело и долго, в конечном счете может признаться в чем угодно, даже если он совершенно не виновен. Поэтому в случае обнаружения судебных ошибок судей ждало суровое наказание.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Судья Ли решил заняться для начала более обыденными делами. Сучжоу был таким большим городом, что ежедневно через его ворота доставляли множество самых разнообразных товаров — зерно и чай, шелк и хлопок, специи и травы, железо и серебро, золото и нефрит, лекарства и чернила, бумагу и коноплю. Все товары со стороны правительства облагались пошлиной. Судья Ли должен был время от времени инспектировать лавки и собирать налоги. До 1674 года налог обычно составлял пять таэлей в год, однако из-за больших трат на подавление Восстания трех вассалов налоги подняли до десяти таэлей в год. Налого-

плательщики, и в обычное время не испытывавшие особой радости по поводу уплаты налогов, были этим весьма рассержены.

Однако для лавок уплата налогов была в какой-то степени выгодна. Уплатив налоги в надлежащий срок, хозяева лавок выставляли у своих дверей особый знак. Конечно, узнать, кто заплатил налоги, а кто нет, было достаточно трудно. Некоторые владельцы лавок предпочитали платить непосредственно в казну провинции. В таком случае они получали удостоверяющую расписку. При этом многие мелкие служащие частенько брали взятки за то, чтобы отметить имена владельцев лавок в списках исправных налогоплательщиков.

Здесь следует вспомнить, что глава местной администрации всегда сталкивался с необходимостью каким-то образом упорядочить работу местных мелких чиновников. В течение столетий было предложено бесчисленное множество различных проектов реформ, но проблема борьбы городского начальства с местными служащими оставалась актуальной всегда. Источник же проблемы заключался в том, что каждая очередная династия не желала включать мелких служащих в формальную структуру власти. Эти мелкие служащие были образованными людьми, но при этом не имели официальных гражданских чинов. А управлять большим городом или провинцией без помощи мелких служащих невозможно.

Этот просчет усугублялся и другими недостатками системы государственного управления. Одним из самых характерных было правило, согласно которому государственные чиновники не могли назначаться на должность в своей родной провинции. В основе

такого правила лежало довольно простое соображение, а именно то, что чиновник может пойти на поводу у своих родственников и знакомых, склоняющих его к нарушению закона. В массе своей большинство чиновников признавало это довольно хорошим правилом. Но нередко случалось так, что чиновника переводили на службу в далекую провинцию, диалект населения которой он понимал плохо или не понимал совсем. Городской глава, конечно, мог говорить с местными людьми на официальном языке, то есть на общепринятом языке большей части населения Северного Китая. Однако такое общение вряд ли можно было назвать эффективным. Кроме того, чиновников переводили достаточно часто, и к тому времени, как городской глава овладевал местным диалектом, ему предстояло уже готовиться к следующему переезду.

Для заполнения разрыва между представителем верховной власти, каковым являлся главный чиновник провинции или города, и народом требовались как раз те самые мелкие служащие. Чиновники приезжали и уезжали, а служащие оставались в ямыне (здании городского управления) на протяжении многих лет и даже десятилетий. Время от времени некоторые радикально настроенные реформаторы предлагали включить мелких служащих в общую систему государственного управления и даже повысить их мизерную зарплату. Ведь без достойных доходов и без перспективы продвижения по службе эти люди просто вынуждены были брать взятки и идти на мелкие нарушения закона.

Другой недостаток заключался в том, что жалованье государственных чиновников также было доволь-

но низким по сравнению со всеми необходимыми затратами. Такая несоразмерность социального положения и реальных доходов могла подтолкнуть к нарушению законов и крупных чиновников. Трудно было провести грань между коррупцией и честным отношением к службе. Как, например, назвать дорогой подарок от богатого горожанина — данью уважения или попыткой подкупа? Самостоятельно решить все эти проблемы чиновники были не в состоянии.

Самые лучшие и добросовестные официальные чиновники не спускали глаз со своих младших помощников. Трудность заключалась в том, что все эти мелкие служащие, как уже было сказано, прекрасно разбирались в многомерном и сумбурном реальном мире, разительно отличавшемся от идеального мира конфуцианских представлений. Зачастую только они знали местные обычаи и местные правила поведения. Если городской глава хотел навести в городе порядок, то он не мог обойтись без младших служащих. И хотя центральное правительство стремилось всячески искоренить коррупцию, оно также было заинтересовано в своевременном сборе налогов, а это не всегда совместимые вещи.

Относительно небольшое жалованье было источником беспокойства и для самого государственного чиновника. Если он происходил из богатой семьи, то его не очень заботили вопросы денежного характера. Но если он был первым представителем небогатого рода, добившимся столь высокого положения, то у него почти неизбежно возникало желание как-то улучшить жизнь своего семейства за счет своей службы. И здесь чиновников подстерегали многочисленные ло-

вушки, о чем им было прекрасно известно. В любой момент они могли допустить промах, который означал конец их карьеры. Но даже благополучно пройдя через бюрократические соблазны, они вполне могли оказаться не в том политическом лагере и также впасть в немилость. Так что, нравилось им это или нет, они вынуждены были искать помощи со стороны местных мелких служащих.

ТЕХНОЛОГИЯ И ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПОДДЕЛОК

Предметом особого интереса образованных людей эпохи Цин было коллекционирование различного рода древностей. Редкие произведения каллиграфического или изобразительного искусства украшали кабинеты тех, кто мог позволить себе такую роскошь. Богатые просвещенные семьи также хвастались своими библиотеками.

Среди произведений искусства наиболее высоко ценились бронзовые сосуды. Во-первых, они представляли собой наглядную связь между ранними династиями и современной империей. Некоторые из них действительно были созданы в эпоху Шан или Чжоу. Во-вторых, они были просто красивы. Современная керамика, рисунок, фарфор — все это достигло новых высот в эпоху Цин, но многие истинные ценители полагали, что наивысший расцвет искусства изготовления бронзовых сосудов длился от эпохи Шан до эпохи Хань (XVIII—II вв. до н. э.) и что самые ранние бронзовые ритуальные сосуды прекраснее всех остальных.

ных. Они ценились настолько высоко, что возник целый процветающий рынок их подделок.

У судьи Ли имелось несколько поддельных сосудов эпохи Шан, сделанных в эпоху Сун, и он признавал, что не способен отличить оригинал от подделки. Конечно, как и в случаях с любыми произведениями искусства, для этого требовались не только знание и острый глаз, но и некое шестое чувство. Однако с течением времени превосходные подделки эпохи Сун сами по себе стали представлять ценность. По поводу бронзовых сосудов издавались целые пособия, которые помогали новичкам разобраться в сути дела и отличить подлинные экземпляры от не менее прекрасных подделок. Некоторые из этих советов очевидны. Если на бронзовом сосуде имеется надпись в стиле эпохи Сун, не известном в эпоху Чжоу, то это явная подделка.

Специальные трактаты излагали технические подробности изготовления таких сосудов. При некотором прилежании можно было научиться отличать древние и более сложные технологии бронзового литья от классических технологий и более простых современных методов. То же касалось и других произведений искусства. Но судью Ли особенно интересовала техническая литература как самостоятельное явление.

Со временем под крышей дома судьи Ли оказалось немало ценных произведений искусства, а также технических и судебных трактатов. Местный поставщик бронзовых сосудов недавно получил новую партию особо ценных экземпляров. Один из главных вопросов, который волновал образованных коллекционеров, заключался в том, за что и почему ценят-

ся эти вещи. Местный поставщик происходил из образованного семейства и специально искал повод для знакомства и даже дружбы с судьей Ли, чтобы на досуге обсуждать различные интересующие их вопросы. Он старался произвести впечатление честного торговца и дорожил своей репутацией. Происходя из образованной семьи, он был вхож в дома городской элиты. Некоторые представители высшего класса осуждали его за занятие торговлей, но, по крайней мере, все они утверждали, что торговец он добропорядочный.

Один из друзей Ли некогда занимался наукой и заметно выделялся на местном и провинциальном уровне, хотя не ездил сдавать государственные экзамены. Такое тоже часто бывало: многие известные ученые никогда не сдавали третьи экзамены, однако считались наиболее образованными людьми своего времени. Поскольку семья его была богата, он решил посвятить себя коллекционированию. Со временем он также прославился как затворник. Судье Ли казалось, что в характере этого его друга изначально была заложена некоторая робость и что он не стремился соперничать с более напористыми коллегами.

Кроме коллекции сосудов коллекционер собрал замечательную библиотеку по истории бронзы. По большей части то были работы для знатоков, а не технические описания процессов. Однако, как объяснял сам коллекционер, каждый, кто серьезно интересовался бронзовыми сосудами, рано или поздно приходил к мысли о том, что неплохо было бы изучить и технологию их производства. Для этого

коллекционер специально посещал литейные производства и расспрашивал ремесленников о различных приемах. Оказалось, что ремесленники поражались доверчивости большинства клиентов — ценителей искусства. Хотя многие ремесленники были неграмотными, они могли рассказать о бронзе многое, выходящее за пределы круга интересов обычных коллекционеров.

На этот раз поставщик доставил много интересных экземпляров, и коллекционер с судьей Ли по очереди долго рассматривали каждый из них. Коллекционер тщательно осмотрел один из самых прекрасных сосудов и спросил судью, что тот думает по поводу даты его создания. Судья Ли прочитал надпись на дне и узнал цитату из «Книги истории». Кроме того, знаки были выполнены в очень древнем стиле. Наконец судья Ли высказал предположение, что этот сосуд относится к эпохе Хань, но никак не к более ранней. То же самое говорили и продавцы.

Однако коллекционер с поставщиком усмехнулись и в один голос заявили, что этот предмет никак нельзя отнести к эпохе Хань. Они показали судье другой сосуд и посоветовали ему посмотреть на крохотные отметины у ножек сосуда. Они сказали, что это очень ранний экземпляр, по всей видимости, эпохи ранней Чжоу или даже Шан. Судья Ли спросил, что такого в этих крохотных отметинах. Они посоветовали ему посмотреть на них еще и подумать. Видел ли он когда-либо такие отметины? Очевидно, нет.

Затем поставщик и коллекционер решили, что довольно разыгрывать своего молодого друга. Коллекционер объяснил, что существует очень много спосо-

бов литья. Отливать можно либо непосредственно в глиняную форму, либо так называемым методом литья по моделям, выплавляемым из воска. Тут коллекционер с поставщиком пустились в долгое обсуждение преимуществ каждого метода. Но оба они заметили, что в древности отливали в глиняные формы. Древние ремесленники, несомненно, знали о восковых моделях, но не использовали их для своих работ. Они предпочитали иной, более сложный метод отливки ритуальных сосудов.

Вернувшись к первому сосуду, коллекционер и поставщик объяснили, почему любой, кто разбирается в методах литья, сразу же понял бы, что этот сосуд был отлит по восковой модели. А это значит, что его нельзя отнести даже к эпохе Хань, потому что такой метод распространился гораздо позже. Судью Ли смущала надпись в древнем стиле с цитатой из классического текста.

Как поставщик, так и коллекционер были уверены, что этот экземпляр относится к эпохе Сун. Во время династии Сун как раз распространилось увлечение древностями. А где есть повод нажиться, всегда появляются люди, стремящиеся воспользоваться невежеством других. Но хотя это подделка, она сама по себе довольно искусная и потому обладает определенной ценностью. Конечно же, подделка эпохи Сун — это не оригинал эпохи Хань, тем не менее она стоит того, чтобы ее приобрести. Цена была относительно невысокой, так что судья Ли решил купить этот красивый сосуд.

МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР

Во многих отношениях судьбе Ли, его родным и близким повезло, что они жили в такую эпоху. На протяжении своей долгой истории Китай знал многочисленные взлеты и падения, эпохи разрушения и возрождения. Последнюю половину XVII столетия можно назвать очередным золотым веком в истории Китая. То было время мира и культурного расцвета. Насколько мы можем судить, стандарты тогдашней жизни были наивысшими по сравнению со стандартами остальных стран и эпох. Конфуцианцы той поры могли по праву гордиться своими достижениями. Процветала торговля; печатались книги; блестящие ученые предлагали новые методы оценки истории и окружающего мира. В Китае XVII века было гораздо лучшее медицинское обслуживание, чем в Европе того же времени.

Те проблемы, которые в XIX веке возникнут в отношениях с ведущими европейскими колониальными державами, казались еще небольшими тучами на горизонте. Вскоре после ухода из жизни судьи Ли Цинская империя вступит в период величайшей культурной и политической экспансии за всю историю Китая. Именно в цинский период в состав империи окончательно вошли Средняя Азия и Тибет. Теперь династия Цин контролировала больше территории, чем любая из прежних династий, за исключением монгольской империи в период ее наивысшего расцвета; правда, монголы никогда и не считали себя настоящими китайскими правителями. Конечно, маньчжурских правителей также нельзя было назвать коренными китайцами, но в конце XVII века это было не так уж и важно. Их этни-

ческое происхождение не играло особой роли, хотя, естественно, большинство китайцев предпочло бы правителей-китайцев. Уже в середине XIX века, когда Центральный и Южный Китай сотрясали восстания, конфуцианская элита выступила в защиту маньчжурского правящего дома. Основным мотивом здесь можно назвать стремление защитить «нашу культуру».

Обязанности судьи Ли как городского главы были весьма разнообразны. Например, для китайского государства всегда были важны вопросы налогообложения. Предмет извечных споров — сколько государство должно требовать с торговли и с подданных, не мешая экономическому процветанию. Как только устанавливалась определенная норма, начиналась такая же извечная борьба по взиманию налогов.

Однако смотреть на мир эпохи Цин глазами только образованной элиты значило бы существенно ограничивать свой обзор. Скажем, бедная семья с северо-запада Китая, едва сводившая концы с концами, смотрела на окружающее совсем по-другому. Но в уровне жизни крестьян также наблюдались значительные различия. В процветающих районах вдоль реки Янцзы и на юго-востоке зажиточные крестьяне могли увеличивать свои наделы и даже становиться богатыми землевладельцами. После этого отцы семейств получали возможность вкладывать деньги в обучение сыновей и готовить их к прохождению экзаменов. Ведь ни для кого не было секретом, что наивысшей славы и наибольшего процветания в цинском Китае можно было добиться только благодаря успешной сдаче экзаменов.

На мир можно смотреть и глазами богатого торговца. На примере Японии известно, что богатые торгов-

цы могли основывать свои собственные школы. В Китае отдельные торговцы достигали просто-таки сказочных высот благоденствия. Прославленные торговцы солью и банкиры буквально наступали на пятки образованной элите, они тоже стремились дать своим сыновьям образование, чтобы те прошли экзамены и приобрели земельный надел. Торговцы солью имели особые привилегии и легко могли приумножать свое богатство. Однако даже захватив обширные рынки сбыта, они по-прежнему искали покровительства со стороны образованного класса и при любом удобном случае посылали сыновей на обучение: надежно обеспечить благосостояние семьи могли только земельные наделы и образованные родственники. При этом торговцы и ремесленники обладали такими знаниями основ китайской культуры, которыми не обладали представители просвещенной элиты. Например, представители элиты восхищались фарфоровыми сосудами, производимыми для внутреннего потребления и на экспорт, но немногие мандарины имели представление о том, как изготавливаются такие полупрозрачные и хрупкие сосуды. Мандарины-чиновники знали только, как облагать налогами производство фарфора. Как видим, конфуцианский мир поздней эпохи с социальной точки зрения был достаточно сложным.

С точки зрения большинства просвещенные люди, интересовавшиеся такими специальными предметами, как литье бронзовых сосудов, выглядели достаточно странно. Более достойными занятиями считались, скажем, астрономия или разработка календарной реформы. Для Китайской империи как астрономия, так и календарь были вопросами далеко не второстепенными.

Астрономия была связана с астрологией, и традиционная конфуцианская ученость не отрицала того, что космос полон взаимосвязей и смысла, доступного посвященным в эту сложную науку. Даже император часто сверялся с астрологическими предсказаниями. Благоприятные сочетания звезд и хорошие приметы говорили о том, что император и его чиновники правильно управляют государством; неблагоприятные же знамения предупреждали императора о том, что в его государстве не все в порядке. Не менее важную роль в аграрном обществе играл и точный календарь. Время посадки главных сельскохозяйственных культур зачастую сверяли по официальному календарю и альманахам.

Конфуцианский Путь охватывал самые различные сферы жизни. Он включал в себя и коллекционирование бронзовых сосудов, и осуществление правосудия, и наблюдение за звездами. Конфуцианцев также заботил вопрос благоденствия населения. Образование они считали главным средством совершенствования человеческого общества и даже самой важной целью. Каким бы сложным и разнообразным ни представлял перед нами конфуцианский мир, прежде всего это был мир учености и образования.

Конфуцианцы часто говорили, что их обязанность — поддерживать «нашу культуру», то есть следовать конфуцианскому Пути. Когда христианские миссионеры впервые повстречались с конфуцианцами, они принялись выведывать у своих восточных коллег, на каких принципах основана их «религия». Для западных миссионеров буддизм и даосизм явно были ложными религиями, с которыми нужно бороться, тогда как по поводу конфуцианства единого мне-

ния не существовало. Всякий раз как миссионер думал, что постиг принципы «религиозного» мировоззрения конфуцианца, тот вдруг менял тему и начинал рассуждать о гидравлике или о чем-то подобном. Конфуцианцы вполне серьезно утверждали, что забота об ирригации является такой же важной частью их мировоззрения, как и многое другое, например почитание его императорского величества в главных храмах Пекина. Как прекрасно выразил суть конфуцианского учения Герберт Фингаретт, все мирское — священо.

С точки зрения нынешнего общества, вступившего в новое тысячелетие, конфуцианское мировоззрение выглядит удивительно современно, скажем, по сравнению со взглядами упомянутых первых христианских миссионеров. В определенном смысле конфуцианство можно сравнить с современными представлениями о глобальном обществе. До какой-то степени это оправданное сравнение. К примеру, современная экономика и интеллектуальная сфера зависят от информации. В современном мире осуществляется постоянный обмен информацией благодаря печати и электронным средствам связи. Конфуцианцы тоже любили и уважали информацию; они размышляли над тем, что может дать им информация. Более того, конфуцианцы понимали, что для более полного усвоения информации, такой, как тексты древних книг (а ныне для понимания фракталов* или принципов Интерне-

* Фрактал — «структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» (определение Б. Мандельброта). Слово образовано от лат. *fractus* и в переводе означает «состоящий из фрагментов». — *Прим. ред.*

та), необходимо образование. Свое представление об информации и об образовании они применяли ко всем сферам жизни, от повседневных до священных, и потому классическое конфуцианство и неоконфуцианство кажутся такими современными.

Тем не менее никакая компьютерная программа не сравнится с рассуждениями о движениях разума-сердца. Как любили повторять неоконфуцианцы, принцип может быть один, а проявления — различными. Чтобы обнаружить истинные принципы под многоцветными слоями современного мира, конфуцианцы использовали два основных постулата. Первый касается необходимости обучения и размышления. Второй, этический и почти мистический по своей сути, гласит, что нужно почитать добродетель. Большинство конфуцианцев согласны с тем, что только сочетание размышления с уважением к добродетелям делает человека по-настоящему образованным. Только такой развитый человек достоин сохранять и приумножать «нашу культуру».

Среди постоянного потока информации конфуцианцы задали бы вопросы: «Насколько эта информация способствует распространению гуманности? Помогает ли она в обучении? Помогает ли она вести нравственный образ жизни?» Человек всегда должен обращать внимание на мир вокруг себя и не позволять огромному потоку информации разрушить представление о добродетелях и нравственных ценностях. Эти заветы конфуцианства поистине стали достойным вкладом древней цивилизации в развитие современной глобальной культуры.

Глава 6

ВСТРЕЧА С ЗАПАДНЫМ УЧЕНЫМ

Этим вечером, выйдя из городской управы, наш судья Ли направился в один из самых лучших трактиров на встречу со своим хорошим другом Яо. На этот раз это будет не просто обычный ужин с другом. Яо пригласил на него одного странного ученого из дальних западных стран, который пожелал встретиться с китайским ученым-чиновником. Об этих ученых из варварских земель говорили, что они не только знают классические книги, но и проповедуют какую-то особенную религию. Они называют ее «учением Небесного Владыки». Помимо всего прочего от них можно многое узнать о географии мира, о классических текстах и о календарной реформе. Кроме того, они еще и искусные математики.

Судью Ли весьма заинтересовала предстоящая встреча с человеком Запада. Вообще-то о христианстве китайцы узнали еще во времена династии Тан. Эта династия настолько уважала представителей новой религии, что позволила им беспрепятственно

проповедовать свое учение. Такие же возможности для проповедей, распространения учения и отправления ритуалов предоставляла и династия Цин. Тем не менее образованные люди в Китае задавались вопросом: «Почему эти варвары готовы претерпеть опасности долгого пути, чтобы так далеко уйти от своего дома и родных?» Однако разве Срединное Царство испокон веков не привлекало варваров, проживавших за его пределами? Некоторые из прежних варваров прославились как настоящие ученые, так что и эти варвары, возможно, не такие уж дикари. До сих пор, правда, китайцы не считали варварами лишь буддийских монахов из Индии. А в том, что индийские торговцы и миссионеры изменили облик китайского мира, сомневаться не приходилось. Возможно, что загадочные западные ученые также являются провозвестниками каких-то изменений, хотя об этом пока еще никто особенно не задумывался. В 1685 году китайский мир находился в зените своей славы, и ему ничто не угрожало.

Тем не менее судья Ли признавал, что буддизм внес серьезный вклад в китайскую культуру. По поводу буддизма, а также даосизма среди конфуцианских ученых не было единого мнения. Некоторым из них даже нравилось читать на досуге даосские и буддийские сочинения. Вряд ли кто устоял бы перед очарованием удивительных историй Чжуан-цзы или перед небольшим, но глубоким трактатом Лао-цзы. Эти тексты конфуцианцы знали так же хорошо, как и свои классические труды. «Книга Перемен» принадлежала общей культурной традиции. Каждая философская школа пыталась показать, насколько хорошо эта книга

соотносится именно с их направлением мысли. Судья Ли прочел немало книг даосских и буддийских авторов, в которых говорилось, что их учения непосредственно вытекают из «Книги Перемен».

Большинство конфуцианцев считало буддизм и даосизм учениями для простолюдинов и женщин, поскольку, по их мнению, эта часть населения стояла ниже их по интеллектуальному развитию. Поэтому они не уделяли особого внимания философским концепциям этих направлений. Конечно, терпимость конфуцианцев имела свои пределы, особенно если дело касалось недостойных и даже социально опасных поступков со стороны членов некоторых радикальных даосских и буддийских сект. Религиозное и философское инакомыслие допускалось, но не тогда, когда оно угрожало основам государства. По большей части образованные люди в Китае считали, что религиозные представления простолюдинов — это всего лишь нагромождение нелепых суеверий. Сюнь-цзы в отрицании сверхъестественного пошел, пожалуй, дальше других, хотя в своем презрении к суевериям он лишь следовал основной традиции конфуцианства. Сюнь-цзы считал духов и богов всего лишь проявлениями жизненной силы мира. И хотя невеждам они могли казаться реальными существами, на самом деле это лишь проявления сил природы. Сверхъестественное — не достойный объект внимания для истинно образованного человека.

Почитай духов, но держись от них подальше — таково краткое изложение конфуцианских взглядов на другие религии. В худших своих проявлениях эти религии считались набором суеверий; в лучших —

служили простонародью средством выразить свои мечты о лучшей жизни, бессмертии или возрождении в ином мире. Большинство конфуцианских чиновников не обращало особого внимания на такие религии, если они не представляли опасности для общественного порядка. Особенно если эти религии, как и в случае с христианством, были официально признаны имперским правительством. Однако если то или иное религиозное учение пыталось вовлечь своих приверженцев в политику или каким-то способом воплотить свои утопические мечты на практике, то гражданские правители должны были внимательно следить за этими сектами и пресекать все их нежелательные действия.

Еще начиная с эпохи Хань китайское правительство в той или иной форме учреждало особые управления по делам религий. Целью их было не просто регулировать или ограничивать распространение религиозных идей, хотя это тоже приветствовалось. Основной целью таких учреждений было следить за религиозными группами и за тем, чтобы они не выходили за пределы ограниченного пространства своей деятельности. Печальный опыт восстания даосских сект в конце периода Хань (ок. 180–200) побудил правительство с недоверием относиться к чересчур активным религиозным группировкам. Поэтому для ограничения беспорядочных тенденций нужно было четко определить границу между дозволенным и представляющим угрозу для конфуцианского порядка.

Распространение буддизма только усложнило ситуацию с религиозной жизнью общества и государ-

ства. Прежде представители образованной элиты никогда не сталкивались со столь развитым учением иных цивилизаций. Когда буддизм только появился в Китае, многие полагали, что это разновидность даосизма. И с этим связана одна любопытная легенда. Даосский миф повествует, что Лао-цзы отправился на запад и что он там якобы обучил варваров основам даосизма, а они превратили его в буддизм. Эта странная легенда имела поначалу много сторонников, поскольку даосизм был единственным религиозным учением Китая, хоть сколько-то напоминавшим буддизм. Однако вскоре стало ясно, что буддизм — это вовсе не индийская или центральноазиатская разновидность даосизма.

В течение многих столетий буддизм оказывал влияние на лучшие умы китайского мира. Это имело далеко идущие последствия не только в интеллектуальной сфере. Буддисты принесли с собой представления о монашестве, о чем ранее в Китае не имели ни малейшего понятия. Монашество не только казалось необычным, оно противоречило основам конфуцианской жизни, ведь монахи и монахини давали обет безбрачия. В древнем и классическом Китае это казалось неслыханным. Согласно традиционным китайским представлениям, каждый должен завести семью и иметь потомство. Даже те, кто не имел детей, считались членами какой-либо семьи. С конфуцианской точки зрения, не иметь детей, которые продолжили бы род и почитали предков, было страшным наказанием.

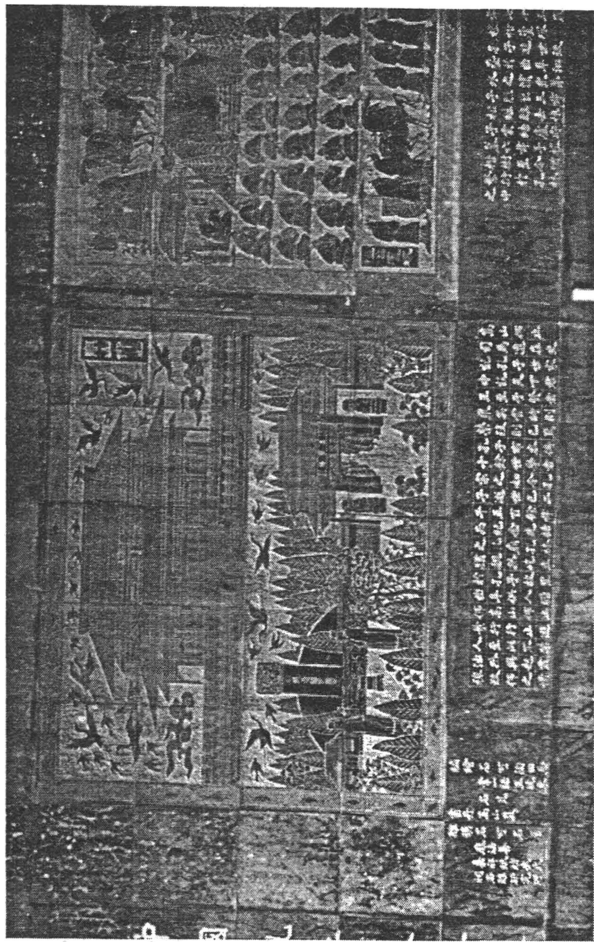
Многие исследователи давно заметили, что конфуцианство выросло из традиционного китайского

института семьи. Критики часто утверждали, что оно идеализировало семейную жизнь и что риторическое сравнение императора с отцом и матерью народа не имело под собой реального основания и было мифом. Даже конфуцианские добродетели, как бы они ни изменились с течением столетий и какой бы новый философский смысл ни приобрели, исходили из представлений о должных отношениях между членами семьи. Предполагалось, что добродетель, или «гуманность» («жэнь»), олицетворяла собой любовь и уважение между отцом и сыном, матерью и дочерью. Семья всегда оставалась основой китайской культуры и системы образования. Наш судья Ли прекрасно понимал, что первым учителем его детей была его жена, и искренне ценил ее заслуги. Госпожа Ли по праву считалась образованной конфуцианской дамой, истинным учителем «внутренних покоев» семейного дома.

Конечно, не все образованные семьи демонстрировали образцы конфуцианских добродетелей. Сам Конфуций приводил немало примеров неблагополучных семей, хотя о других религиях он не говорил ничего. Важным было не то, следовала ли та или иная семья нормам цивилизованного общества. То, во что люди верили в своей частной жизни, до определенной степени было их личным делом. Однако с конфуцианской точки зрения, важно было поддерживать внешний порядок, а буддизм и даосизм, что следует признать, весьма мало способствуют поддержанию такого порядка. Начиная с эпохи Хань конфуцианство оставалось краеугольным камнем любых социальных и государственных институтов.

Буддийский институт монашества подрывал основы конфуцианской семьи тем, что утверждал совершенно иную социальную организацию. Он представлял собой средство освобождения от иллюзий мира, то есть достижения того, что буддисты называют нирваной. Многие буддисты даже утверждали, что для полного освобождения человек должен в буквальном смысле покинуть семью. В семье невозможно отвлечься от эмоций и привязанностей и обратить все свои помыслы на постижение мудрости. Некоторые буддийские учителя, правда, говорили, что и мирянин способен достичь освобождения, но такие высказывания были редки. Большинство буддистов, если они серьезно относились к своему учению, покидали семьи и становились монахами и монахинями.

На ранних стадиях распространения буддизма велись жаркие споры по поводу того, какими должны быть отношения между буддийскими монастырями и социальными институтами китайского общества. Так, например, всерьез обсуждался вопрос, должен ли монах кланяться императору или нет. В Индии об этом даже не шла речь. Монах, даже молодой, никогда бы не стал кланяться царю, ведь теоретически он перешел границы цивилизованного общества. В Китае же споры об этом велись довольно долго. Некоторые утверждали, что монахи должны кланяться в любом случае, но со временем установились новые нормы поведения, не оскорблявшие как буддийское благочестие, так и конфуцианские представления о цивилизованном обществе. Буддисты охотно признавали, что они не враги хорошему правительству и ничего не имеют против него; они всего лишь люди,

Фрагменты конфуцианских трактатов были популярными дидактическими и декоративными элементами убранства, особенно в домах образованных людей. В данном случае они украшают врата в «Лес Конфуция». Впервые эти классические книги были переведены на европейские языки европейскими миссионерами в XVII веке

потерявшие интерес к тому, что они называли «красной пылью» повседневности.

Другой щекотливый вопрос касался того, как, с буддийской точки зрения, следует относиться к сыновней почтительности. Сыновняя почтительность настолько прочно вошла в китайскую культуру, что буддисты так или иначе должны были выработать свое мнение по поводу этой первичной основы добродетели и общественной жизни. В частности, буддисты заявляли, что подвиги аскетизма, которым подвергает себя монах, дают религиозную заслугу не только ему, но и представителям его семьи. Такой отказ от мирских соблазнов представляет собой высшую разновидность сыновней почтительности и способствует освобождению всего общества.

Однажды судья Ли даже слышал, как буддийский монах цитировал известную вторую главу из «Книги о сыновней почтительности».

«Учитель сказал: “Тот, кто любит родителей, не осмеливается ненавидеть других. Тот, кто почитает родителей, не презирает других. Любовь и почтительность к родителям оказывают нравственное воздействие на всех людей и подают пример всем соседним народам. Такова сыновняя почтительность Сына Неба”. Свод законов Фу гласит: “Когда человек делает доброе дело, он может заслужить доверие миллионов”».

Буддийский монах объяснял, что, исполняя правила, установленные Буддой, монах выражает тем самым любовь и почтение к своим родителям в более возвышенной форме, чем миряне. Конфуцианцам такие рассуждения казались пустой демагогией, потому что отказ от семьи и от брака был в их глазах высшей фор-

мой непочтительности. Буддийские монахи и монахини, конечно же, никак не могли завести семью, поскольку давали обет безбрачия.

Буддийская модель была основана на представлении о перерождениях и карме. Буддисты учили, что каждое действие вызывает ответное действие. Благие поступки создают хорошую карму, а дурные поступки — плохую. В сложной теологии буддизма Махаяны заслуги могли переходить от одного человека к другому. Великий монах мог своими благими делами спасти и привести к окончательному освобождению многих мирян. В течение конкретной жизни, конечно, эффект мог быть и не таким очевидным, но добродетели монаха или монахини способствовали перерождению мирянина в лучшем воплощении. Буддисты верили, что все мы перерождаемся до тех пор, пока не достигнем нирваны. Только тогда для человека закончится цикл перерождений и страданий. Естественно, конфуцианцы никогда не признавали большей части, если не всего, чему учили буддисты. Конфуцианцы даже считали, что представление о перерождении отнюдь не способствует нравственному поведению монаха или мирянина.

Большинство подобных возражений конфуцианцы выдвигали и против даосских сект. Их терпели, пока они не затрагивали политическую сферу, где проявление религиозного рвения не приветствовалось. Воспоминание о даосских восстаниях в конце правления династии Хань осталось в памяти государственных деятелей навсегда. Кроме того, конфуцианцы были уверены, что даосизм, особенно в его популярной форме, обращался к народным суевериям. Конфуци-

анские чиновники вовсе не пытались подавить эти суеверия, но стремились расширить круг образованных людей, чтобы эти суеверия не находили поддержки среди населения. Для строгого конфуцианства различия между даосской ученостью и народным суеверием практически не существовало.

Религиозный вопрос усложнялся еще и тем, что многие китайцы, особенно начиная со среднего периода правления династии Мин, склонялись к теории единства трех учений. Под этим они подразумевали, что конфуцианство, даосизм и буддизм являлись не взаимно исключаящими религиями, а наоборот, различными гранями одного и того же Пути. Таким образом, человек мог свободно выбирать понравившееся ему направление или совмещать на практике принципы всех этих учений. На службе можно было оставаться конфуцианцем, на дружеской пирушке становиться даосским поэтом, а в минуты отдыха заниматься буддийской медитацией.

В теории единства трех доктрин конфуцианству отводилась роль учения, наиболее подходящего для семейной и общественной жизни. Никто не отрицал того большого значения, которое конфуцианство имело для образования и государственной службы. Это было учение элитных семей. Даосизм же подходил тем, кто по каким-то причинам предпочитал отстраниться от общества. Популярное высказывание гласило: «Конфуцианец на службе, даос в отставке». Некоторые ученые даже предпочитали даосские способы самосовершенствования, которые, согласно распространенному мнению, способствовали продлению жизни. Кроме того, имелась богатая даосская литература —

обстоятельные трактаты, философские сочинения, восхитительные поэмы.

Даосские общины и секты основывали свои взгляды на древних философских сочинениях и углубляли изложенные в них теории; так появились различные мифы, теории спасения, представления о возможности долголетия и достижения бессмертия при помощи алхимических средств. Даосские общины являлись исконно китайским аналогом буддийских монастырей и храмов. Они служили убежищем для тех, кто предпочел оказаться за пределами общественной жизни. Простолюдинам они предоставляли заклинания и амулеты, образованным ученым обещали единство Дао. Они были своего рода сокровищницами мистической традиции китайского народа. К эпохе Цин даосы накопили богатейший свод текстов, по объему приблизительно равный текстам буддистов. Эти тексты появлялись на протяжении долгих столетий, но чаще всего в средние века.

Однако интеллектуальный вызов конфуцианству бросал прежде всего буддизм. Буддисты предлагали альтернативный взгляд на реальность. Как утверждали сами конфуцианцы, в учении Конфуция реальность всегда воспринималась как нечто конкретное, тогда как буддисты и даосы учили о «пустоте» или «у» («ничто»). Учения, как мы видим, весьма отличались в своих принципах, однако это не значило, что их последователи не могли договориться между собой. Часто великие буддийские настоятели монастырей и даосские учителя происходили из того же социального класса, что и конфуцианские ученые. Для многих уставших от гражданской службы конфуцианцев

даосские храмы и буддийские монастыри служили местом отдыха.

Более того, встречались и такие конфуцианцы, которые прямо называли себя буддистами. Представителем такого смешения традиций можно назвать великого поэта и ученого Су Ши (середина XII столетия, эпоха Сун). Хотя его признавали одним из вождей неоконфуцианского возрождения, он тем не менее наряду с конфуцианством высоко ценил буддийскую поэзию и традицию. Су Ши не видел противоречия в том, чтобы одновременно следовать двум учениям. Для китайского мировосприятия не существует незыблемых границ между различными религиозными и философскими школами. Хотя часто человек считает себя приверженцем какой-то одной традиции, он тем не менее время от времени может прибегать и к средствам другой — например, совершать ритуалы другой религии ради какой-то конкретной цели. Таким образом, границы между различными религиозными сферами китайской жизни никогда не были четко обозначены.

Конечно же, встречались и люди, стойко державшиеся тех или иных принципов. Предполагалось, что буддисты и даосы должны следовать своим собственным учениям, а конфуцианцы не должны смешивать свой Путь с путями других религиозно-философских школ. Однако исходя из трудов школы «простого учения» судья Ли пришел к выводу, что даже самые стойкие конфуцианцы в различные периоды истории многое заимствовали из концепций своих соперников. Если выражаться точнее, то взаимодействие происходило как бы на двух уровнях. На первом осуществлялся явный об-

мен мотивами, темами и идеями. Например, ни для кого не секрет, что конфуцианские писатели часто заимствовали сюжеты и образы из буддийских или даосских книг. Они не считали, что такое заимствование уменьшает их преданность учению Конфуция.

Второй уровень касается общих культурных тенденций. Этот обмен труднее выявить, чем непосредственный обмен образами и идеями. В качестве примера можно привести рассуждения Чжу Си о принципе и о жизненной энергии, лежащей в основе всех вещей и явлений. Хотя термины «принцип» и «жизненная энергия» являлись частью классической конфуцианской традиции, некоторые исследователи полагают, что Чжу Си многое позаимствовал у великих буддийских мыслителей эпохи Тан, в частности у представителей школ Хуаянь и Тяньтай. Именно представители этих школ занимались такими сложными метафизическими вопросами, как взаимоотношения форм порядка или принципов и их взаимодействие с жизненной силой. Во всяком случае, идеи, созвучные идее Чжу Си о принципах и жизненной силе, можно найти не в раннем конфуцианстве, а скорее в истории философских размышлений буддистов о карме.

Судья Ли признавал эти аргументы в пользу заимствований, но задумывался над тем, о чем же они говорят на самом деле. На одном уровне они показывали, что буддисты поднимали определенные философские и космологические вопросы, на которые конфуцианцам так или иначе приходилось отвечать. Конечно, в таком интеллектуальном взаимодействии нет ничего загадочного и мистического. Оно происходит всегда, как между членами одной школы, так и между пред-

ставителями разных традиций. Стоит только вспомнить споры Сюнь-цзы с Мэн-цзы по поводу человеческой природы, чтобы понять, как ведутся подобные диалоги. Судья Ли больше склонялся к идее толчка или воздействия, чем прямого и непосредственного заимствования. Однако трудно провести четкую границу между заимствованием и толчком.

Возьмем для примера Учителя Чжу, который признавал, что в молодости прочитал много даосских и буддийских трактатов. Однако когда Чжу Си воспринял конфуцианское учение Ли Туна, он оставил даосизм и буддизм. Тем не менее он любил иногда цитировать классиков даосской философии, которые всегда занимали определенное место в его памяти. Как можно не любить Чжуан-цзы или Лао-цзы за их поэтические описания и удивительные истории? Буддийская литература удерживала также первенство по описанию совершенствования разума-сердца. Буддийские размышления о просветлении и пробуждении разума-сердца стали неотъемлемой частью культурного багажа всех просвещенных китайцев, в том числе и приверженцев конфуцианства.

Прекрасным примером данного положения, о котором стоило бы поговорить с западным ученым, была теория Учителя Чжу Си о Великом пределе. Основная суть ее заключалась не в самом термине «Великий предел». Этот термин встречается в «Книге Перемен», известной как один из конфуцианских классических текстов. Проблема была в том, что Чжоу Дунньи связал Великий предел с Высшим небытием в первой фразе своей «Диаграммы Великого предела». По поводу этой фразы, вероятно, было истрачено

столько же чернил, как и по поводу первой строки философской поэмы Лао-цзы. Что имел в виду Чжоу с философской точки зрения? И откуда он взял термин «Высшее небытие»?

Казалось бы, эта философская проблема не столь трудна. Прежде всего как Чжоу Дуньи, так и Чжу Си хотели сказать, что у Пути есть глубинный и таинственный смысл, который, как ни старайся, нельзя определить с помощью конкретных терминов. Всегда какая-то его часть остается неопределенной, и в этом отношении он бесконечен, как бесконечна природа Вселенной. Конечно, судья Ли понимал, что эта тема так же безгранична, как и ее содержание. Такого рода философия, представляющая собой смесь понятий, заимствованных из разных источников, с точки зрения школы «простого учения» (XVII—XIX вв.) была довольно подозрительной.

Второй вопрос касался происхождения термина «Высшее небытие» («у-цзи»). Представители школы «простого учения» предполагали, что он, скорее всего, заимствован из даосских источников. Они знали, что Чжоу Дуньи был знаком с даосскими текстами досунской эпохи. Эти ученые предполагали, что любые понятия не столь невинны, как кажется на первый взгляд, и не могут быть употреблены в совершенно абстрактном смысле. Если использовать даосский термин, даже исходя из лучших «конфуцианских» побуждений, то всегда возможен риск того, что он принесет некоторые нежелательные оттенки смысла, которые с конфуцианской точки зрения недопустимы. «Разве есть что-то общее между серьезным конфуцианством и даосским представлением о Высшем небы-

тии?» — вопрошали последователи школы «простого учения». С их точки зрения, это был недостойный термин для конфуцианского Пути.

Порой судье Ли было забавно наблюдать за тем, как некоторые радикально настроенные критики — его современники осмеливались сомневаться в верности традиции и даже в том, был ли Конфуций действительно автором некоторых классических текстов. В своем рвении они ссылались на Учителя Чжу Си, который еще в эпоху Сун призывал критически пересмотреть некоторые из канонических книг. Судье Ли приходилось признать, что, как только в его душу были заронены семена критики, ему сразу стало казаться, что некоторые классические конфуцианские тексты действительно стоило бы тщательно пересмотреть на предмет их достоверности.

Взять, к примеру, известный философский трактат «Учение шестнадцати знаков», касающийся разума-сердца и предположительно написанный легендарным Юем. В «Книге документов» написано, что это хороший пример текстологических сомнений. В трактате говорится: «Разум-сердце человека шаток; разум-сердце Пути едва ли постижим. Усовершенствуйте свой разум, направив его на единую цель. Придерживайтесь срединного пути». Даже Учитель Чжу был вынужден признать, что неизвестно, кто именно написал этот отрывок о совершенствовании слишком хрупкого разума-сердца. Тем не менее Чжу Си продолжал ссылаться на него в своих работах, потому что он превосходно показывал различие между нашим недисциплинированным разумом-сердцем и разумом-сердцем Дао. Для Учителя Чжу смысл этого отрывка был ясен: нам нужно тща-

тельно воспитывать свой хрупкий разум-сердце, чтобы он смог приобщиться к разуму-сердцу Пути. Только тогда мы продвинемся ближе к цели, даже если ради этого нам временами придется сомневаться в правдивости традиционных представлений. Но в чем именно мы сомневаемся? Доказать авторство того или иного раннего текста всегда было трудно и не всегда так уж и важно. Гораздо более важна идея, смысл такого текста.

Любопытно, что варварские ученые в чем-то соглашались с представителями школы «простого учения», особенно по поводу неправильного использования конфуцианских текстов деятелями сунского возрождения. Как раз об этом и зашел разговор во время прекрасного ужина у учителя. На судью Ли произвела благоприятное впечатление образованность главного гостя, учителя Ма Липо (иезуита Малипьеро). Он был одет как положено ученому, говорил на превосходном мандаринском диалекте и показал хорошее знание конфуцианской классики и истории. В начале беседы за ужином учитель Ма рассказывал о своей родной стране И-да-ли (Италия), где он учился в городе Луома (Рим), после чего стал одновременно священником и ученым. Его страна и город располагались в другой части света, и для того, чтобы доплыть до Кантона, учителю Ма потребовался почти год. С тех пор он прожил в Китае более двенадцати лет.

Учитель Ма придерживался учения, которого судья Ли еще не встречал на своем жизненном пути. Это было учение «Истинного Небесного Владыки». Учитель Ма подарил учителю Яо копию известной книги об основах этого учения. Книгу эту поколением раньше написал прославленный Учитель Ли (иезуит Мат-

тео Риччи). Судье Ли представилась возможность быстро просмотреть эту книгу, и он признал, что в ней содержатся положения, которые трудно истолковать, но которые походят на действительно серьезные рассуждения. Именно эти странные рассуждения о природе «тянь» привлекали основное внимание как брата Малипьеро, так и его китайских друзей.

Брат Ма (как называли его китайские знакомые) начал свою речь об учении «Истинного Небесного Владыки» с того, что привел некоторые отрывки из древних классических книг. Он доказывал, что мудрецы древности имели представление об Истинном Владыке. Это ясно по отрывкам, в которых говорится о Небе. И достойно сожаления то, что с течением веков эта часть учения мудрецов была позабыта или искажена. А в эпоху правления династии Сун эту истинную мудрость подменили учением «Школы принципов». Брат Ма утверждал, что само название этой школы неверно, ведь философия Чжу Си — это типичный материализм без упоминания истиной природы Божественной реальности, то есть Божественной личности. Судья Ли возразил, что учитель Чжу Си превосходно разбирался в древних текстах, но толковал их рационально, отбросив слишком антропоморфные сравнения. Однажды, отвечая на один из вопросов, Учитель Чжу сказал, что на небе нет никакого старика с седой бородой.

Беседа становилась все более захватывающей. Западный ученый утверждал, что может объяснить древние тексты гораздо лучше, чем Чжу Си. То было, конечно, довольно смелое заявление, но судья Ли и его друзья признали, что кое в чем брат Ма действительно разбирается. Им пришлось заново вспомнить древние

тексты и попытаться подумать об их смысле, не прибегая к толкованиям Чжу Си. Брат Ма не соглашался и с более поздними критиками Чжу Си эпохи Мин. Казалось, что для брата Ма здесь заключается нечто важное. Как и некоторые даосы, он был убежден, что порядок в мире поддерживается неким высшим духом или Богом. Судье Ли всегда казалось, что в высшей природе Дао есть нечто таинственное и непостижимое, но он не был готов признать его личностью. Это, на его взгляд, переходило все границы здравого смысла.

Труднее было разобраться с обвинениями в материализме. Судья Ли совсем не понимал, на что ополчился брат Ма, пока они не начали говорить о роли жизненной силы и принципов. С понятием принципа затруднений не возникло, поскольку брат Ма сказал, что его Истинный Небесный Владыка является законодателем всеобщего порядка. Однако брату Ма было трудно понять природу жизненной силы. Ему казалось, что она исключительно материальна и конкретна. Китайцы попытались объяснить ему, что такое жизненная сила, но безуспешно. Брату Ма казалось странным утверждение, что даже бесплотные духи образуются жизненной силой. Брат Ма придерживался того взгляда, что нечто должно быть либо материальным, либо духовным, но не тем и другим одновременно. Китайские ученые терпеливо объясняли, что в системе Учителя Чжу Си жизненная сила ведет себя совершенно иным образом, но судье Ли казалось, что обе стороны допускают какие-то просчеты.

Когда стало ясно, что дальнейшее обсуждение роли и природы жизненной силы невозможно, разговор перешел на другие темы. Поскольку уже было выпито

немало напитков, один из китайских друзей осмелился спросить брата Ма о некоторых странных обычаях западного мира. Например, он слышал, что многим уважаемым дамам, вдовам ученых и даже принцессам позволено ходить вместе с мужчинами на званые обеды. Как такое может быть? Ведь это нарушение правил цивилизованной жизни.

Брат Ма спокойно ответил, что в разных странах разные обычаи. Например, в его родной стране Италии знатным дамам никогда не бинтуют ноги. Он сказал, что женщины на Западе по сравнению с китайками пользуются большей свободой в своих домах. Некоторыми западными странами даже управляли королевы. Судье Ли все это казалось необычным. Он подумал, что его жена пришла бы в ужас, если бы ей предложили пойти на эту встречу и посмотреть на всех этих странных мужчин. В одном, однако, судья Ли соглашался с братом Ма. Он был убежден в том, что женщины должны получать образование, поскольку это необходимо для воспитания сыновей и дочерей. Его жена многому научила его детей, пока они были еще совсем маленькими, и ему повезло, что она происходила из очень образованной семьи. Обычаи в разных странах и в самом деле отличаются, хотя конфуцианские ученые не сомневались в том, что обычаи их страны являлись образцом цивилизованной жизни.

Конфуцианство никогда не пыталось навязать себя другим странам или проповедовать свои идеалы в чужих краях. И хотя оно получило очень широкое распространение на Дальнем Востоке, заподозрить его в миссионерстве никак нельзя. Во Вьетнаме, Корее и Япо-

нии появились свои разновидности конфуцианства, позаимствованного вместе с общим культурным багажом Китая. Стоит вспомнить о том, что Китай всегда был культурным центром этого региона и все его культурные достижения считались образцом для подражания. Единственным исключением можно назвать буддизм. Великую империю Тан можно было сравнить с магнитом, притягивавшим все государства и народности Дальнего Востока. Танский Китай — одно из наивысших достижений человеческой цивилизации, и конфуцианство было важной частью его культуры. На протяжении долгих столетий вьетнамские, корейские и японские ученые читали китайские книги и перенимали китайские идеи, поэтому конфуцианство и стало частью их собственной культурной жизни. Благодаря деятелям эпохи Сун конфуцианство вновь сменило буддизм в качестве основной интеллектуальной традиции во всем регионе. Со временем Вьетнам, Корея и Япония развили свои собственные культуры, но продолжали заимствовать конфуцианские идеи. Как Париж, Лондон и Нью-Йорк считаются центрами Западного мира, так и все более мелкие государства Восточной Азии ориентировались в своем развитии на Китай, и многие представители этих стран становились конфуцианскими учеными.

Стремление ориентироваться на Китай поддерживалось еще и тем, что вьетнамцы, корейцы и японцы считали конфуцианскую культуру признаком зрелой цивилизации. Эти взгляды хорошо укладывались в китаецентрическую модель мира китайской интеллектуальной элиты. Для образованных китайцев Китай и в самом деле был центром мира. Им казалось впол-

не естественным, что чужеземные народы стремятся торговать с Китаем и заимствовать у него культурные достижения. Ни один образованный китаец, разве что за исключением некоторых буддийских монахов, не понимал, зачем нужно покидать Китай. Среди конфуцианских ученых не было принято отправляться в чужие края и проповедовать там свое учение. Если варвары желают чему-то обучиться, то пусть сами приходят и учатся. Путешествовать можно разве что для торговли, потому что, кроме редких товаров, для китайцев в дальних землях было мало интересного и представляющего ценность. Таким образом, Китай был скорее заинтересован в расширении своего экономического, чем культурного влияния.

И хотя даже самые серьезные конфуцианцы восхищались ученостью иезуитских миссионеров, новую веру принимали очень немногие. По большей части китайцев интересовали технические и научные достижения европейцев, особенно в астрономии и военном деле. Непредвзято мыслящие конфуцианцы соглашались, что математические знания иезуитов гораздо выше, чем те, при помощи которых китайцы составляли свой календарь. Иногда китайское правительство даже назначало иезуитов на государственные посты, где они должны были следить за официальным календарем.

Некоторых конфуцианцев восхищала образованность таких иезуитов, как знаменитый Маттео Риччи. Однако переходить в новую веру только на этом основании им казалось нелепым. Они считали, что при условии достаточно долгого проживания в Китае миссионеры сами должны рано или поздно принять принципы конфуцианства. И то, что такие люди, как брат Ма,

овладевали китайскими классическими текстами, лишь подтверждало эту точку зрения. Ученость еще не доказательство того, что человек высказывает правильные мысли. Однако судья Ли знал, что некоторые ученые, в том числе и высокопоставленные чиновники при дворе, нашли доводы миссионеров достаточно убедительными и стали последователями Небесного Владыки.

РАЗНОГЛАСИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ НА РИТУАЛЫ

К этому моменту беседа приняла новое интересное направление. Один из китайцев рассказал о своей недавней встрече с другим западным проповедником. В отличие от брата Ма, этот человек походил скорее на странствующего даоса или буддиста. Он посещал места скопления простолюдинов и проповедовал им идеи спасения. Если рассказчик понял его правильно, этот христианин советовал отказаться от семейных ритуалов и жертвоприношений духам предков, которые связывают воедино весь китайский мир. Как можно проповедовать такое варварское учение? Разве можно осуждать сыновнюю почтительность?

На мгновение лицо брата Ма нахмурилось. Затем он собрался с духом и дал следующий ответ. Да, этот человек и в самом деле был христианином с Запада. Так же как среди последователей Конфуция есть представители различных школ, например, последователи Учителя Чжу или Учителя Вана, а также новой школы «простого учения», так и в христианстве есть разные направления. Этот человек принадлежит к другой школе. Китай-

цы настойчиво требовали объяснений, и брат Ма нехотя признал, что между его школой и школой того священника наблюдаются некоторые противоречия. Действительно, они по-разному воспринимают и оценивают семейные ритуалы и сыновнюю почтительность.

Китайцы были поражены. Как можно спорить по поводу понятия — такого простого и такого необходимого для поддержания порядка и следования Пути? Да, ответил брат Ма, есть такие христианские школы (францисканские миссионеры, например), которые не согласны с тем, как его школа (иезуиты) толкует китайские семейные ритуалы. Он попытался объяснить, в чем тут заключалась проблема. Согласно учению Небесного Владыки, поклонения достоин только верховный Бог. И хотя можно возносить молитвы святым и матери Бога, почитать в качестве настоящего Бога можно только Его одного. Кое-что в этих объяснениях казалось понятным судье Ли и его друзьям. Конфуцианцы были знакомы с некоторыми разновидностями даосизма, которые развивали очень похожие идеи по поводу духов и главного Бога. Некоторые из этих даосских школ учили, что для достижения единства с Дао необходимо познание небесного порядка и небесной иерархии. Но ни один даос не осмелился бы отказываться от семейных ритуалов, которые связывают людей между собой.

Брат Ма объяснил, что другие христианские школы полагают, будто семейные ритуалы противоречат запрету на поклонение другим богам. Конечно, брат Ма как можно более убедительно подчеркнул, что его школа не придерживается подобных взглядов. Исследования брата Ма и его коллег-священников показали, что китайские семейные ритуалы в основе своей

представляют дань памяти предкам; в строгом смысле слова это вовсе не поклонение богам. Например, многие христиане почитают святых людей точно так же, как конфуцианцы почитают память великих ученых прошлого и своих предков.

Разграничение поклонения верховному Богу в строгом смысле этого слова и поклонения предкам было распространено в китайской культуре. Вывод, к которому пришли иезуитские миссионеры после долгих обсуждений этого вопроса с китайскими учеными, заключался в том, что если правильно толковать природу этих ритуалов, то они представляют собой не поклонение богам, а скорее вид гражданского почитания предков. Если это действительно так, то тогда китайцам нужно и далее продолжать совершать такие ритуалы. В этом плане оставалось лишь одно разногласие между иезуитами и китайцами, а именно взгляд на брак. Христианство требовало моногамии, тогда как в Китае она не была строгой. Китайцам позволялось иметь нескольких жен и даже содержать наложниц. Христианская же церковь это строго запрещала, что также сдерживало обращение многих конфуцианцев. Даже если их убеждали проповеди христиан, большинство из них не могло отказаться от второй жены. С конфуцианской точки зрения это было бы несправедливо по отношению к женщине.

Брат Ма признал, что, с поверхностной точки зрения, многие христианские миссионеры очень строго относятся к ритуалам, ведь они и в самом деле походят на религиозное поклонение. Большинство простолюдинов так и считало, что они поклоняются предкам. Однако конфуцианцы понимали, что это не истинное значение

семейных ритуалов. Тонкое различие между почитанием и поклонением ускользало от многих китайцев, не говоря уже о христианах. Пожалуй, это была наиболее острая тема споров среди христианских миссионеров.

Для конфуцианцев было просто невозможно отказаться от своих семейных ритуалов. Одной из самых важных добродетелей в Китае считалась сыновняя почтительность. И на основе этой добродетели конфуцианцы разработали целый ряд ритуалов на все случаи жизни. Одним из важных их аспектов было приношение благодарности предкам. Причем не важно, считалась семья конфуцианской или нет, ведь семейные ритуалы пронизывали всю китайскую религиозную и общественную культуру. Какой бы бедной семья ни была, в ней обязательно имелось место для поклонения предкам. Чаще всего это были столы предков, деревянные таблички с любовно выписанными именами. Не иметь предков — это все равно что не иметь себя самого, оказаться потерянным среди обширного китайского мира. Наиболее радикальные христианские миссионеры требовали от китайцев сжечь все эти таблички и немедленно принять христианскую веру. На взгляд конфуцианцев, такие радикалы ничем не отличались от душевнобольных.

Как еще раз повторил брат Ма своим китайским знакомым, дело в том, что миссионеры верят в единого истинного Бога. И многие из них полагают, что поклонения достоин только Он один, но никак не какие-то люди. Более того, они утверждают, что по своей природе человек плох, а это противоречит трудам Мэн-цзы. Со времен сунского возрождения поддерживалось общее мнение, что Мэн-цзы был прав относительно

природы человека и что изначально человек хорош. Ни один конфуцианец не сказал бы, что это значит, будто все поступают должным образом и не заблуждаются. Наша добрая природа часто скрыта под мутными наносами, образуемыми вечно изменяющейся жизненной силой. Вот почему конфуцианцы подчеркивали роль самовоспитания и образования. Выявить свою добрую природу человек мог лишь благодаря строгой самодисциплине. Тем не менее они ни на мгновение не сомневались, что Небо создало каждого человека хорошим, ведь таков был общий принцип человечества.

Утверждать, что человек по природе плох, это значит допускать ту же ошибку, что допускал Сюнь-цзы много столетий назад. Но в новом для китайцев христианском учении было и еще одно весьма сомнительное утверждение. Оно не только наделяло грехом любого живущего человека, то есть делало его изначально плохим, но и учило, что наши предки также были людьми, совершившими грех. И это еще более отдаляло его от конфуцианства. Здравомыслящий человек мог еще признать свое несовершенство и потребность в улучшении своей природы, но признать греховность своих предков — это уж слишком несоразмерная дань поклонения западному Богу и не стоит его благорасположения. Брат Ма был вынужден признать, что многие миссионеры именно этому и учат.

В ходе беседы конфуцианцы пришли к выводу о том, что, если бы они оставили сыновнюю почтительность, отказались от ритуалов и восприняли взгляд на греховную человеческую природу и греховность предков, то есть приняли христианскую веру, они не смогли бы остаться конфуцианцами в истинном смысле этого слова.

Глава 7

КАБИНЕТ УЧЕНОГО

Каждый китайский ученый мечтал владеть собственным, прекрасно обставленным кабинетом. И это вполне естественно, ведь конфуцианство большое внимание уделяло образованию. Именно в кабинете конфуцианский ученый общался с древними мудрецами и благородными мужами. Планировке и обстановке кабинета посвящалось немало времени. Это было место не только для книг, но и для произведений искусства. Здесь оттачивалось мастерство каллиграфии, поэзии и живописи. Здесь можно было полюбоваться прекрасными камнями и удивительными маленькими деревьями в горшках — образцом культурной утонченности. В кабинете всегда имелся наготове запас бумаги и чернил, с помощью которых ученый создавал исторические труды, писал поэмы, письма родным, друзьям и послания к более широкой аудитории.

Прекрасная картина или образец каллиграфии часто дополняли друг друга в качестве украшений. Каллиграфия и живопись сосуществовали в полной гармонии, причем каждое из этих искусств испытывало влияние другого. Однако они продолжали оставаться

ся разными видами искусства; не каждый великий художник считался великим каллиграфом, и наоборот. Кроме разнообразных камней, картин и изящных линий неплохо иметь и хороший вид на окрестности. Но это зависело от того, где находился дом и каким он был. В городе можно было разбить под окнами сад, пусть даже совсем скромный. Богатые ученые устраивали себе резиденции вдали от городской суеты — в лесу, у озера или горы, где из окон открывались поистине чудесные виды.

Многие конфуцианские ученые и их семьи любили выезжать на природу. Великий Чжу Си однажды пошутил, что трудно найти прекрасное место, где не был бы уже построен буддийский монастырь или даосский храм. На самом деле мест было достаточно, и ничто не мешало ученому построить себе загородный дом в природном окружении. Хотя в основном все конфуцианцы тяготели к городской культуре, природа оставалась для них источником вдохновения. Обычай путешествовать и наслаждаться пейзажем распространился среди них гораздо раньше, чем в Европе.

В городском кабинете природа была представлена карликовыми деревцами, которые на Западе известны под названием «бонсаи». Если нельзя было отправиться в лес, то можно было устроить подобие леса у себя дома. Умение разбивать сады также считалось особым искусством, и именно это искусство оказало большое влияние на европейское садоводство эпохи Просвещения. Асимметричная планировка показывала, как должны взаимодействовать человек и природа. В доме или кабинете маленькие деревца расставлялись так, чтобы создать видимость настоящего природного окружения.

КАМНИ

Еще одним предметом искусства были камни, из которых, в частности, изготовляли именные печати. Китайцы всегда любили камни и скалы. Искусство резьбы по нефриту распространилось еще до эпохи Шан. Для этих ранних поделок характерны те же мотивы, что прославили бронзовые сосуды эпох Шан и Чжоу. В сунский период эти древние бронзовые сосуды ценились настолько, что было написано немало специальных книг о коллекционировании этих предметов. Такие пособия были необходимы, потому что вследствие большого спроса широкое распространение получили искусные подделки. Но уже в эпоху Цин сунские подделки сами ценились как произведения искусства.

Недавно судья Ли получил в подарок от тестя, проживавшего на дальнем юге, чудесный набор камней. Чем необычнее на вид был камень, тем больше он ценился. Некоторые из них были совсем удивительные и походили на маленькие горы. Госпожа Ли имела некоторое представление о выращивании бонсаи, и судья попросил ее осмотреть эти камни. Сначала Ли собирался расставить все новые камни в расширенном саду вокруг нового кабинета, но, увидев самый большой из них, передумал.

Этот камень напоминал одну из тех поразительных источенных водою гор, что встречаются на юге. Ли никогда бы не поверил, что существуют такие необычные горы, если бы сам однажды не посетил те места и не увидел своими глазами прославленные вершины. И вот перед ним крошечное подобие такого чуда. Ка-

залось, что перед ним три вершины и маленькие долины между ними. Госпожа Ли согласилась, что такой камень достоин украсить старый, не столь большой кабинет судьи. Она постарается подобрать растения, которые можно будет расположить во впадинах и пустотах. Тогда камень станет еще более похож на кусочек удивительной природы Южного Китая. Для занятого трудами ученого он будет хорошим источником вдохновения и отдыха.

Для постройки нового кабинета и разбивки большого сада необходимо было пригласить эксперта по фэн-шуй, или искусству подбирать благоприятные земельные участки. Как и любой китаец, судья Ли обязательно прибегал к услугам таких экспертов при строительстве любого сколько-нибудь значительного сооружения. Без специалистов этого рода не обходилось строительство ни одного дома или гробницы. Чаще всего на европейские языки фэн-шуй переводят словом «геомантия». Но хотя в данной области знания геомантия, то есть умение определять благоприятные участки, действительно составляла значительную часть, термин «фэн-шуй» подразумевал и другие аспекты, связанные со строительством и благоустройством сооружений.

Фэн-шуй приобрел широкую популярность среди всех слоев населения Китая (и вообще Дальнего Востока). Среди других систем гадания и пророчеств с ним могло соперничать разве что гадание по «Книге Перемен». В минуты сомнений или неуверенности в будущем представители всех классов китайского общества, в том числе и прославленные конфуцианцы, обращались к этой древней книге и гадали по ее гек-

саграммам. Хотя связь между двумя видами магии может показаться неочевидной, она тем не менее существует, и довольно значительная. Связь эта прослеживается в присутствии всем сферам интеллектуальной деятельности убеждения, что все в мире взаимосвязано и каждый объект или явление испытывает влияние со стороны других объектов или явлений.

С конфуцианской точки зрения, мир представляет собой огромную сеть взаимосвязанных сил и событий. Ничего не происходит само по себе и без влияния на нечто другое. Но в том-то и заключается трудность. Хотя все взаимосвязано, проследить эти связи не так уж легко. Люди не имеют врожденного знания о различных процессах, происходящих в природе, а получить это знание своим умом довольно сложно. Традиция относит «Книгу Перемен» к древнейшим памятникам культуры. Согласно легенде, эти пророчества, как и письмена вообще, придумал древний мудрец Фуси, который, глядя на небо и на землю, открыл «знаки» всех явлений. С помощью письма он выразил значения вещей и явлений, а с помощью триграмм (состоящих из трех сплошных или прерывистых линий) он выразил взаимосвязи между ними. Отсюда и возникла «Книга Перемен».

Современные исследователи, конечно же, не верят в подобные мифы, но и они убеждены в том, что «Книга Перемен» — один из древнейших памятников китайской мысли. По крайней мере часть книги была составлена в незапамятные времена, отнести к которым можно разве что некоторые стихи из «Книги песен» и некоторые сведения из «Канона писаний». Основная часть книги представля-

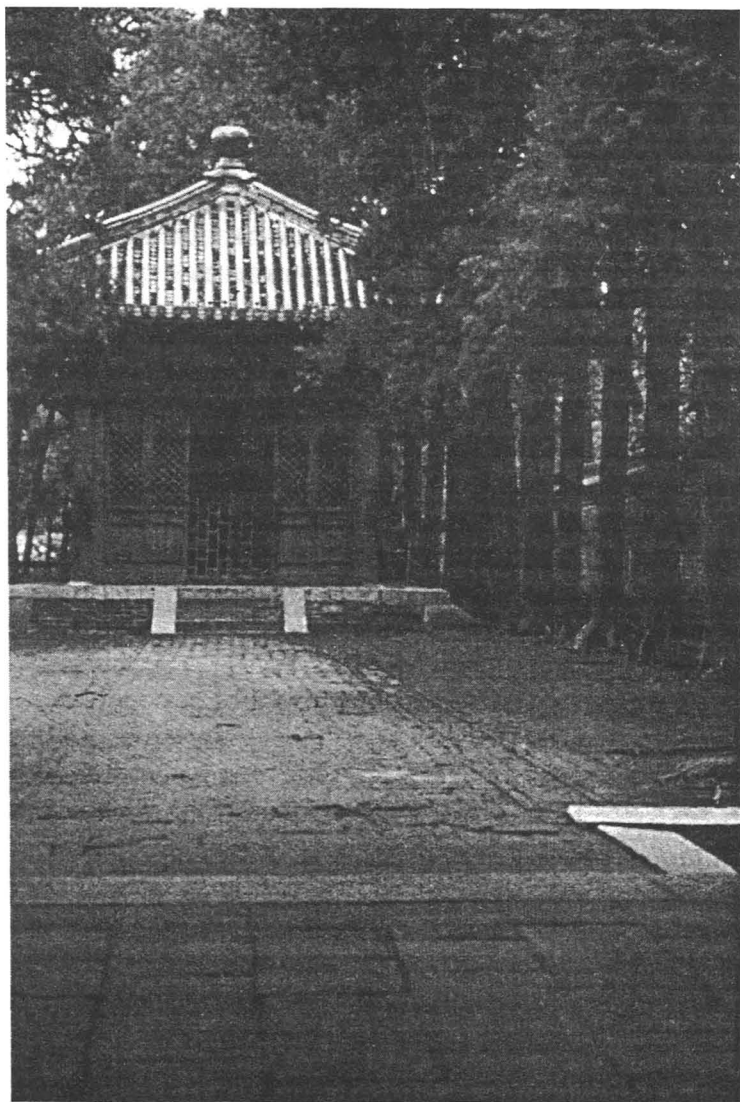
ет собой перечень шестидесяти четырех гексаграмм, сопровождаемых подписями. Число это отнюдь не случайно, ведь сочетания двух линий по восемь раз дает как раз такое количество комбинаций. Гексаграмма — это комбинация двух триграмм, каждая из которых состоит из трех сплошных или прерывистых линий. Согласно легенде о древнем мудреце Фуси, эти линии знаменуют собой первоосновы всех явлений во Вселенной.

Кроме того, в «Книге Перемен» имеются толкования, добавленные другими мудрецами и благородными мужами. Эти тексты, довольно туманные по содержанию, должны служить своего рода ключами, помогающими оценить ситуацию. В более поздних и пространных комментариях, известных как «десять крыльев» текста, излагается космологическая теория. Считалось, что в зависимости от выпавшей комбинации текст книги должен дать совет человеку и подтолкнуть его к правильному решению.

Конечно, некоторые конфуцианские ученые не думали, что основная цель книги — это гадание. Они предпочитали воспринимать ее как очередной сборник поучений и мудрых мыслей, выраженных в виде афоризмов. Тем не менее в народной традиции считалось, что текст «Книги Перемен» — это не просто сухое изложение философии. При условии правильного его понимания и должного использования методов гадания можно получить ответы на все животрепещущие вопросы. Так, например, судья Ли помнил о том, что Учитель Чжу Си во время сложной политической ситуации XII века гадал как раз по «Книге Перемен».

В том, что для Чжу Си «Книга Перемен» была частью классического наследия, сомневаться не приходится. Однако сам он, похоже, испытывал некоторые сомнения по поводу собственно гадательного смысла книги. Кроме того, Чжу Си никогда не уставал напоминать о том, что любое гадание бесполезно, если оно не сопровождается самоусовершенствованием и чувством моральной ответственности. Чжу Си беспокоился о том, что порой размышления о взаимосвязи всего сущего приводят к вере в ложные теории, к которым он относил и нумерологию. К такого рода вычислениям различных комбинаций гексаграмм и получению на их основе каких-то выводов Чжу Си относился настороженно. На его взгляд, такое использование «Книги Перемен» находилось где-то на грани конфуцианства и суеверий. Тем не менее иногда пророчество может оказаться полезным, если только придерживаться некоторых ограничений и не забывать о нравственном самовоспитании.

Кроме этого, Чжу Си полагал, что от него, как от советника правителя, требуется время от времени критиковать правителя, если действия последнего требуют порицания. И хотя представители династии Сун славились своей относительной мягкостью, такая критика, конечно же, не могла остаться совершенно без последствий. Когда некто известный, вроде Учителя Чжу, посылал императору письмо с укорами, то это было делом весьма серьезным. Осложнялось все тем, что Чжу Си, критикуя решения императора, тем самым косвенным образом критиковал и других высокопоставленных советников.

Небольшое строение на подсобном участке в «Лесу Конфуция» представляет собой типичную для эпохи Мин беседку для проведения чайных церемоний, которая, по всей видимости, была частью двора и сада ученого

Тем не менее это не остановило Чжу Си, и он написал письмо с изложением всего, с чем был не согласен. Ученики не на шутку испугались за своего учителя. Они не верили, что каким-то письмом можно изменить политику государства. Откровенные высказывания могли только разгневать правителя и рассердить его советников. Прежде чем отправить письмо, Чжу Си обсудил этот вопрос со своими друзьями и учениками, но они не пришли к единому мнению. В такие моменты и следовало прибегать к «Книге Перемен». Эта книга помогла бы ответить на вопросы, не дававшие покоя Учителю.

Метод гадания в своей основе был прост. Для начала нужно было построить гексаграмму, то есть тем или иным случайным образом определить каждую из восьми сплошных или прерывистых линий. Затем нужно было обратиться к тексту. Если человек был необразованным или неискушенным в подобных вопросах, он мог обратиться к специалисту. Но Чжу Си сам написал комментарии к «Книге Перемен», поэтому мог считаться одним из ведущих специалистов в области гадания по ней. Ответ оказался крайне негативным. Учитель Чжу прислушался к совету своих учеников и не стал отправлять письмо, правда, сохранив его копию среди других своих работ.

Судья Ли и сам недавно прибег к подобному методу гадания, определяя подходящий день для того, чтобы пригласить своего друга создать фэн-шуй для нового сада и кабинета. С точки зрения друга, «Книга Перемен» и фэн-шуй являлись неразрывными звеньями одной цепи Дао. Первая определяет благопри-

ятный день для второго. Все эти методы определения благоприятных влияний вписывались в общую картину пяти элементов и постоянного взаимодействия инь и ян, руководимых Великим пределом.

Искусство фэн-шуй было также широко распространено среди конфуцианцев и вообще среди китайцев. Его философское обоснование подобно обоснованию «Книги Перемен». Основное предположение, лежащее в основе обеих систем — глубоко укорененное в сознании китайцев представление об органичности всего сущего. Конфуцианцы, например, в рассуждениях о единстве всего привыкли употреблять растительные метафоры. Но основная мысль не сводилась к одной лишь метафоре, присущей сельскохозяйственному обществу, и не ограничивалась сравнением с растительной жизнью. Высшей целью геомантии, так же как самосовершенствования и медицины, было поддержание высшей гармонии, равновесия сил в беспрестанно меняющемся мире.

Судья Ли решил спросить совета у своего друга еще и потому, что тот считался специалистом по фэн-шуй. Наряду с медициной конфуцианцы уважали геомантию и выделяли ее из ряда других практических знаний. Как и можно было предположить, существовало множество разнообразных школ и разновидностей этого учения. И хотя все они стремились к гармоничному воздействию окружающего мира на дома, храмы, гробницы и другие строения, разные геоманты предлагали разные практические методы.

Друг судьи Ли был родом из провинции Фуцзянь, а там существовала особая школа геомантии. В фуцзянской традиции широко применялся особый гео-

мантический компас. Но вряд ли слово «компас» может передать всю сложность и всю неординарность подобного устройства. Этот объект, отлитый из бронзы, символизирует собой всю Вселенную. В нем имеется не только магнитная стрелка для определения стран света, но и концентрические круги, помогающие вычислить время и определить природу взаимоотношений между основными элементами материального мира. «Циферблат» этого устройства пестрит многочисленными знаками для установления связей между человеком, временем, пространством и постоянно все изменяющим потоком космоса. Там имеются знаки для звезд и созвездий, символы инь и ян, восемь триграмм и тому подобное. В компасе, который использовал друг судьи Ли, насчитывалось по меньшей мере четырнадцать различных концентрических кругов, которые вращались друг относительно друга, указывая на неповторимое сочетание знаков.

Возможное число сочетаний было поистине безграничным. Теоретически такая безграничность находила обоснование в том, что конфуцианцы считали реальный мир огромным и разнообразным; ни одна вещь в нем не походила полностью на другую, отличаясь не только по облику и структуре, но и по своему временному и пространственному расположению. В этом смысле, определяя место для сада и его планировку, нужно было принимать во внимание соотношение элементов воды, дерева и земли (то есть новых камней). Это прекрасный пример того, насколько все взаимосвязано в классической конфуцианской мысли. Например, если в одном месте устроить пруд, то он будет определять место для камней. Пока друг за-

нимался расчетами, судья Ли думал о том, что геомантический компас — это само по себе произведение искусства, охватывающее своими сферами и знаками концентрированную сущность космологических размышлений конфуцианства.

После разбивки сада следовало также решить, какие книги и копии надписей разместить в кабинете. Книги представляли собой важный элемент жизни ученого, и судья Ли с юности прилежно собирал их. В молодости он собирал по преимуществу классические тексты и пособия, необходимые для обучения. В их число, конечно же, входили тринадцать конфуцианских классических текстов, а также различные комментарии на эти тексты. Они затрагивали многие темы, от собственно филологических исследований до толкования некоторых запутанных мыслей мудрецов, а также социальных и исторических комментариев. Многие, конечно, были написаны специально для того, чтобы дать начинающему ученому представление о глубине мысли классиков. Кроме того, имелись и отдельные философские, исторические и филологические труды. Помимо работ общего характера в библиотеке судьи Ли были специальные трактаты по математике, судебной медицине и теории поэзии. Отдельный раздел составляли различные антологии великих сочинителей прошлого и огромные энциклопедии, авторы которых пытались систематизировать все интеллектуальные достижения китайского мира.

Некоторые из книг можно было назвать узкопрактическими и предназначенными для повседневного пользования, тогда как другие — ценными коллекци-

онными экземплярами. С некоторых пор судья Ли начал часто посещать книжные лавки и издательские дома Сучжоу в поисках ранних изданий знаменитых работ, относящихся к периодам Сун, Юань и Мин. Некоторые из них отличались особыми красивыми шрифтами и считались настоящими произведениями искусства.

Судье хотелось, чтобы гости, посещающие его кабинет, могли кроме книг полюбоваться восхитительными копиями древних надписей, сделанных методом притирания. В период правления тех или иных династий императоры приказывали вырезать различные фрагменты классических текстов в камне. Некоторые ученые специально посещали эти древние сооружения и делали бумажные копии надписей. Методом притирания можно было делать и копии поверхностей усыпальниц великих мыслителей. На некоторых усыпальницах были высечены надписи благородных мужей древности, вошедшие в число наиболее известных среди всех приверженцев конфуцианства. Такие бумажные копии ценились выше, чем книги. Некоторые из них могли даже занимать небольшую стену. Они также многое говорили о вкусе и взглядах их владельца.

Не следовало забывать и о двух других вещах. Прежде всего, о керамике. У госпожи Ли, как и подобает дочери благородного и образованного семейства, имелось много керамических работ, представлявших собой настоящие произведения искусства, и судья Ли подумал, что было бы неплохо разместить некоторые из них в своем кабинете. Судья Ли ценил старые экземпляры гораздо больше новых. Каждой эпохе был

присущ свой стиль. Например, особого места в кабинете была достойна скульптура лошади эпохи Тан. Она большая и радует глаз изысканными, хотя и достаточно смелыми красками. В ней как бы собраны вся сила и все великолепие былых времен.

Другие предметы принадлежали к эпохе династии Сун, что для последователя Чжу Си довольно естественно. Все эти вазы, чаши и чайные наборы отличались хрупкостью и изяществом, представлявшими значительный контраст с лошадьёю эпохи Тан. Их красоте передавали чистые, почти строгие линии. Более всего как знатоков, так и простых ценителей поражала прозрачность даже самых обыденных сунских изделий, благодаря чему они как бы светились изнутри. Всем своим видом они соответствовали трезвой и весьма сложной философии того периода. Простота и строгость форм подчеркивали внимание к деталям, присущее великим философам.

Напоследок Ли решил полюбоваться цитрой. Китайская цитра, похожая на современную японскую кото, представляла собой многострунный музыкальный инструмент. Колки под струнами могли перемещаться, позволяя настраивать инструмент на любой лад, древний или современный. Такие цитры имелись в кабинетах многих ученых, но играть на них, подбирая лад, было чрезвычайно трудно. Однако супруги Ли музицировали неплохо, особенно госпожа Ли, и они часто составляли дуэт. При этом хорошая цитра, спутник образованного человека, считалась не только музыкальным инструментом, но и произведением искусства. Цитра судьи Ли была украшена перламутром и золотой проволокой. Он гордился тем, что его

инструмент не только отличается хорошим тоном, но и прекрасно сделан. Цитре также найдется место в новом кабинете.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Образованные китайки всегда писали стихи и высоко ценили поэзию. Древнейшее собрание китайских стихов «Книга песен» включает в себя многие произведения, написанные от лица женщин. Конечно, традиция утверждала, будто все эти стихи были написаны отнюдь не женщинами, а мужчинами, решившими говорить от лица женщин в художественных целях. Среди этих стихов есть самые ранние примеры китайских лирических произведений. В некоторых речь идет о политике или общественной жизни, но большинство касается таких вечных тем, как любовь и стремление найти себе спутника жизни. Позднейшие толкователи, очевидно, пораженные откровенными описаниями чувств, создали теорию, согласно которой все это только иносказания, описывающие политическую ситуацию или в аллегорической форме излагающие исторические события.

Ко времени династии Тан интерес женщин к поэзии значительно возрос — возможно, благодаря росту популярности городской поэзии вообще или широкому распространению книгопечатания. Эта тенденция продолжалась и в эпоху Цин, дойдя до нашего времени. Если в ранние периоды истории Китая встречались лишь отдельные поэтессы, то в периоды Мин и Цин возникла целая россыпь драгоценных сочинений, созданных женщинами.

Добавим к этому, что стихи и прозу писали также женщины в Корее и в Японии; их сочинения пользуются популярностью и поныне. Как Корея раннего средневековья, так и Япония представляли собой аристократические общества, а в таком обществе высокообразованные представительницы правящего класса пользовались более значительным влиянием и возможностью самовыражения, чем представительницы образованной прослойки Китая позднего имперского периода. Невозможно устоять перед очарованием японских романов или проникновенной корейской повестью о злключениях принцессы, чей муж умер от голода. Так что, как мы видим, на Дальнем Востоке женщины всегда обладали некоторым правом голоса, и сочинительство служило одним из главных средств заявить о своем видении мира.

В поздний период правления династии Мин (1560–1644) женщины образовывали поэтические клубы. Это позволяло образованным женщинам собираться вместе и обсуждать интересующие их темы, поэзию и переполнявшие их чувства. Список членов таких клубов мог охватывать почти всех образованных женщин того или иного города: вдов, дочерей, матерей и бабок государственных чиновников и даже куртизанок из дворцов удовольствий. Такова была сила поэзии, ломавшей все социальные барьеры.

В одном из рассказов эпохи Мин говорится о том, как некий наместник вернулся домой и увидел, что его жена принимает у себя поэтический клуб, в который входили наиболее знаменитые куртизанки того времени. В ответ на упреки разгневанного мужа жена заявила, что раз у жен и у куртизанок знакомые мужчины

одни и те же, то что им мешает встречаться и обсуждать поэзию? Интересно было бы услышать продолжение спора, но оно, к сожалению, до нас не дошло.

К 1685 году ситуация, однако, снова изменилась. Супруги Ли и помыслить бы не могли о том, чтобы принимать у себя образованных куртизанок. После завоевания Китая маньчжурами в обществе опять утвердились более строгие социальные нормы и представления о границах женской дружбы. Но и это не удерживало женщин от того, чтобы продолжать писать стихи и говорить о том, что перед поэзией и перед чувствами все равны.

Поэтический клуб собирался в личных покоях госпожи Ли. Женщины порой очень горячо спорили о роли чувств, особенно любви, в жизни образованных конфуцианских женщин, идущих по пути самосовершенствования, ведь в конфуцианском наследии по этому поводу не было единого мнения. Речь шла о том, какую роль эмоции играют в жизни человека и насколько глубоко коренятся они в человеческой природе. Фактически отношение к эмоциям в человеческой жизни было основным вопросом для некоторых конфуцианских школ.

Отличие конфуцианства от буддизма и даосизма в этом смысле состояло в том, что оно признавало право человеческих чувств и эмоций на существование. Буддисты и даосы могли не соглашаться с конфуцианцами, но те твердо держались реалистических представлений о человеческой природе и чувствах. Если эмоции — это нечто поверхностное, утверждали они, то почему буддисты и даосы так много говорят о том, что нужно избавиться от них и обратиться к пустоте

или Великому Ничто? На самом деле умеренно настроенные конфуцианцы, конечно, понимали, о чем хотели сказать буддисты и даосы. Представители этих религиозных школ говорили о том, что мир сложен и человек никогда не может быть уверен в том, что познает его своими чувствами и что эти чувства не уведут его с истинного пути, соблазнив призрачными надеждами. Всех нас порой увлекают эгоистичные чувства, и мы должны освободиться от своих себялюбивых желаний, которые побуждают нас любить только то, что нам нравится, и отворачиваться от того, что нам не нравится.

Конфуцианцы признавали необходимость сдерживать чувства, но не соглашались с тем, что высшая цель самоограничения — пустота или ничто. Все они, в том числе и супруги Ли, придерживались более реалистичного взгляда на мир. Супруги Ли и их друзья считали даже, что чувства необходимы и ценны сами по себе. Просто люди употребляют их во благо или во зло, но это зависит уже от воли людей. Вопрос заключался не в том, чтобы полностью избавиться от чувств и эмоций, а в том, чтобы найти правильный способ их выражения. Например, конфуцианцы утверждали, что человек вправе испытывать гнев, столкнувшись с социальной несправедливостью. Если же человек в таком случае проявляет равнодушие, то он идет вопреки собственной человеческой природе, как ее понимали конфуцианцы.

Некоторые образованные женщины поздней эпохи Мин вели с учеными весьма интересные споры. Речь шла о том, как мужчины-конфуцианцы относились к женщинам. Когда мужчин спрашивали, почему жен-

щинам нельзя заниматься делами за пределами «внутренних покоев», то многие конфуцианцы, вслед за Учителем Чжу говорили, что женщины слишком эмоциональны. Кстати, на этом основании женщин не допускали к общественным и политическим делам во многих странах и культурах. В ответ образованные дамы мастерски переиначивали доказательства Чжу Си в свою пользу.

Они признавали правоту Учителя Чжу. Да, женщинам не позволено выходить за пределы своей половины дома, за исключением редких визитов к знакомым и в храмы, поэтому у них много времени для того, чтобы задуматься о своих чувствах. Более того, поскольку женщинам не нужно готовиться к экзаменам, они больше времени уделяют искусству. Но то, что эмоции играют в их жизни более важную роль, чем в жизни мужчин, вовсе не означает, будто они недооценивают роль разума. Ведь немало женщин отличилось в таких ученых занятиях, как составление комментариев, исторических трудов и поэм.

Основной вопрос, по мнению женщин, заключался в том, получает женщина образование или нет. Если позволить женщинам получать образование в том объеме, в каком его получают мужчины, то они сравняются с мужчинами по своим интеллектуальным способностям. Кроме того, если все дочери, жены и матери будут образованными, то они смогут оказать еще большую помощь своим отцам, мужьям и сыновьям. Не все конфуцианцы признавали необходимость образования для женщин, но в некоторых семьях девочек обучали наряду с мальчиками. Иные отцы даже признавали, что сыновья у них куда глупее дочерей.

Но на этом спор не заканчивался. Какие чувства можно считать должными для образованной женщины? Теоретически процессу самовоспитания поддаются все чувства. Женщины спрашивали: не являются ли особенно важными чувства, которые возникают между представителями разных полов, потому что они самые сильные? Многие отвечали на этот вопрос положительно, и потому большинство поэтесс эпохи Мин считали описание романтической любви достойным с конфуцианской точки зрения.

В каком-то смысле вопрос о женщинах, поэзии и чувствах неразрывно связан с историей династий Мин и Цин. Когда гражданские войны и маньчжурские завоеватели окончательно разрушили династию Мин, китайская элита задавалась вопросом, почему пала эта династия. Особую остроту этому вопросу придавал тот факт, что ее сменила династия не китайского происхождения. Маньчжуры, конечно, изо всех сил старались показать себя достойными правителями, и из них вышли даже многие замечательные императоры — можно сказать даже, самые замечательные за всю историю Китая; но тем не менее для настоящих китайцев они всегда оставались завоевателями. В ранний период маньчжурского правления многие образованные люди отказывались занимать гражданские посты и сокрушались о гибели династии Мин.

Но вопрос о падении династии Мин все же оставался неразрешенным. Некоторые историки утверждали, что признаки упадка содержались в самой философии поздней эпохи Мин. Уж слишком она стала свободной, либеральной и даже вольнодумной. И все из-за того, что она пыталась угодить простолюди-

нам, уделять внимание чувствам, не способствующим духовному раскрепощению, а больше потворствующим нравственной распущенности. Поэтому казался необходимым возврат к строгим принципам, выраженным, например, в учении «школы принципа». Несомненно, «школа разума-сердца» породила многих прекрасных ученых, в том числе и Ван Янмина, но одновременно она способствовала усилению безответственной социальной активности. Слишком большой интерес к чувствам — это признак упадка. Образованные женщины эпохи Цин также много размышляли по этому поводу, и те из них, что публиковали прославленные цинские антологии женской поэзии, прислушивались к более трезвым и строгим суждениям мужчин; во всяком случае, о том, чтобы печатать стихи куртизанок, речь уже не шла.

Но чувства и эмоции по-прежнему оставались предметом горячих обсуждений в кружках вроде того, что вела госпожа Ли. Этим вечером члены ее кружка читали некоторые из упомянутых стихов эпохи Мин. После чтения одного из стихотворений, написанных в народном стиле, разгорелся спор. Хотя неизвестно, когда и кем написано это стихотворение, в нем говорится о нелегкой жизни женщины в притоне самого низкого сорта. Стихотворение довольно длинное; возможно, сначала это была песня с музыкальным сопровождением. Начинается оно с того, что молодую девушку семья продает содержательнице притона.

Со всей печалью блудницы
Я презираю своих родителей;
Вашей величайшей ошибкой
Было продать меня в переулок тумана и цветов;

Пристойность, добродетель, честь
 Ничего не значат для вас.
 В двенадцать и тринадцать я научилась играть и петь;
 Когда выросла,
 Меня принарядили и выставили напоказ.
 У меня есть платья, есть одеяла,
 А также булавки и помада.
 Когда наступает вечер,
 Страдая и стыдясь,
 Я взбираюсь на кровать из слоновой кости,
 Я бросаю взгляд на бессердечного грубияна.
 Посмотрите на него!
 В нем нет и капли изящества.
 Некуда бежать,
 Придется мне идти с ним под золотой навес,
 Вертеться и метаться, пока он мной не овладеет.

Далее проститутка продолжает сокрушаться в следующих выражениях:

Никогда уже я не увижу отца и матери,
 Никогда не приглашу сестру в свою комнату,
 Никогда не будет у меня сыновей и дочерей,
 возжигающих благовония,
 Никогда я не прославлюсь как изысканная жена богача.
 Сегодня нет у меня ни фамилии, ни мужа,
 На сердце у меня пустота, темнота и мрак.
 У меня только пара подобных нефриту рук,
 Обнимающих тысячи мужчин,
 И пара алых губ, целующих десять тысяч гостей.
 Когда я об этом думаю,
 Слезы струятся из моих глаз,
 Такая жизнь хуже ада.
 Я волнуюсь и не нахожу ответа,
 Чьей я буду в будущем?
 Мой плач пугает даже само Небо,
 Наверное, в моей участи виновата моя прежняя жизнь.

Единственный выход, на какой я надеюсь:
Однажды придет мужчина, полюбит меня
И спасет, предложив достойный брак.

В качестве контраста к этому печальному плачу другая женщина прочитала стихотворение известной куртизанки эпохи Мин по имени Лю Жуши. Лю Жуши занимала более высокое общественное положение и даже не стеснялась посвящать стихи своим образованным гостям, в том числе своему любовнику Цянь Цаньи:

Следуя за одной и той же рифмой, уважая гармонию,
Под освещенными занавесями, когда утихает песня,
Я ищу щетку
На разворошенной ветром кровати, где в беспорядке
лежат книги,

Я ищу заколку для волос.

Туман и вода Пяти Озер

Всегда останутся прежними.

Я хочу следовать за Чжи-И и плыть по быстрому
течению.

Здесь говорится о том, как любовники плыли в лодке Лю Жуши. Лодка и вода давно стали метафорами для места встречи любовников и для прихотливых, изменчивых человеческих чувств. Лю Жуши нельзя было назвать слишком скромной или пугливой. Однажды она даже встретила своего Цяня в мужском платье и разгуливала с ним, притворяясь женщиной. Лю также интересовалась военной историей и политикой. Ее воображение пленял образ «ньюся», или женщины-воительницы. Поэтому в менее бурную эпоху вряд ли такой превосходно образованной и отваж-

ной куртизанке удалось бы прославиться или занять почетное место среди достойных женщин. Цянь Цянь ответил на стихи Лю Жуши своими:

Герои лежат в земле под цветущей травой,
 Годы пробегают под небом, садится солнце.
 В брачном чертоге осенним светом
 В строгой ночи горит лампа.
 Вместе мы изучаем главу «Рассуждения о мечях»
 из Чжуан-цзы.

Нетрудно понять, почему такая поэзия с трудом согласуется с конфуцианскими представлениями. Умная и талантливая куртизанка жила так, как ей хотелось. Кроме поэзии Лю Жуши увлекалась каллиграфией и живописью. Знатоки продолжали восхвалять созданные ею шедевры еще долго после ее смерти, а умерла она в конце эпохи Мин, которую собой и олицетворяла.

Один из стихотворных ответов Лю Жуши своему возлюбленному прекрасно передает всю ее одержимость романтическими эмоциями.

В согласии с таинственной музыкой богини реки Сян,
 Соединяют Тыкву и Ткачиху [названия созвездий]

.....
 Любовь не поймет тот, кто ищет лишь простого
 подобия,
 Как ее измерить в невнятных речах?

Здесь Лю демонстрирует свой поэтический гений и классическое образование, ссылаясь на такие мифологические образы, как богиня реки Сян и созвездия, обладавшие богатым литературным символизмом.

Для степенного, размеренного мира такие стихи были слишком романтическими и эмоциональными.

В клубе разгорелся спор по поводу того, стоит ли писать такие стихи и достойны ли они чтения. Никто не сомневался в том, что они гениальны, но вопрос касался их моральной и эмоциональной сторон — возможно ли наслаждаться ими с конфуцианской точки зрения? Все женщины придерживались мнения, что в самих по себе эмоциях ничего плохого нет. Чтобы проиллюстрировать это положение, одна из них прочитала другое стихотворение, в котором глубокие чувства обрисовывались иначе.

Спокойное сидение

Спокойно сижу, праздно напеваю, улыбаюсь себе,
Достигла 69 лет, живу в нищете.
Из ткацкого станка выплывают новые узоры,
Из чернильного камня — маленькие рыбки.
В семье моей уже внуки, учу их читать,
В доме не хватает еды, но есть библиотека.
Удовлетворять все желания — прекрасно.
Огромный мир вокруг меня — лишь пустота.

Слушательницы немедленно отреагировали на это стихотворение. Прежде всего, многие заметили буддийские нотки в последнем предложении. Но госпожа Ли сказала, что это, возможно, всего лишь риторическая фигура и, кроме того, нет ничего плохого в том, чтобы использовать буддийскую образность для выражения конфуцианских идей. А разве это не поконфуциански, когда бабушка обучает своих внуков и подает пример своим дочерям и внучкам? Пустота здесь обозначает недостойную цель устремлений.

В минуты сомнений нужно помнить о том, что даже мудрецы и благородные мужи древности учили: следует избегать мирских удовольствий, которые скрывают истину за покровом призрачного благополучия. Кроме того, семью нельзя назвать совсем бедной, раз в ней сохранилась библиотека.

В том, чтобы наслаждаться скромными удовольствиями, нет ничего плохого, если только никогда не забывать о высших нравственных принципах. При этом госпожа Ли процитировала свое любимое стихотворение, написанное некогда одной женщиной в подражание древнему поэту:

Подражание Тао Цяню

Жить спокойно, невзирая
 На шумный мир —
 Вот моя природа.
 Забывать о дорогих булавах.
 Зеленая вода наполняет
 Пруды с цветочным ароматом.
 Холодные ветры покоятся
 В лиственных лесах.
 Рыбки резвятся среди мелких волн.
 Дикая птица поет
 Свои приятные песни.
 Наступает вечер,
 И, как всегда, начинается дождик.
 Белые облака густеют
 На высоких вершинах.
 Растения в саду омываются
 Живительной влагой.
 Над горными лугами
 Тучи посылают вниз потоки.
 Беззаботно и спокойно
 Устремляю вдаль мысли —

Все дальше, дальше и дальше,
Пока не захочется
Налить домашнего вина.

В китайской литературной традиции подражание, особенно мастерское, считалось знаком глубочайшего уважения.

После чтения этого стихотворения слово взяла пожилая женщина, процитировавшая дидактическое стихотворение. Такие стихотворения, ставившие целью поучение, также издавна вошли в классическую традицию. Некоторые древние комментарии к «Книге песен» утверждают, что основная цель всей поэзии — на примере изображения чувств научить человека истинной добродетели. Стихотворение прозвучало следующее:

Бань Чжао написал «Наставления женщинам»,
Чтобы мы знали, как правильно себя вести.
Я стыжусь своей глупости,
Неспособна исправить ошибки,
Но мне жалко смотреть на тех,
Кто заботится сегодня лишь о наружности, —
Прекрасно в них одно лишь платье.
Если не задумываться о нравственности,
То семью ждет позор.
Соберите девочек, пусть учатся,
Научите их отличать плохое от хорошего,
Пусть узнают основы —
Четыре добродетели, Три послушания,
Все древние правила.

Из уважения к возрасту читавшей все единодушно согласились, что это прекрасный пример нравственной поэзии. Она вдохновляла женщин на получение

знаний и отвращала от порока. В стихотворении говорится о том, какое место должно занимать в разуме-сердце женщины конфуцианское образование.

Кое-кому это стихотворение напомнило об одной женщине, жившей на рубеже эпох Мин и Цин. Фан Вэйи с младшей сестрой овдовели рано; третья сестра покончила с собой в знак скорби о падении династии Мин. У оставшихся сестер не было своих детей, но они посвятили жизнь самовоспитанию и воспитанию детей своей сестры. Овдовевшей племяннице, оставшейся с маленьким сыном на руках, Фан Вэйи адресовала следующие вдохновляющие строки:

Будь крепка как камень.
 Когда сын закончит ученье,
 Наступит день твоей славы и чести.
 Твое несгибаемое упорство просияет в истории,
 Многие поколения будут равняться на твою
 материнскую добродетель!

Все собравшиеся согласились, что это превосходный совет. Ведь в их обязанности входило воспитывать последующие поколения в духе «непоколебимой цельности», которая отличала справедливый и добродетельный характер истинного конфуцианца. И хотя женщины почти всю жизнь проводили во внутренних покоях, они никогда не забывали о том, чтобы воспитывать детей и направлять их на путь нравственного самосовершенствования.

Последующие поколения женщин стали критиковать уклад классического периода, средневековья и начала нового времени, не позволявший талантливым представительницам прекрасного пола более широ-

ко проявить свои способности в окружающем их мире. Тем не менее любовь к семье и нацеленность на получение образования никогда не ограничивались социальными условностями. Женщин, пожалуй, можно было назвать даже более добродетельными, поскольку жили они в крайне ограниченных условиях. Однако иногда приходит мысль: а не задумывались ли некоторые превосходно образованные женщины о том, что они не хозяйки собственной судьбы и собственной личности? Добродетель, талант и образование всегда наделяли их обладателя особым значением в глазах окружающих, поэтому любая женщина надеялась, что окружающие оценят ее исключительно за ум, талант и преданность истинным добродетелям.

Когда встреча подходила к концу, госпожа Ли решила спросить совета по поводу предстоящего бракосочетания любимой племянницы. Одна из старших ее подруг прославилась не только как поэтесса, но и как знаток теории и практики ритуалов. Госпожа Ли высказала ей некоторые свои сомнения, касающиеся именно женщин семьи, а не мужчин. Когда они с мужем и родственниками разрабатывали план предстоящего праздника, ей показалось, что не все согласны с ее взглядами на ритуалы.

Госпожа Ли родилась и воспитывалась в семье, где при совершении ритуалов строго следовали предписаниям Чжу Си. Но позже она узнала, что не все придерживаются таких строгих правил и что даже существует несколько вариантов известных ритуальных книг Чжу Си, в которых свадебный обряд может отличаться от того, к которому она привыкла. Госпожу Ли это волновало, и потому она решила обратиться к подруге.

Подруга согласилась, что действительно следует соблюдать все правила обряда и ритуала. Однако сам Учитель Чжу, соблюдая заветы своих собственных учителей, составляя свои книги, объединил и переделал некоторые ритуалы. Он руководствовался тем соображением, что в основе всякого ритуала лежит некая цель и что, согласуясь с этой целью, можно приносить некоторые изменения, в зависимости от времени года и географического региона. Например, на севере Китая, да еще зимой, вряд ли станут надевать платье, подходящее для южного лета. Если бы от невест требовали обязательного следования какому-то одному образцу, то многие из них просто замерзли бы или упали в обморок от жары.

Поэтому великий Чжу Си, как и сам Конфуций до него, допускал возможность некоторых изменений ритуалов. Конечно, основные элементы должны оставаться теми же. Когда госпожа Ли поведала о том, чего именно касались ее споры с родными, подруга посоветовала отделить главное от несущественного. Например, ставить разных членов семьи на разные места — это существенное или несущественное различие? И как дать ответ на такой вопрос?

Госпожа Ли тут же поняла логику, заключенную в вопросе своей подруги. Если, скажем, поменять участников ритуала так, чтобы младшим уделялось больше внимания, чем старшим, то тем самым проявляется неуважение к старшим, а это существенное нарушение. Но если расхождения касаются, допустим, двоюродных сестер или представителей одного поколения, то это не такое уж и большое расхождение с правилами. Поскольку спор госпожи Ли со своими родными ка-

сался именно места представителей одного поколения, то получалось, что он сводится именно к незначительным отличиям.

Подруга с ней согласилась и заметила, что существует несколько вариантов правил Чжу Си и что, в основном, это связано с региональными отличиями или местными обычаями. Если семья образованная и давно соблюдает ритуал по определенному образцу, то лучше следовать такому ритуалу и не привносить в него изменений, слепо придерживаясь того, что сказано в одной из книг Чжу Си. Главное — сохранить дух, а не букву брачного или какого-либо еще ритуала. Благодаря этому разговору госпожа Ли решила следовать ритуалу в той форме, в какой он принят в семье мужа, и гармония в их семейных отношениях была восстановлена.

Глава 8

НА ПУТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР

До сих пор по большей части мы описывали конфуцианство с позиций идеальной пары — супругов Ли, живших в 1685 году. Настала пора проследить, как конфуцианство развивалось во времени и в пространстве. Начиная с XIV века оно стало поистине международным явлением. И хотя многие полагают, будто это исключительно китайское культурное явление, оно давно уже перешагнуло границы Китая.

КОНФУЦИАНСТВО В ДРУГИХ СТРАНАХ

Конфуцианство распространилось в Корее, Вьетнаме и Японии еще на ранней стадии культурного развития этих государств, когда они перенимали его как часть столь уважаемой китайской культуры. Если верить древним мифам и легендам, то в Корее оно появилось очень рано.

Корейская легенда гласит следующее. Когда вследствие творимых беззаконий династия Шан пала и на смену ей пришла династия Чжоу, новые правители послали на территорию современной Северной Кореи своих управляющих. Поэтому позже корейцы утверждали, будто их страна непосредственно унаследовала традиции Чжоу. Ученые всегда сомневались в правдивости таких легенд, но недавние археологические исследования показали, что они не лишены доли истины. Правили ли чжоуские государи Кореей или нет, на самом деле не так уж важно. Важно то, что корейцы издавна привыкли считать себя частью дальневосточной цивилизации.

На другом конце китайского мира, на дальнем юге, располагался Аннам, то есть современный Вьетнам. Частью своей империи его сделала еще династия Хань. На протяжении последующих столетий китайцы то уходили из Вьетнама, то опять включали его в свое государство, пока в эпоху Мин они не пришли к мнению, что он не стоит затраченных на него средств и усилий. Несколько успешных восстаний доказали, что вьетнамцы не желают считать свою землю в очередной раз китайской провинцией и твердо намерены добиваться освобождения.

Но при этом вьетнамцы никогда не отвергали китайскую культуру и не переставали восхищаться ею. Наряду с другими сторонами китайской культуры они переняли и конфуцианство. Однако в отличие от Кореи и Японии нам мало известно о том, как оно развивалось во Вьетнаме. До нас дошли тексты на китайском и вьетнамском языках, но они пока еще не удостоились внимания ни западных, ни вьетнамских

исследователей. История конфуцианства во Вьетнаме еще ждет своего исследователя.

История эта важна еще и тем, что на протяжении столетий Вьетнам служил рубежом между Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией. Северная часть того, что называется Индокитаем, всегда оставалась частью дальневосточного культурного мира. Но по мере того как вьетнамцы продвигались на юг, они знакомились с индийскими традициями и перенимали их. Как и сам вьетнамский язык, культура Вьетнама представляет собой богатую смесь китайских и индийских элементов. Поэтому история развития конфуцианства во Вьетнаме — это еще и история взаимодействия культур двух великих стран — Китая и Индии.

КОРЕЯ

Основное развитие конфуцианства, по мнению современных исследователей, происходило на территории Кореи и Японии. При этом Корея, как и в других случаях, послужила посредником между Китаем и Японией. И хотя позже Китай и Япония установили между собой непосредственные торговые, культурные и дипломатические отношения, в годы становления японского государства китайское культурное влияние шло именно через Корею. Согласно некоторым данным, предки современных японцев также пришли в Японию из Кореи. Между этими двумя странами всегда наблюдались тесные взаимоотношения. Различные войны, а позже завоевание и колонизация со сто-

роны Японии ослабили культурные связи и отдалили друг от друга эти два народа.

Согласно теориям современных лингвистов, корейский и японский языки принадлежат к одной языковой семье. Это самые восточные представители ура-ло-алтайской макросемьи языков, которые распространены от Японии до Финляндии и на которых говорят народности Центральной Азии, Монголии и Маньчжурии. Об этом часто забывают, ведь как корейцы, так и японцы заимствовали письменность из Китая, а литературный китайский был у них языком учености. Составлять научные труды на корейском и японском стали относительно недавно.

С течением столетий в ходе политического и культурного развития Корея и Япония создали общества, радикально отличавшиеся как от китайского, так и друг от друга. Одним из ключевых пунктов стала роль конфуцианства в традиционном образе жизни населения этих стран. Например, не будет преувеличением сказать, что хотя о конфуцианстве знали еще с периода средневековья, широкое официальное распространение оно получило позднее. В самом Китае конфуцианство получило официальный статус в период правления династии Хань. В Корее же его признали только после основания династии Чосон в 1329 году. В Японии конфуцианство так и не стало официальной религией. Оно являлось лишь частью государственной идеологии сёгуната Токугава после 1600 года.

Наряду с различиями в подходе к конфуцианству в Корее и Японии наблюдались различия в социальной организации общества. В отличие от Китая, пос-

ле XI века в обеих этих странах основным классом оставалась аристократия. И хотя после 1329 года Корея учредила систему экзаменов для занятия государственных должностей, принимать участие в них могла лишь небольшая часть мужского населения. Сдавать экзамены не имели права даже сыновья высокопоставленных сановников, рожденные от наложниц. Также надо отметить, что в Корее сохранялось рабство в течение долгого времени после того, как оно было отменено в Китае. Корейское общество было жестко разделено на классы. Хотя конфуцианство приобрело статус официальной идеологии, войти в правящую элиту могли лишь члены так называемых «янбань» (родов, контролировавших Корею в конфуцианскую эпоху).

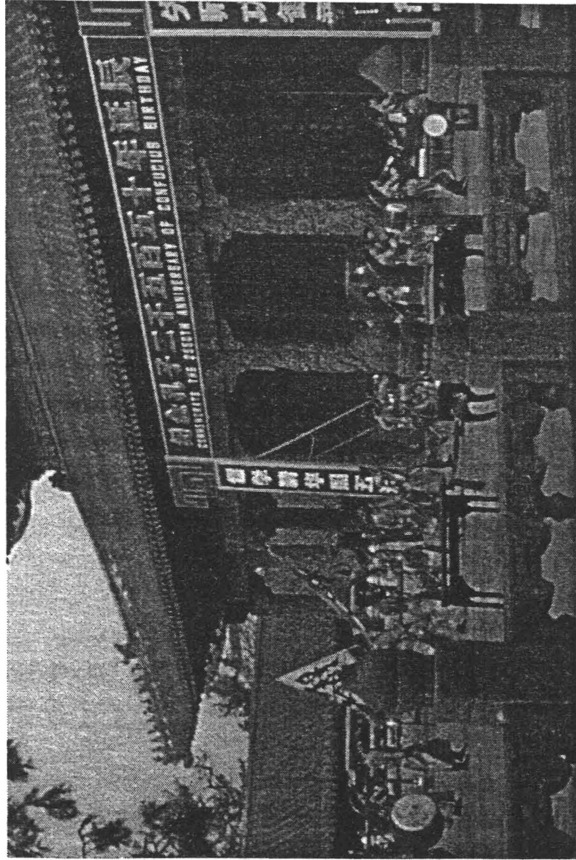
До 1329 года многие корейские ученые интересовались конфуцианством, но основную роль в обществе играла буддийская община с ее сложным и развитым учением. Как и позже в Японии, ученые монахи иногда совмещали буддизм с конфуцианством. Однако после основания династии Чосон в 1329 году статус конфуцианства радикальным образом изменился. Эта династия правила вплоть до 1910 года, то есть до того времени, когда Япония захватила Корею и сделала ее частью своей империи. Таким образом, династия Чосон из всех конфуцианских династий Дальнего Востока правила дольше всех. В 1329 году юный король и его советники решили, что конфуцианство как нельзя лучше подходит в качестве государственной идеологии для молодой династии.

Более того, династия Чосон не удовлетворялась простым признанием конфуцианства, она еще

и утвердила учение Чжу Си о принципах в качестве главной доктрины. После принятия «школы принципа» интеллектуальное и социальное развитие приняло оборот, невиданный на всем Дальнем Востоке. Например, хотя корейцы знали о других школах и направлениях мысли китайского конфуцианства, они твердо придерживались учения одного лишь Учителя Чжу. В отличие от Китая или Японии, в Корее не существовало других школ, которые могли бы бросить вызов официально признанной школе. Все корейские ученые вплоть до падения династии для сдачи экзаменов должны были изучать труды Чжу Си.

Не имеют аналогов и социальные последствия такого выбора. Корея, единственная во всей Восточной Азии, стала самой конфуцианской страной и гордилась этим. После падения династии Мин в 1644 году и завоевания Китая маньчжурами корейцы даже утверждали, что их страна единственная следует правильному учению. Для такого утверждения были свои основания. Корейцы не только обогатили сложное учение «школы принципа», но и строго следовали ему на практике.

Например, никто, кроме корейцев, не соблюдал настолько строго предписания «Семейных ритуалов» Учителя Чжу. Как мы видели, многие китайские ученые допускали изменения ритуалов Чжу Си и предполагали, что их можно приводить в соответствие с местными или семейными обычаями. Но в Корее дело обстояло по-иному. Даже в 1329 году, когда корейское общество еще не стало полностью конфуцианским, чосонский двор и представители «янбань» стремились свято следовать предписаниям Чжу Си во всем.

Артисты в маньчжурских костюмах разыгрывают перед храмом Конфуция в Цюйфу сложный ритуал приветствия, основанный на описании конфуцианских церемоний. В 1999 году отмечалась 2550-я годовщина со дня рождения великого мудреца, и по этому случаю в Пекине и Цюйфу проводились торжества международного масштаба. Интересно, что в 1999 году отмечалось также 50-летие с момента установления коммунистической власти в Китае

Особенно интересно проследить влияние такого строгого требования соответствия теории и практики на примере свадебного ритуала. Корейцы распространили теоретические предписания свадебного ритуала Чжу Си на всех членов общества, а это означало радикальные перемены в прежних корейских ритуалах. Корейские женщины из знатных семей обычно играли значительно бóльшую роль в обществе, чем образованные китайки, хотя следует заметить, что как в Корее, так и в Китае у женщин было значительно больше прав, чем в средневековой Европе.

Антропологи утверждают, что самые стойкие традиции наблюдаются в сфере брачных ритуалов и еды. Даже после смены языка народ продолжает следовать этим ритуалам и употреблять прежние пищевые продукты. Корейская кухня осталась прежней, а вот свадебный ритуал изменился коренным образом. После 1329 года никто так не следовал предписаниям Чжу Си, как корейцы. Права наследования, права старшинства, положение вдов и другие вопросы — все это было изменено в соответствии с китайской моделью. Поэтому корейцы с полным правом утверждали, что по сравнению с самими китайцами они лучшие приверженцы конфуцианства.

Что касается конфуцианской философии, то и ее корейцы сначала усвоили, а затем переработали. Самый известный пример такого творческого подхода — спор «четыре — семь» в XVI столетии. О сути этого спора нельзя догадаться по названию. На самом деле речь шла о том, сколько существует основных эмоций. В одних классических сочинениях говорилось,

что четыре, а в других — что семь. Как же примирить между собой столь разные утверждения?

В основе споров лежало предположение о том, что древние мудрецы, дав противоречивые перечни эмоций, руководствовались какими-то разумными доводами. Все стороны в конечном счете согласились, что был такой довод, который можно вывести из философии Чжу Си и других конфуцианских ученых эпохи Сун. Предполагалось, что различие между четырьмя и семью эмоциями заключается в разделении эмоций на два различных состояния человеческого разума-сердца. Одно состояние было названо «первичным», а другое «последующим». Это значит, что эмоции можно рассматривать до того, как на них воздействуют явления окружающего мира; таким образом мы получаем представления о глубинных структурах наших чувств, на которые пока не оказывают влияния посторонние силы. Но после контакта с окружающим миром появляются другие эмоции, которые входят во второй перечень.

Однако это не снимает вопроса о том, как эти два перечня эмоций соотносятся друг с другом? Философский ответ на это можно найти в других частях учения Чжу Си. Как нам уже известно, Учитель Чжу говорил о том, что существует идеальное состояние, состояние принципа, который воплощается в силе, конкретном мире вещей, событий и людей. Принцип всегда один и тот же, но его проявления могут быть различными, в зависимости от того, сколько силы было дано человеку при рождении. Поэтому и человеческая природа как принцип у всех одинакова, но жизненная сила у людей различна, отчего происхо-

дят различия между людьми в реальном мире. Конфуцианские ученые утверждали, что первичные эмоции являются принципами, а последующие проявляются как реакция на изменчивый мир жизненной силы.

Правда, труды, в которых объясняется разница между эмоциями, не обсуждались в ходе спора «четыре — семь». Корейские ученые при этом чувствовали, что в такой формулировке кроется нечто большее, несмотря на кажущееся ее соответствие трудам Чжу Си. Трудность скрывалась в объяснении природы самого принципа. Иначе говоря, корейские ученые задумывались над тем, каким образом реальная жизненная сила подчиняется абстрактному принципу, под которым понимают формальную первооснову всякой вещи или явления. Или, по выражению неизвестного китайского ученого, как мертвый принцип скачет на живой лошади жизненной силы? Кроме того, кажущееся фундаментальным разделение принципа и жизненной силы, описываемое в трудах Чжу Си, противоречит другим постулатам сунской школы. Когда ученики спрашивали, представляют ли принцип и жизненная сила нечто отдельное друг от друга, Чжу Си отвечал, что принцип и жизненная сила находятся повсюду и что они неразрывно связаны со всеми объектами, явлениями и людьми.

Спор длился долго, с различными отступлениями, но основной вопрос оставался прежним: в чем заключается природа принципа? Мертвый ли это образец или он содержит в себе семена жизни? Основная особенность этого спора состояла в том, что он касался именно той области учения, что была разработана великим учителем Чжу Си. И хотя мы не будем следо-

вать за всеми поворотами дискуссии, ясно одно — задавая вопросы и занимаясь поисками ответов, корейские мыслители вышли на новый уровень теоретических рассуждений. Даже под конец спора они все еще продолжали вносить уточнения в свои доводы. Так что можно сказать: корейские конфуцианцы не только изменили свадебные ритуалы своего народа, но и расширили границы конфуцианской философии.

Спор продолжался два поколения, и все участники отличались терпимостью, благорасположением и стремлением идти друг другу навстречу. Никто ни разу не заявил, что оппонент недостаточно твердо придерживается конфуцианских правил или плохо знает предмет. Предполагалось, что спорят между собой конфуцианцы, желающие лучше понять связь между человеческой природой и этическим принципом. Никто никого не оскорблял и не использовал недопустимые интеллектуальные приемы. Если кому-то казалось, что оппонент не прав, он так и говорил, руководствуясь той мыслью, что несколько умов быстрее разрешат все вопросы, нежели один.

Помимо того что этот спор касался неоконфуцианских теоретических основ, он затрагивал и духовные аспекты. На определенной стадии возник вопрос — что же означает каждый из перечней эмоций? Как мы помним, один из них назвали «первичным» в том смысле, что эти эмоции связаны с внешним миром объектов, явлений и людей. Значительное время заняло определение того, каким образом эти термины соотносятся с классическими текстами и неоконфуцианскими комментариями. Однако в споре были заметны и более практические нотки. Так, например,

задавался вопрос, возможно ли испытывать четыре первичных эмоции, если человеческая жизнь так сильно зависит от окружающего мира? И разве «испытывать» не значит понимать то, что лежит за пределами разума-сердца каждого конкретного человека?

Великие корейские мыслители соглашались с тем, что необходимо не только понимать или анализировать философские постулаты учителя Чжу, но и воплощать их в своей жизни. Здесь философия близко подходит к тому, что на Западе называется религиозным поиском. Однако конфуцианство лучше рассматривать как единое целое, единый подход к жизни. Конечно, такие великие философы, как Чжу Си, и его корейские ученики Йи Тхёге (1501–1570) и Йи Юльгок (1536–1584), основные участники спора «четыре — семь», очень хорошо понимали различие между анализом и духовным прозрением. Тем не менее они придерживались мнения, что как анализ, так и духовное прозрение составляют единый процесс осознания и действия, который нельзя разделить на совершенно независимые компоненты. Существует только одна форма жизни, хотя и в разных проявлениях.

С точки зрения морального усовершенствования, для продвижения к цели важны обе группы эмоций или чувств — как первичные, так и вторичные; как до контакта с объектами, явлениями и людьми, так и после него. Именно из-за признания единства интеллектуального и духовного корейские мыслители так долго и рассуждали о природе принципа. Они утверждали, что весь мир живой и, следовательно, должен включать в себя принципы в качестве нормативных элементов че-

ловеческой природы. Не может быть никакого «чистого» принципа или абстрактной идеи, никак не связанной с этической составляющей жизни.

ЯПОНИЯ

Как уже говорилось, развитие конфуцианства в Японии отличалось от его развития как в Китае, так и в Корее. Одной из самых важных особенностей является то, что конфуцианство стало жизненной силой японского общества позже буддизма — другого этико-религиозного учения, также заимствованного из Китая. Судя по тем скудным источникам, какие имеются по раннему периоду Японии, конфуцианство было привнесено туда с Корейского полуострова. К тому времени, когда в VI—VII веках образовалось первое государство по китайскому образцу, конфуцианство уже вошло в жизнь японцев, хотя и не совсем прочно. Однако самая первая японская «конституция» принца Сётоку, провозглашенная в 604 году, содержала предписания, составленные по китайскому образцу. Таким образом, японцы издавна признавали, что в делах управления государством конфуцианство все-таки предпочтительнее буддизма.

Но расцвет конфуцианства в Японии приходится на другую эпоху, а именно на период правления сёгунов Токугава, пришедших к власти в начале XVII века. До этого времени конфуцианство изучали как часть китайского культурного наследия, но придавали ему меньшее значение по сравнению с буддизмом. Духовные и интеллектуальные устремления японской элиты

в основном ориентировались на буддизм, в котором появились такие новые секты, как «дзен» и «Чистая земля». Помимо этого японцы сохранили многие из традиций классических школ буддизма, исчезнувшие в Китае и даже в Корее. Буддийские монастыри часто становились школами для духовных лиц и мирян; в них наряду с другими предметами преподавали конфуцианство. Хотя конфуцианство не играло особо важной роли в интеллектуальной жизни Японии, образованные буддийские монахи следили за развитием конфуцианской мысли в Китае и хранили конфуцианские тексты. Сунское неоконфуцианство, например, пришло в Японию вскоре после его возникновения в Китае — но опять же, оно не оказывало особого влияния до последующей эпохи.

Однако с установлением власти Токугава (1600 г.) положение вещей изменилось и конфуцианство окончательно вышло из-под опеки буддизма. Здесь следует подробнее рассмотреть структуру этой власти. Во-первых, важно помнить о том, что представители рода Токугава носили титул сёгуна. Сёгун не был императором или царем; формально он считался военным главнокомандующим Японской империи. Тогда каковы же были отношения сёгуна и императора? Император правил, но не отдавал приказы и продолжал жить в своем дворце, расположенном в старой культурной и политической столице Киото. Теоретически сёгун управлял государством от имени императора, хотя вся реальная власть находилась в руках сёгуна и его подчиненных, включая представителей в Киото.

Сёгуны Токугава пришли к мнению, что им необходима новая идеология для обоснования своего

правления. Они считали, что старое обоснование сёгуната изжило себя и причины его неудачи были всем ясны. До того как Токугава объединили Японию, страну сотрясали междоусобные войны и конфликты. Токугава твердо решили вернуть в Японию мир и порядок. Для упрочения своей власти они назначали управляющими ключевых феодальных поместий своих верных сторонников. И хотя представители рода Токугава позволили вернуть земли некоторым своим соперникам, особенно в южной части Японии, они всегда поддерживали свое военное превосходство и не давали противникам возможности лишиться себя власти.

Во время войн за объединение, приведших к образованию сёгуната Токугава, феодальные властители возглавляли далеко не все сражения. Некоторые из них возглавляли различные буддийские секты. И хотя это может показаться необычным, многие буддийские храмы и монастыри содержали свои армии воинов-монахов, защищавших земли от нежданных гостей. Почувствовав вкус светской власти, многие буддийские монахи, руководившие своими войсками, не захотели отказываться от всего, что они получили за время борьбы с феодалами. И поскольку свежа еще была память о том, как буддисты принимали живое участие в борьбе за власть, Токугава в своих поисках новой идеологии решили не полагаться на это религиозное учение.

А реальной альтернативой, конечно же, оставалось только конфуцианство. Причем оно казалось довольно привлекательным, и потому многие представители рода Токугава охотно брали его на вооружение.

Они поняли, что конфуцианство поможет им не только создать крепкое государство, но и управлять им. При этом не стоит забывать, что Япония — это все-таки не Китай, и правители Токугава не до конца полагались на китайское учение. Они и не пытались воссоздать копию китайского государства с неоконфуцианством в качестве официальной идеологии.

К тому же Токугава вовсе не стремились преобразовать Японию в образцовое конфуцианское государство по образцу Кореи эпохи династии Чосон. Прежде всего Токугава были военными предводителями, и поэтому они понимали, что популярность у самураев, поддерживающих их власть, исключительно гражданскими методами завоевать невозможно. Противовесом конфуцианству мог послужить самурайский кодекс чести. И с этой задачей сёгуны Токугава справились превосходно. Они правили Японией вплоть до реставрации Мэйдзи в 1868 году, во время которой было восстановлено непосредственное правление императора. Причем падение сёгуната было обусловлено в основном противостоянием с западными державами после прибытия к берегам Японии американской эскадры в 1853 году, а не внутренними противоречиями.

Творческая переработка основ конфуцианства привела к появлению многих уникальных черт, свойственных исключительно Японии. Один из наиболее интересных примеров касается того, что конфуцианство вошло в строгое феодальное общество, в котором верность господину считалась наивысшей добродетелью. Мы уже знаем, что в китайском обществе под верностью подразумевается прежде всего верность родите-

лям, а не преданность правителю. Кроме того, после эпохи Хань Китай уже никогда не был полностью феодальным обществом в том смысле, в каком им была Япония.

Что же касается японских конфуцианцев, они прежде всего восхваляли верность господину, затем — сёгуну и в конечном счете — императору. Другой характерной особенностью японского общества была вера в божественное происхождение императора. В отличие от Китая и Кореи, династии в которых регулярно сменяли друг друга, в Японии был распространен миф о том, что императорский род происходит от богов, сотворивших землю Японии. Считалось, что порядок в обществе поддерживается благодаря непрерывной цепи приказов от императора к сёгуну, от сёгуна — к феодальным владикам, от феодальных владык — к самураям и от местных аристократов — к простолюдинам.

Другим следствием приверженности японцев к феодальным общественным установлениям стал отказ от системы всеобщих экзаменов. Таким образом, дорога к власти талантливым представителям широких слоев населения была закрыта. Токугава придерживались мнения, что не следует смешивать народ и элиту, то есть членов общества в ранге самурая и выше. Место в обществе определялось происхождением. Экзамены проводиться могли, но только среди самураев. Как и в Корее, поступить на государственную службу могли только аристократы.

Любопытно, что отсутствие всеобщей экзаменационной системы не помешало развитию японского конфуцианства в XVII—XVIII веках. Японские конфуци-

анцы в основном были феодальными землевладельцами на службе у правителей провинций («дайме»). Такая система управления способствовала особому интеллектуальному развитию. В частности, ведущие школы ориентировались скорее на учение Ван Янмина, нежели на учение Чжу Си. В Корее этого не случилось.

Вследствие особых нравственных требований феодальной системы — мы уже упомянули преданность своему господину — многие японские конфуцианцы прекрасно понимали, что их общество очень сильно отличается от китайской или корейской модели. Некоторые конфуцианцы ратовали за унификацию обычаев, ведь, как они утверждали, Небо одно, и повеление Небес касается как Китая, так и Японии. И хотя обычаи той или иной местности могут немного отличаться в деталях, основные принципы конфуцианства должны касаться всех стран без исключения.

Другие же ученые восхищались уникальностью исторического пути Японии и посвящали себя исследованию ее прошлого. Это привело к отказу от универсализма и от признания китайской культуры в качестве нормы. Так, к примеру, некоторые ученые заявляли, что политическая система Японии лучше, потому что она основана на божественном происхождении правящего дома. Японский император обладал божественным статусом, а не был просто человеком, как в Китае (или Корее). Именно в эпоху сёгуната Токугава наблюдается увеличение интереса ко всему специфически японскому, например к древним формам религии. Некоторые даже полагали, что возможно совмещать почитание синтоистских духов «ками» и конфуцианство.

Еще одна особенность состоит в том, что в великом городе Эдо (современный Токио) и других крупных городах основывали конфуцианские школы для выходцев из семей богатых торговцев. Одним из следствий правления Токугава стал рост городов и развитие экономики. А поскольку самураи не позволяли себе марать руки торговлей, то все больше власти переходило к образовавшемуся со временем слою богатых купцов. Для того чтобы их сыновья и служащие получали образование, крупные торговые заведения и банки учреждали свои конфуцианские академии. Эти академии предоставляли основательное конфуцианское (а также торговое) образование, что видно по диспутам, которые вели выходцы из этих заведений и конфуцианцы из среды самураев. Конечно же, уважение к основам конфуцианства высказывали обе стороны.

Среди простолюдинов возникло движение конфуцианцев, проповедующих на японском языке. Они даже написали популярные гимны и книги для детей, в которых основы конфуцианства разъяснялись крестьянам, городским беднякам и деревенским жителям. В XVIII веке появились общества, в чем-то походившие на методистское движение, основанное в Англии Джоном Уэсли. Как Уэсли, так и Тесима Тоан (1718–1786) полагали, что простому народу не хватает надлежащего образования и воспитания. Оба они учредили небольшие классы для занятий, в которых знакомили простых людей с религиозным учением. Таким образом конфуцианство, которое до того времени бытовало по преимуществу в среде самураев, распространилось во всех классах и еще плотнее вплелось в ткань японского общества.

Среди японских конфуцианцев наблюдался и расцвет философской мысли. В качестве примера можно взять труды таких мыслителей, как Кайбара Эккен. Хотя сам Эккен называл себя последователем Чжу Си, его философскому подходу свойственна определенная самобытность. Например, он полагал, что принцип, как и Великий предел, — это формальное обозначение для первичной жизненной силы. Эккен также признавал ценность сомнений. Он даже утверждал, что сомнения расширяют грани познания.

Итак, говоря вкратце, японское конфуцианство периода Токугава отличалось самобытностью и новизной. Японские ученые, как и их корейские и вьетнамские коллеги, доказали, что конфуцианство с полным правом можно назвать международным движением. В определенном смысле можно даже утверждать, что благодаря им современное конфуцианство превратилось в мощную силу, способствующую движению к глобальному обществу.

КОНФУЦИАНСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

В конфуцианстве до сих пор сохраняются черты, характерные для раннего периода культурной жизни Дальнего Востока. Однако какое-то время казалось, что конфуцианство как учение исчерпало себя и стало мертвой традицией. К началу современной эпохи Вьетнам стал французской колонией, а Корея была аннексирована Японией. Сама же Япония, стремясь к военному и политическому господству в регионе, решила избавиться от конфуцианских элементов иде-

ологии периода Токугава. Успех реставрации Мэйдзи затмил то влияние, какое конфуцианство оказало на японский образ жизни. В Китае революция 1911 года обозначила конец китайской империи и всего официального конфуцианства. Время требовало, чтобы вся Восточная Азия переходила на новый путь развития, во главе которого шли западные государства. И в новой картине мира конфуцианству места не находилось.

Ранние попытки модернизировать конфуцианство были связаны с тем же стремлением построить жизнь по западному образцу. В случае с Японией, которая быстрее и успешнее всех перешла на новые рельсы, это означало заимствование разнообразных достижений западного мира. Например, для реформирования императорского флота японцы пригласили англичан, а для реформирования армии — немцев. Французские и американские специалисты также помогали им в промышленности, медицине, политике и культуре. Однако после первой волны заимствований японцы поняли, что можно проводить модернизацию и не отказываясь от своего культурного наследия. В период Мэйдзи наблюдался также возрастающий интерес к буддизму и синтоизму, как со стороны исследователей, так и со стороны рядовых жителей.

Конфуцианству было трудно устоять в меняющемся мире во многом из-за того, что оно отождествлялось с прежним политическим режимом. Если конфуцианство являлось основным из главных элементов восточной культуры и если Дальний Восток значительно отставал от западных стран, то отсюда делался вывод, что в этом отставании во многом виновато

конфуцианство. Исходя из этого предлагалось совсем избавиться от устаревшего учения. Здесь следует заметить, что стремление перестроить жизнь на западный образец не затрагивало религиозных аспектов. Несмотря на продолжительную деятельность миссионеров, обитатели Восточной Азии вовсе не стремились перейти в христианство, тогда как научные достижения и политические схемы они воспринимали весьма охотно. Конечно, имелись и исключения, например Корея и Филиппины, в которых появились самые большие общины христиан.

Такому традиционализму в духовной сфере предлагается несколько объяснений. Согласно первому, религиозные верования консервативны по самой своей природе. Консерватизм принимает различные формы и не обязательно должен быть реакционным. Неоконфуцианцы, например, консерваторы в том смысле, что они продолжают традиции конфуцианства, но вместе с тем резко критикуют образ мысли и действий своих предшественников и ратуют за реформы. Согласно их мнению, и в конфуцианстве есть нечто достойное уважения. В период реставрации Мэйдзи то же самое утверждалось относительно японской культуры.

Практическая стратегия, разработанная интеллектуалами Восточной Азии в ответ на требования модернизации, включала в себя и типично конфуцианские разработки. Такова, например, теория о сути и функции. Согласно этой теории, каждая культура, как и всякий объект, явление или человек, имеет сущностные и функциональные свойства. Сущностные свойства определяют то, чем является объект или явление,

тогда как функциональные свойства по-разному проявляют сущность. Смысл теории в том, чтобы сохранить конфуцианскую культуру как сущность цивилизации, воспользовавшись западными техническими достижениями для политического усиления своей страны. Таким образом, вполне допустимо перенять научные и технические достижения Запада для сохранения конфуцианских этических норм.

Такой взгляд на восточные ценности и западную науку и технологии (причем демократия рассматривается как современная политическая технология) в Китае и Японии возник более или менее одновременно, но имел совершенно разные последствия. Японцы с самого начала приветствовали перемены и готовы были на радикальную и даже тотальную модернизацию. Но они же первыми и поняли, что отделить суть от функции не особенно легко.

Прекрасным примером могут послужить духовные ценности и духовная практика. Можно ли стать «современным», не перенеяв западные духовные ценности, например христианство? Как отдельные японцы, так и все общество пришли к выводу, что для того, чтобы воспользоваться западной модернизацией, становиться христианином не обязательно. Но японские интеллектуалы поняли, что модернизация неизбежно влечет за собой определенные перемены в духовной и религиозной сферах, как и во всем, что она затрагивает.

Китайский вариант оказался менее удачным. Китайцы все больше и больше отставали от японцев, пока не потерпели сокрушительное поражение в японо-китайской войне 1895 года. Она оказалась потря-

сением для всей китайской системы. Именно тогда многие китайцы начали задавать себе вопрос, а можно ли пересадить все западные ростки на китайскую почву. Все больше интеллектуалов приходило к мысли, что модернизация не происходит быстро и легко, что невозможно без труда отделить сущность от функции. Они утверждали, что западная культура и технология представляют собой как бы единый пакет и что важные преобразования по западному образцу нельзя провести без перемен в культуре. В частности, высказывались предположения, что китайская модель должна перенимать только самое основное. Эти доводы были направлены как против конфуцианства, так и против христианства. Ведь если христианство и является образующим элементом западной культуры, то оно давно стало формальным элементом, играющим не особенно важную роль в современном мире. И вообще религия на Западе давно утратила свое лидирующее положение. Поэтому если Китай намерен как можно скорее встать на путь развития, то он должен перенять наиболее «прогрессивные» формы западной культуры. Радикально настроенная интеллигенция начала XX века не верила, что христианству или конфуцианству вообще найдется место в современном Китае. Настоящий спор разгорелся по поводу того, должен ли Китай следовать по либеральному, прагматичному и демократическому пути реформ либо совершить резкий скачок, на что давало надежды коммунистическое движение. Как известно, после гражданской войны, нападений внешних врагов, оккупации со стороны Японии во время Второй мировой войны и образования Китайской Народной Рес-

публики в 1949 году Китай выбрал наиболее радикальный путь модернизации, а именно революционно-коммунистический.

Но стоит вспомнить, что многие, кому западный мир казался прогрессивным, содрогнулись, узнав об ужасах Первой мировой войны. Если западная культура столь прогрессивна, то почему она оказалась неспособной предотвратить массовую бойню? Как следствие возродился интерес к традиционным гуманным и духовным ценностям. Возможно, кое-что стоило спастись от бездушной модернизации по западному образцу.

Именно на волне надежд на возрождение конфуцианской философии и культуры в Китае возникло движение «нового конфуцианства». Правда, гражданские и мировые войны, закончившиеся победой коммунистов, задержали процесс обновления традиционной идеологии. В Корее и Японии ситуация была иной. Корея была оккупирована Японией, и, хотя конфуцианство продолжало играть важную роль в частной жизни корейцев, происходило это под строгим надзором японских властей. В Японии, также стремившейся возродить традиционные ценности, любое проявление критической мысли сдерживалось растущей милитаризацией. Все добродетели в Японии блекли перед верностью императору и набиравшей могущество Японской империей.

После Второй мировой войны Восточная Азия прошла через очередной период крутых перемен. Япония, наиболее модернизированная страна региона, потерпела поражение в войне, и большая часть ее инфраструктуры была разрушена. Милитаристская верхуш-

ка была свергнута и вместе с ней — все политические и экономические теории военного государства. Конечно, критике подвергались и различные аспекты конфуцианства. Его называли попустительским и потворствующим милитаристскому командованию. Даже относительно модернизированное конфуцианство не могло предотвратить выявление самых темных сторон японской культуры, приведших к краху всего довоенного государства.

Однако после коммунистической революции в Китае и возрождения японской промышленности ситуация начала меняться. Во-первых, налицо так называемое восточно-азиатское экономическое чудо — приемники и телевизоры «Сони», а также автомобили «Тойота», заполонившие улицы многих городов мира, в том числе и Северной Америки. Япония восстала из пепла и превратилась во вторую по развитости страну мира. За Японией вскоре последовали Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. Эти четыре небольших государства даже называли «малыми драконами» за небывалые темпы индустриализации.

Для объяснения быстрого экономического успеха Японии, Южной Кореи, Тайваня и Сингапура предлагались самые разнообразные теории. Некоторые ученые и историки даже начали задаваться вопросом: а не существует ли особого, восточного пути модернизации и индустриализации, сравнимого с западной индустриальной революцией XIX — начала XX веков?

Специалисты по всему миру пытаются понять, что общего между динамично развивающимися восточ-

ноазиатскими странами и их культурами. Самое первое, что приходит на ум, — их общее конфуцианское прошлое. Неожиданно конфуцианство вновь оказалось в центре внимания, правда, в радикально преобразованной форме. Восточную Азию никто теперь не назовет отсталой или развивающейся. Предполагается, что все эти страны и даже Китай после реформ 1979 года предлагают иной подход к богатству и политике, отличающийся от западноевропейского и североамериканского.

Согласно новой гипотезе, конфуцианство накопило разного рода культурный капитал, пригодившийся для успешной модернизации Восточной Азии. В него входит многое: уважение к семье (в широком смысле — даже ко всему роду), стремление получить образование, почтение к мудрым старикам, желание добиться всеобщего, а не узко личного благосостояния и успеха, готовность трудиться не покладая рук и отказ от немедленной прибыли в пользу дальнейшего развития. Таким образом, конфуцианство считается уже не тормозом для экономики, а наоборот, спасительным средством решения многих социальных и культурных проблем. Даже кризис конца 1990-х не смог задержать общий экономический рост региона.

Культурное будущее конфуцианства не столь ясно. Все современные конфуцианцы понимают, что невозможно вернуться к прошлому, к изначальному состоянию вещей. Да это и не нужно, ведь всегда имели место какие-то реформы: конфуцианство росло, развивалось, переходило от одной стадии к другой. Взять для примера тексты неоконфуцианцев, которые говорили о необходимости преобразований в обществе и

в душе человека. Всегда необходимо сверять основы традиции с современными требованиями. При этом важно понимать, что сейчас конфуцианцы живут в очень сложном и большом мире. Прежнее стремление к культурной и политической изоляции, принимавшее порой даже формы полного неведения, в современной Восточной Азии исчезло. На смену ему пришло стремление сохранить свою культуру и при этом перенять все полезное из культур других народов и регионов мира. А в эпоху Интернета другое решение, пожалуй, и невозможно.

Так каким же может стать «новое конфуцианство»? Первый урок истории состоит в том, что оно способно принять разные формы в Китае, Корее, Японии, Вьетнаме и в таких местах, как Сингапур. Кроме того, конфуцианство быстро выходит за границы Восточной Азии. Мы уже говорили о том, что оно стало поистине международным движением. Теперь же оно вступает в глобальную стадию. Этому способствует прежде всего расселение выходцев из Китая и Восточной Азии по всему свету. Так, появилась довольно обширная диаспора китайцев в Северной Америке. Второй фактор — это то, что выходцы из Восточной Азии далеко не едины в осознании глобального характера современной цивилизации. Конфуцианство, как и другие азиатские формы философии и духовности, пришло на Запад в то время, когда он ищет новые ответы на старые вопросы и потому особенно восприимчив к влиянию других культур и к тому, что они могут предложить для построения нового мирового порядка. Всем понятно, что в будущем общество уже не может оставаться полностью западным.

Хотя говорить о будущем любой великой традиции — занятие неблагодарное и любое мнение здесь будет спорным, мы все-таки выскажем несколько общих замечаний. Первое связано с основами «нового конфуцианства» как движения. Выражаясь терминами одного из самых замечательных наших коллег, профессора Ту Вэймина из Гарвардского университета, конфуцианство останется примером «включающего» гуманизма. Представители «нового конфуцианства» верят, что нечто вроде понятия Моу Цзунсяня об «осознанном сознании» является ключевой метафорой для самых разнообразных проявлений конфуцианской мысли, личного самосовершенствования и общественной практики. Быть конфуцианцем — значит стремиться к человечности, к воплощению основной добродетели «жэнь», то есть гуманности. А характерная черта открытого, или «включающего» гуманизма состоит как раз в том, что он готов воспринять культурные достижения всего мира. Он открыт и для величественной музыки Баха, и для романтической поэзии, и для технологических достижений Силиконовой долины; порой его восхищают, а порой отталкивают дискуссии о правах человека и другие западные формы философии и религии. Он открыт для самых разных духовных и религиозных аспектов человеческой жизни. Короче говоря, это практически ничем не ограниченная, охватывающая всё форма гуманизма.

Как любая другая религиозная или философская традиция человечества, конфуцианство подвержено переменам, трансформациям и поискам нового прочтения древних текстов. Такое новое прочтение спо-

собно внести значительный вклад в развитие всего человечества. Книги, подобные «Четверокнижию», никогда не перестанут привлекать к себе интерес, что также свидетельствует о международном характере конфуцианства. Конечно, и другие тексты, такие как «Книга Перемен», «Книга о сыновней почтительности» и «Книга песен», также останутся частью общечеловеческого наследия, и искать в них новый смысл будут всегда.

Процесс модернизации конфуцианского образования в Китае только начинается. Однако на Тайване, в Гонконге, Японии и Корее учебные заведения конфуцианского толка существуют еще с момента окончания Второй мировой войны. В Корее, например, находится знаменитый Конфуцианский университет. В Японии сильна критическая школа, представители которой продолжают предлагать новые гипотезы, касающиеся истории конфуцианства не только в Японии, но и во всей Восточной Азии. В Гонконге действует Новоазиатский колледж, основанный в 1949 году, после коммунистической революции в Китае; ныне он является составной частью Китайского университета Гонконга.

В книжных магазинах, которые лет двадцать назад не продавали ничего интересного по теме конфуцианства, теперь можно встретить множество изданий, посвященных классическим трудам конфуцианства. Пекинский университет, главный университет КНР, недавно опубликовал новое многотомное издание тринадцати классических трудов. Помимо классических сочинений издаются труды таких неоконфуцианцев, как Чжу Си и Ван Янмин. Наконец, недавно

появились новые темы для исследований — история «нового конфуцианства», теория конфуцианского искусства, конфуцианский менеджмент. Наряду с классическими работами существуют даже постмодернистские исследования конфуцианства.

ВНУТРЕННИЙ МУДРЕЦ И ВНЕШНИЙ ЦАРЬ

Одно из самых важных критических замечаний, которые представители «нового конфуцианства» сами высказывают в адрес своего движения, касается равновесия теории и практики. Известная конфуцианская метафора, воплощающая в себе весь спектр традиции, гласит: «Мудрец — внутри, царь — снаружи». Это означает, что идеальный конфуцианец должен воплощать в себе высочайшие этические добродетели, уважать ученость, а также выказывать почтение к истинной форме познания. Однако внутренняя жизнь мудреца должна быть уравновешена «царством» снаружи. В настоящее время в университетах Китая издается огромное множество академических работ, посвященных внутренней мудрости, образованию и учености, тогда как внешним проявлениям конфуцианства уделяется меньше внимания. Конечно, представители «нового конфуцианства» не призывают вернуться к старой имперской политической системе и не стремятся поставить во главе китайского государства императора. Но они признают, что конфуцианство должно отвечать современным общественно-политическим требованиям и оправдывать ожидания жителей Восточной Азии.

Любопытно, что единственной сферой, в которой конфуцианская традиция оказала самое положительное влияние на практику, стало делопроизводство и управление. С конфуцианской точки зрения, для любого социального порядка прежде всего важна общественная гармония, а в организации бизнеса такая гармония весьма полезна. Например, японскую модель менеджмента и внутреннего диалога в настоящий момент изучают на Западе. Конфуцианское представление о бизнесе исходит прежде всего из того, что настоящая гармония означает взаимные уступки и деятельность ради общей выгоды, включая откровенное обсуждение разногласий. И хотя с западной точки зрения подобная модель кажется противоречивой и даже сомнительной, если выделить некоторое время, достаточное для обсуждений, то работа становится более продуктивной, а цели — более достижимыми.

Так что даже при том, что деловая активность в Восточной Азии никогда не рассматривалась как основная, многие деловые люди представляют прекрасный пример влияния конфуцианского образа мышления на повседневную жизнь. Конечно, современные конфуцианцы понимают, что некоторые политики могут спекулировать на стремлении добиться всеобщей гармонии и использовать его как прикрытие для своих неблагоприятных поступков. Другой конфуцианский принцип также вполне мог бы стать теорией бизнеса — речь идет об обновленном понимании социальной справедливости. Нетрудно предсказать такое развитие событий, ведь справедливость — это одна из основных конфуцианских добродетелей. Справедливость способна уравновесить потребность в гармо-

нии с потребностью критического мышления и деловой активности. От Конфуция и Мэн-цзы до современных конфуцианцев все поколения приверженцев этой традиции понимали, что истинное процветание человечества возможно, только когда в человеке и в обществе воплощены все пять добродетелей.

Интересно наблюдать, как выросшая на почве конфуцианства деловая община отвечает на возникшие в последнее время требования глобальной деловой этики. Согласно новым представлениям, для нормального бизнеса требуется наличие как минимум трех условий: отсутствие взяточничества, протекционизма и коррупции; отказ от дискриминации по расовому, религиозному, этническому или половому признаку; внимательное отношение к окружающей среде и ее охрана. На практике эти три новых этических требования как бы продолжают модель, отраженную в высказывании «мудрец — внутри, царь — снаружи».

Другое критическое замечание состоит в том, что разграничение на внутреннее и внешнее часто приводило к злоупотреблениям в конкретных общественно-политических ситуациях. Например, предполагается, что внутренний круг общения, начиная с близких и заканчивая непосредственным социальным окружением, имеет этическое преимущество перед более широким кругом людей вообще, мировым сообществом и окружающим миром. Однако современные конфуцианцы утверждают, что это ошибочное толкование конфуцианского ступенчатого подхода к почитанию окружающих. Да, мы действительно начинаем жизнь в семье и должны получать первое пред-

ставление о морали и этике именно от близких, но это не значит, будто этические нормы затрагивают только членов нашей семьи. На самом деле только научившись вести себя правильно в кругу семьи, человек способен вести себя правильно в более широком обществе; связей между внутренним и внешним мирами не прервать никогда.

Вступить в диалог с международным деловым миром конфуцианской этике пришлось в силу глобального характера мировой экономики, который с каждым годом все более проявлялся после Второй мировой войны. Японские бизнесмены, первыми вступившие на международную арену, сразу поняли, что их подход к бизнесу порой противоречит некоторым основным этическим положениям, а если вести дело так, как того требует конфуцианство, то это будет идти вразрез с общепринятым подходом. Например, внутри Японии многие представители деловых кругов были тесно связаны между собой, и не только в деловой сфере. Структура банков, поставщиков, производителей и распространителей отражала семейную структуру общества. Однако на международном уровне это выглядит как протекционизм и клановость. Выражаясь этическими терминами, старой японской системе недоставало «честности» или «справедливости», о чем все чаще упоминали и сами бизнесмены.

С конфуцианской точки зрения, все мы живем во взаимосвязанном мире, в обширной сети зависимостей и обязанностей перед собой и другими. Как только конфуцианский бизнес входил в контакт с другими деловыми кругами, ему необходимо было расширять свое представление о честности, чтобы не от-

талкивать партнеров и не удаляться от них, ведь, согласно конфуцианским нормам, нельзя относиться к другим без должного уважения и без должной справедливости. Почти то же самое происходит с представителями деловых кругов в Китае и в китайской диаспоре. В Китае зависимость от семейных связей была еще больше. Считалось, что в делах нельзя доверять никому, кроме членов своего рода. Современные конфуцианцы напомнили ведущим предпринимателям, что их долг перед близкими может быть исполнен в полной мере только тогда, когда будет процветать все общество, а вместе с ним достойно жить и каждый его член. Следовательно, «честность» следует распространить на всех представителей делового сообщества.

Таким образом, древнее представление о внутреннем мудреце и внешнем царе простирается даже на сферу современного международного бизнеса. По существу, конфуцианцы утверждают, что новый мировой порядок возможно установить, только если честность будет связана с гармонией и уважением к личности. Конечно, детали могут различаться, ведь представления о процветании на Западе и на Востоке различны. Однако если учитывать тот взаимный обмен идеями между Западом и Востоком, какой происходит сейчас, то стоит ожидать, что различий со временем будет все меньше и меньше. Например, продолжительный курс китайского общества на демократизацию и признание всеобщих прав человека со стороны представителей современного конфуцианства как раз свидетельствуют о таком взаимном проникновении идей.

ДВА НАЧИНАНИЯ В ЦЮЙФУ

Для того чтобы закончить историю конфуцианства, лучше места, чем Цюйфу, родной город Учителя, пожалуй, не найти. Согласно традиции, в 1999 году отмечалась 2550-я годовщина со дня рождения первого из мудрецов, Учителя десяти тысяч поколений. Как и другие культурно-исторические места, Цюйфу жестоко пострадал во время печально знаменитой «культурной революции» (наиболее жесткая кампания велась приблизительно с 1965 года по начало 1970-х). Цюйфу до сих пор остается центром рода Кун. В городе располагаются конфуцианский храм, дом семьи Кун и большой парк, известный под названием «Лес Конфуция». Предполагается, что за последние 25 веков здесь были похоронены более 100 000 членов рода Кун. Во время культурной революции могилы Учителя и его потомков осквернили. Говорят, что единственное сохранившееся от разорения место — внутренние покои конфуцианского храма. Сейчас в храме и в «Лесу» ведутся большие реставрационные работы.

В настоящее время в Цюйфу также строится внушительный центр для конференций и исследований. Здания конференц-центра и его библиотеки очень большие и просторные. Основные строения — это многоэтажная библиотека, выставочный зал и здание управления. Все постройки выглядят современно, но вместе с тем выполнены в стиле монументальной архитектуры эпохи Сун. Разница с Домом Собрания народных представителей в Пекине, построенным в советском стиле, разительна и очевидна. В зале основ-

ного здания находится барельефная копия известного сунского пейзажа высотой в четыре этажа. Под барельефом располагаются статуи Конфуция и четырех его любимых учеников в натуральную величину. Учитель стоит перед учениками и произносит назидательную речь, ученики сидят и внимательно слушают. Древность и современность здесь слились воедино. Остается только надеяться, что будущее конфуцианского Пути станет таким же великолепным, как и новый исследовательский институт. Увековечить память Конфуция строительством института для изучения конфуцианства — замечательный способ почтить память великого мудреца и продолжить его дело в новом столетии.

ХРОНОЛОГИЯ ДИНАСТИЙ И МУДРЕЦОВ*

2852–2738 до н. э.	Фу-си	}	Эра легендарных мудрецов и императоров**
2737 до н. э.	Шень-нун		
2697–2597 до н. э.	Хуан-ди		
2513–2435 до н. э.	Чжуань-суй		
2436–2365 до н. э.	Гао-синь		
2356–2258 до н. э.	Яо		
2256–2208 до н. э.	Шунь		
2205–2196 до н. э.	Юй		
2205 – ок. 1767 до н. э.	Ся	}	Три эпохи Высшей древности
ок. 1751–1045 до н. э.	Шан		
1045–249 до н. э.	Чжоу		
1111–771 до н. э.	Западная Чжоу		
770–256 до н. э.	Восточная Чжоу		
722–481 до н. э.	Вёсны и осени		
480–221 до н. э.	Сражающиеся Царства		
551–479 до н. э.	Конфуций		
ок. 385–312 до н. э.	Мэн-Цзы		
ок. 310–219 до н. э.	Сюнь-Цзы		

* Хронология, приводимая автором, не во всех случаях совпадает с принятой в российской науке (см., например: *Кравцова М. Е. История культуры Китая. — Спб.: Лань, 1999.* — *Прим. ред.*

** Датировка этой эры в английском оригинале отсутствует; приводится по указанному российскому источнику. — *Прим. ред.*

221–206 до н. э.	Цинь	} Государства-империи
206 до н. э. – 220 н. э.	Хань	
206 до н. э. – 9 н. э.	Западная Хань	
9–23	Синь	
25–220	Восточная Хань	
ок. 195–105	Дун Чжуншу	
220–265	Вэй	} Троецарствие (220–280)
222–280	У	
221–263	Шу-Хань	
226–316	Западная Цзинь	} Период раздробленности (316–589)
317–420	Восточная Цзинь	
386–589	Северные и Южные династии	
420–479	Сун	} Южные (420–589)
479–502	Ци	
502–557	Лян	
557–589	Чэнь	
386–534	Северная Вэй	} Северные (386–581)
534–550	Восточная Вэй	
535–557	Северная Ци	
557–581	Северная Чжоу	
581–618	Суй	
618–907	Тан	
768–824	Хань Юй	
907–923	Поздняя Лян	} Пять династий (907–960)
923–936	Поздняя Тан	
936–947	Поздняя Цзинь	
947–950	Поздняя Хань	
951–960 гг.	Поздняя Чжоу	
916–1125 гг.	Ляо (Северный Китай)	

960–1127	Северная Сун	} Сун (960–1279)
1127–1279	Южная Сун	
1017–1073	Чжоу Дуньи	
1011–1077	Шао Юн	
1020–1077	Чжан Цзай	
1033–1107	Чэн Хао и Чэн И	
1130–1200	Чжу Си	
1115–1234	Цзинь	
1260–1368	Юань	
1472–1529	Ван Янмин	} Мин 1368–1644
1578–1645	Лю Цзунчжоу	
1644–1911	Цин	
1619–1692	Ван Фучжи	
1724–1777	Дай Чжэнь	

СЛОВАРЬ

Ван Янмин (1472—1526). Великий философ эпохи Мин, разработавший учение о разуме-сердце. Критиковал учение Чжу Си; считается вторым по величию после Чжу Си философом, определившим развитие неоконфуцианства.

«Великое учение». Первая из книг «Четверокнижия», которую начиная с эпохи Северной Сун (1127—1279) считали вратами учения, открывавшими путь к другим книгам.

Дао. Путь, то есть надлежащее поведение; моральный образец, которому должны следовать все люди.

Жу. Наиболее часто используемый китайский термин для обозначения конфуцианства и его последователей. Прежнее значение слова неизвестно; предполагается, что в эпоху Чжоу так называли ученых и специалистов по ритуалам.

Жэнь. Часто переводится как «гуманность», «сострадание» или «человечность». Проявляется только в поступках и мыслях истинных мудрецов.

Инь и ян. Основные противоположные силы или проявления Дао; мужское и женское начало, силы движения и покоя, тепла и холода, твердого и мягкого и т. д. Во всех явлениях и объектах присутствуют как элементы «инь», так и элементы «ян».

Ками. Японское название духов местной религии «синто».

«Канон писаний». Одно из самых ранних конфуцианских сочинений; обычно считается книгой по истории и сборником различных исторических записей.

Князь Чжоу (XI век до н. э.). Один из величайших культурных героев, благодаря которому Китай эпохи ранней Чжоу достиг процветания. Брат царя У.

Конфуцианский Путь/Дао. Особый путь конфуцианцев; часто его называют также «нашей культурой». Данный Путь следует отличать от Путей даосизма или буддизма.

Легизм/легисты. Одна из наиболее интересных философских школ, соперничавших с конфуцианством в период Сражающихся Царств. Превыше всего легисты ставили закон и полагали, что для управления государством мораль не важна. Согласно этому учению, есть только две основные движущие силы: боль и наслаждение. В последующие эпохи о легистах всегда отзывались отрицательно.

«Ли». 1. Обширный кодекс конфуцианских ритуалов, которые сопровождают все стадии человеческой жизни от рождения до смерти. Лучше всего воспринимать их как форму цивилизации, связывающую между собой людей. 2. Форма или образец объектов и явлений мира. Одно из основных философских понятий в системе Чжу Си. Учение Чжу Си поэтому часто называют «ли сюэ», то есть «учением о принципе».

Мо-цзы. Великий философ древности, критик конфуцианства; разработал изошренную систему утилитарной этики и жесткую логическую систему.

Мэн-цзы (ок. 371—289 до н. э.). Второй по величию конфуцианский философ эпохи Чжоу; его также называют Вторым мудрецом после Конфуция.

Пять элементов, или «у син». Пять форм проявления ци, в которых она воплощается в окружающем мире: огонь, дерево, вода, земля и металлы. Не следует воспринимать их как независимые друг от друга элементы; это скорее пять стадий развития жизненной силы, или энергии вещей.

Разум-сердце, или «сю». В классическом конфуцианстве разум всегда связывали с сердцем, поэтому если слово «сю» переводить просто как «разум», то теряется важнейшая эмоциональная составляющая данного термина.

Разум-сердце Пути. Проявление Дао в совершенных человеческих эмоциях, мыслях и поступках; цель самосовершенствования.

Сёгун/сёгунат. Японский термин для обозначения верховных военачальников, которые правили от имени императора. Последний и наиболее могущественный сёгунат был основан династией Токугава в 1600 г. Токугава правили до 1868 г.

- Синто.** Исконная японская религиозная традиция, существовавшая до распространения буддизма и конфуцианства. Характерная черта — почитание природы.
- Сюнь-цзы (ок. 310—210).** Третий по величию великий философ конфуцианства. Наиболее систематичный мыслитель из трех. Иногда его учение считается нетрадиционным, поскольку он критиковал Мэн-цзы и утверждал, что люди по природе злы.
- Тайпины (восстание тайпинов).** Известное великое псевдохристианское восстание 1850—1860-х гг., опустошившее Южный и Центральный Китай. Возможно, унесло больше людских жизней, чем любая из войн в истории человечества.
- Тай-цзи.** Великий предел, наивысшая форма проявления принципа. Предполагается, что все, у чего имеется «тай-цзи», а также Дао, является Великим пределом Вселенной.
- Таэль.** Стандартная монета эпохи Цин
- Тянь.** Буквальный перевод — «небо»; в эпоху Чжоу так назывался и высший бог. Позже термин во многом утратил теологический смысл и стал обозначать мировой порядок.
- Фэн-шуй.** Буквально «ветер и вода». Древнее искусство нахождения благоприятного места для сооружения домов, гробниц, храмов или других построек.
- Хань Юй (786—824).** Великий конфуцианский ученый эпохи Тан. Некоторые связывают с ним начало неоконфуцианского возрождения, завершенного в эпоху Сун.
- Царь Вэнь и царь У (XI в. до н. э.).** Основатели династии Чжоу, отец и сын, которых Конфуций называл царями-мудрецами.
- Ци.** Часто переводится как «жизненная сила», «энергия», «пар» или другими терминами. Нечто, содержащееся во всех объектах окружающего мира, из чего все исходит и к чему возвращается. Основная движущая сила Вселенной.
- «Четверокнижие».** Четыре классические книги конфуцианства: «Великое учение», «Беседы и суждения», «Мэн-цзы» и «Срединный путь», избранные Чжу Си и положенные в основу конфуцианского образования начиная с эпохи Юань по 1905 г.
- Чжу Си (1130—1200).** Величайший представитель неоконфуцианства эпохи Сун. Второй по величию философ конфуциан-

ства после самого Конфуция. Его работы легли в основу государственной системы экзаменов, действовавшей с 1313 по 1905 г.

Чжуан-цзы (ок. 399—295 до н. э.). Великий мыслитель эпохи Чжоу, представитель даосизма. Известен своими философскими работами и остроумными прозаическими произведениями.

Шу. Одно из качеств жэнь в конфуцианстве; сострадание, желание помочь другим, доброжелательность.

Ямынь. Комплекс правительственных зданий, в которых располагались городская управа, тюрьма, проживали городской глава и чиновники и т. д.

Янбань. Корейский термин для обозначения правящей аристократической элиты в Корее эпохи Чосон (1329—1910).

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	5
Глава 2. ВОСПИТАНИЕ СЕБЯ	42
Глава 3. ОБУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	71
Глава 4. ПЕРЕДАЧА ДАО	122
Глава 5. ИССЛЕДОВАНИЕ ЗЛА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ	170
Глава 6. ВСТРЕЧА С ЗАПАДНЫМ УЧЕНЫМ	200
Глава 7. КАБИНЕТ УЧЕНОГО	228
Глава 8. НА ПУТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР	259
ХРОНОЛОГИЯ ДИНАСТИЙ И МУДРЕЦОВ	296
СЛОВАРЬ	299

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»

приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

Телефон / факс:

(095) 721 - 38 - 56

(многоканальный)

Почтовый адрес:

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

e-mail: office@grand-fair.ru

Интернет: <http://www.grand-fair.ru>

Серия «Грандиозный мир»

Джон и Эвелин Бертронг

КОНФУЦИАНСТВО

Редактор И. Луговая

Дизайн обложки Е. Ярошенко

ЛР 065864 от 30 апреля 1998 г.

Подписано в печать 20.06.2004.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,96. Тираж 5000 экз.

Заказ 3702.

Издательство «ФАИР-ПРЕСС»

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

FM

ISBN 5-8183-0770-0

9 785818 307701

ГРАНДИОЗНЫЙ МИР